

ЗАТЕРЯННЫЕ И УТРАЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Историко-библиографический обзор М. К. Азадовского

Цель настоящего очерка объединить сведения о тех произведениях декабристов, которые, вследствие самых разнообразных причин, до нас не дошли, но о которых известно из каких-либо упоминаний о них в разных источниках. Необходимость и полезность такого обзора диктуются не какими-либо узко академическими соображениями или специально-библиографическими потребностями, — эта задача вытекает из стремления как можно полнее и разностороннее охватить многогранную деятельность ранних русских революционеров и более точно учесть их вклад в историю русской культуры, и в историю русской политической и художественной литературы, и в историю русской науки, и — особенно — в историю русской революционной мысли.

Частично такого рода опыты делались уже некоторыми представителями либерально-народнической историографии, но каждый раз лишь по какому-нибудь частному поводу и не всегда с достаточной полнотой. В. Я. Богучарский пытался выяснить состав не дошедших до нас декабристских мемуаров¹; в исследовании В. И. Семевского был назван ряд несохранившихся памятников политической мысли декабристов². Более планомерно и настойчиво ставили эту тему советские исследователи. В составленный Ю. Г. Оксманом список сочинений Рыльева были включены стихотворения и поэмы, известные лишь по заглавиям³; С. С. Волк подобрал и подытожил упоминания о не дошедших до нас исторических сочинениях декабристов⁴; М. В. Нечкина уделила большое внимание учету и анализу погибших произведений Грибоедова⁵; ряд историков литературы трудился над выяснением состава сочинений А. И. Одоевского и восстановлением содержания не найденных или сохранившихся в отрывках его стихотворений⁶ и т. д. Таким образом, поставленная нами задача не является новой и неожиданной: она уже давно включена в план исследовательских работ по декабризму.

Такая задача подготовлена и обусловлена, наконец, тем размахом, который приняли советские декабристоведческие изучения, выдвинувшие ряд новых тем и новых вопросов. Только в советское время поставлена с должной широтой проблема декабристской литературы и специфически декабристского подхода к трактовке и решению различных научных вопросов: мы с полным правом теперь говорим о декабристской исторической науке, о декабристской фольклористике, о декабристской эстетике⁷ и уже вплотную подходим к раскрытию целостной системы декабристского мировоззрения. Но литературное наследие декабристов дошло до нас далеко не в полном виде: очень многое еще хранится в рукописях и не опубликовано; многое затерялось или навсегда погибло. И для того, чтобы составить более полное и правильное представление о характере и содержании литературной деятельности декабристов, необходимо учесть и все

сведения о том, что было выполнено ими на разнообразных участках русской культуры, но что до нас, вследствие тех или иных причин, не дошло.

Материалы, относящиеся к деятельности тайных обществ, подготовивших и осуществивших первое революционное выступление против царской власти, тщательно уничтожались самими участниками движения. А вместе с документами политического характера и значения безжалостно истреблялись родными и знакомыми декабристов — из-за страха или равнодушия — и всевозможные другие памятники, в какой бы то ни было степени связанные с деятелями декабристского движения: их письма, дневники, записные книжки, альбомы, литературные и научные произведения, переводы и проч., и проч.

В истории гибели и утраты памятников декабристской литературы можно наметить несколько этапов. Каждый новый период в истории декабристских организаций сопровождался уничтожением бумаг периода предшествующего. При учреждении Союза Благоденствия были уничтожены все бумаги Союза Спасения; позже, при аналогичных обстоятельствах, «был истреблен» архив Союза Благоденствия. Управы Северного и Южного обществ было вообще постановлено не иметь никаких письменных документов, вследствие чего сразу же уничтожались всякие следы «письменной деятельности» — отчеты, инструктивные письма, планы и проекты революционных выступлений и т. п. — правда, это не всегда тщательно выполнялось⁸.

Таким образом, первый этап утраты декабристских документов относится еще к «додекабрьскому времени».

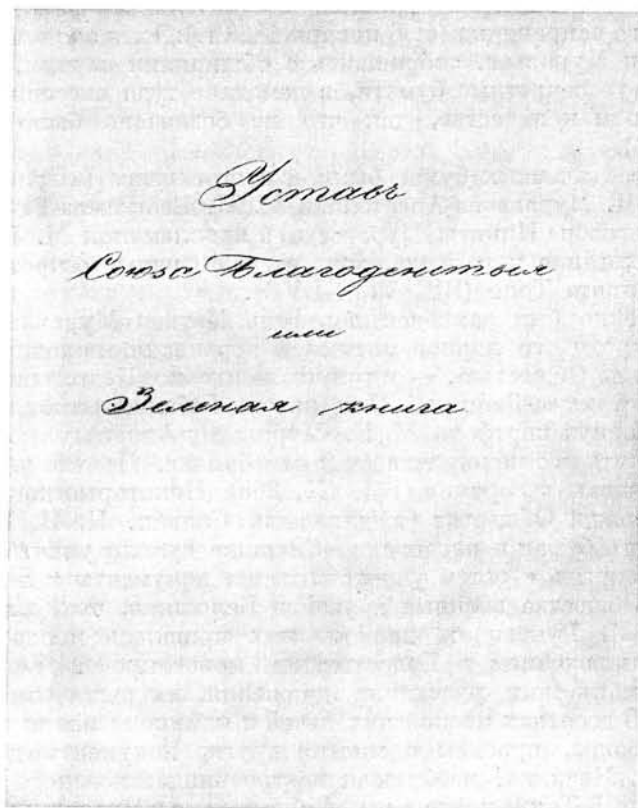
Второй этап начался после восстания 14 декабря. Лицам, производившим аресты, строжайшим образом наказывалось «захватить бумаги» арестованных, однако выполнить это приказание удавалось весьма редко: захватывались и «препровождались» обычно самые незначительные и случайные бумаги, — документы же, более всего интересовавшие следователей, попадали в их руки в крайне незначительном количестве. И самим декабристам и их семьям удалось скрыть и уничтожить почти все, что имело хоть какое-либо отношение к их политической деятельности; так, например, в предписании орловскому губернатору об аресте Никиты Муравьева было особо указано на необходимость проявить при взятии бумаг последнего «большую осторожность», «дабы он не успел скрыть из них некоторых». Однако мать и жена Муравьева успели уничтожить все компрометирующие бумаги, находившиеся и в орловской усадьбе Муравьевых и в их петербургском доме⁹.

В Петербурге массовые аресты начались лишь 15 декабря, что дало возможность своевременно уничтожить все опасные бумаги. Рылееву, который был арестован еще вечером 14-го, удалось спасти свой литературный архив, передав его Булгарину, но все политические документы и свои революционные сочинения он уничтожил; свои архивы уничтожили и другие руководители и участники восстания, — один только И. И. Пущин рисковал спасти для истории бывшие у него документы, передав их на хранение П. А. Вяземскому. Как известно, Вяземский бережно выполнил принятое на себя обязательство: так был спасен один из крупнейших идеологических памятников декабризма — «Конституция» Никиты Муравьева с критическими замечаниями Н. А. Бестужева и К. П. Торсона.

С. П. Трубецкой тщательно укрывал свои бумаги, однако при его аресте было все же обнаружено несколько важных документов, очень затруднивших его положение во время следствия; остальное было позже извлечено из квартиры Трубецкого и уничтожено его братом Александром и близким другом его — Щербатовым (ВД, I, 78—84). Обыск в квартире А. М. Булатова был уже после его ареста, и заранее предупрежденные

родственники его успели сжечь все принадлежавшие ему бумаги, в том числе письма Пестеля и Рыльева¹⁰.

Попытка Пестеля спасти свои бумаги, зарыв их в землю, не удалась, но часть он уничтожил еще в ноябре 1825 г. Другая часть его бумаг была уничтожена его друзьями, как только стало известно о приезде Чернышева для производства арестов и обысков. «Всю ночь мы жгли бумаги и письма Пестеля», — вспоминал позже Н. И. Лорер. Одновременно он уничтожил и все свои бумаги. Н. П. Павлов-Сильванский полагал, что

«УСТАВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ ИЛИ ЗЕЛЕНАЯ КНИГА»,
1817—1818 гг.

Титульный лист

Центральный исторический архив, Москва

в числе уничтоженных Пестелем бумаг были и «наиболее опасные» главы «Русской правды»¹¹, однако это предположение остается недоказанным, так как вообще неизвестно, успел ли Пестель довести до конца свой труд и придать всем главам законченную литературную форму, но несомненно, что все черновые материалы и первоначальные редакции — в том числе первоначальные редакции и этих «опасных» глав — были Пестелем уничтожены.

По весьма убедительному предположению В. М. Базилевича, часть бумаг Южного общества была уничтожена А. П. Юшневским, который был заблаговременно извещен о приезде Чернышева¹². По показанию В. Л. Давыдова, известие об аресте Пестеля и Юшневского «всех

устрашило», и тогда же он предложил «сжечь бумаги, у кого есть такие, которые бы могли ему вредить, сие и Волконский мне советовал»¹³. О сожжении бумаг С. Г. Волконским сохранился рассказ М. Н. Волконской: «он <Волконский> вернулся среди ночи и тотчас же разбудил меня. „Вставай скорей!“ Я вскочила, дрожа от страха <...> Он растопил камин и стал жечь какие-то бумаги. Как умела, я ему помогала»¹⁴. Давыдов добавлял в своем показании: жгли и «другие»¹⁵.

Бумаги Сергея Муравьева-Апостола были захвачены во время его отсутствия подполковником Гебелем, явившимся его арестовать (ВД, VI, 105), но какие-то важные документы, находившиеся при нем, он позже уничтожил, о чем сохранился обстоятельный рапорт васьиловского земского исправника (от 6 января 1826 г.): «...в экономическом доме подполковник Муравьев, собравшись с общниками своими, сжег на каминку какие-то секретные бумаги, в чемодане туда внесенные, довольно в значительном количестве, так что не безопасно было от пожара» (ВД, VI, 334).

В числе захваченных бумаг были два катехизиса («Православный катехизис» С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина и «Любопытный разговор» Никиты Муравьева) и прокламация М. П. Бестужева-Рюмина «Воззвание к народу», как названа она в секретном рапорте генерал-адъютанта Толя (ВД, VI, XLVII).

Одновременно был захвачен портфель Матвея Муравьева-Апостола, в котором, кроме его личной интимной переписки, находились бумаги, «касающиеся до Общества», — в том числе письмо Пестеля и копия одной из речей Бестужева-Рюмина. При аресте Гебеля восставшими денщик последнего вернул портфель М. И. Муравьеву-Апостолу, который поспешил уничтожить все находившиеся в нем бумаги. Прочие же его бумаги, были «расхищены гусарами» (ВД, IX, 266). Некоторые документы были найдены у вождя Общества Соединенных Славян, П. И. Борисова, но большую часть бумаг и переписки «Славяне» сумели уничтожить.

Удалось скрыть и затем уничтожить все документы и личные бумаги участников Общества военных друзей в Белостоке, что было выполнено сестрами М. И. Рукевича: одной из них пришлось поплатиться за это годичным заключением в Белостокском монастыре¹⁶.

Жгли бумаги сами участники движения, их родственники, друзья, знакомые. «В десятках московских печей и каминов пылали письма, дневники, протоколы, проекты и многие другие документы движения», — пишет М. В. Нечкина, изображая настроения московского общества после 14 декабря¹⁷. Такие костры пылали не только в Москве и в Петербурге: по всей стране тщательно истреблялись следы дружбы и знакомства с декабристами. Это массовое истребление вызвано было не только страхом, но во многих случаях и стремлением спасти арестованных. Широко известно, как теми же самыми лицами, которые произвели арест Грибоедова, были предварительно, даже без ведома самого Грибоедова, уничтожены его бумаги. Некоторые из захваченных бумаг удалось выкрасть и уничтожить; так, по рассказу Д. И. Завалишина, были уничтожены документы, уличающие М. М. Нарышкина¹⁸. Подводя итоги, можно сказать, что «битву» за бумаги декабристов Николай I проиграл.

Третий этап гибели декабристских бумаг — совершенно беспримерное уничтожение их в официальных инстанциях. Сразу же после окончания следствия, по личному распоряжению царя, из следственных дел декабристов были изъяты и уничтожены все стихотворения, приведенные в показаниях, то есть стихи противоправительственные и атеистические. В тех же случаях, когда такое изъятие было невозможно по техническим причинам, они тщательно зачеркивались. В результате этого продиктованного ненавистью и страхом приказа погиб ряд драгоценнейших памятни-

ков русской политической поэзии. Часть документов Николай I предлагал хранить в Главном штабе за особой «императорской печатью»; предварительно он послал их для ознакомления в. к. Константину. Последний посоветовал эти «мерзкие бумаги» нигде не хранить, «а вовсе уничтожить — сжечь», что и было выполнено. На письме Константина И. И. Дибич сделал пометку: «По высочайшему повелению все сии бумаги лично мною сожжены в Москве»¹⁹. К сожалению, не сохранилось никаких намеков на содержание этих загадочных бумаг. Ряд писем декабристов и черновиков их показаний был обнаружен в бумагах коменданта Петропавловской крепости Сукина после его смерти; все эти бумаги было приказано уничтожить²⁰.

Часть бумаг из дел Следственного комитета, к счастью для историко-литературной науки, сохранил чиновник А. А. Ивановский²¹, хотя, видимо, не все, что было в его руках, дошло до нас. Какие-то бумаги, имевшие отношение к декабристам, находились впоследствии у чиновника III Отделения, М. М. Попова²². Матери Никиты Муравьева удалось за огромную взятку получить из дел III Отделения (и затем уничтожить) сочинение, написанное Муравьевым в Сибири и захваченное при аресте М. С. Лунина²³.

Четвертый этап связан с периодом сибирской каторги и поселения. За это время накопились новые бумаги и производились новые уничтожения. Множество сочинений и писем декабристов погибло в связи с арестом Лунина. В момент обыска у Лунина сожгли свои бумаги его ближайшие соседи по урикскому поселению — Н. Муравьев и Волконский, а затем, в связи с распространившимся известием об аресте Лунина, стали спешно уничтожать свои сочинения и письма товарищей и другие декабристы — в это время, вероятно, была сожжена первая редакция «Записок» И. И. Горбачевского и, видимо, тогда же уничтожил свои бумаги и хранящиеся у него сочинения товарищей П. А. Муханов. Вследствие разных столкновений с местным начальством вынужден был сжечь часть своих бумаг М. А. Бестужев. Бумаги П. Ф. Выгодского погибли при его новом аресте в 1854 г. За несколько лет до амнистии погибли бумаги И. Д. Якушкина. В течение долгого времени они находились у матери его жены, Н. Н. Шереметевой, которая хранила их под полом своего кабинета, надеясь когда-либо передать их Якушкину. Но перед смертью, опасаясь, что они попадут в чужие руки, сожгла²⁴.

Огромное количество бумаг погибло уже после возвращения амнистированных декабристов на родину. Это пятый, но еще не последний, этап утраты литературного наследия декабристов. Зачастую в это время гибли бумаги, пережившие очень опасные моменты в прошлом и ставшие жертвой небрежности или трусости их позднейших владельцев. Так, например, часть бумаг Матвея Муравьева-Апостола в течение долгого времени хранилась у его сестры, Е. И. Бибиковой, но затем была уничтожена ее наследниками. В числе уничтоженных бумаг находились, между прочим, письма Сергея Муравьева и Трубецкого о событиях в Семеновском полку. «Эти письма, — вспоминал позже М. И. Муравьев-Апостол, — в настоящее время послужили бы редким историческим материалом»²⁵.

Погиб ряд ценнейших документов, остававшихся в Сибири после отъезда или смерти их авторов и владельцев. Целиком погибли бумаги И. И. Горбачевского и А. Е. Мозалевского в Петровском заводе. Во время минусинского пожара погибли бумаги Крюковых и хранившиеся вместе с ними бумаги И. В. Киреева. В Красноярске были расхищены бумаги М. Ф. Митькова. Бесследно затерялись бумаги Ю. К. Люблинского. В Красноярске же очень долго хранились в частных руках мемуары А. И. Якубовича; они были сожжены их последним владельцем уже сравнительно недавно, во время разгрома колчаковщины²⁶.

При своеобразных обстоятельствах погибли мемуары Г. С. Батенькова, став жертвой уже не страха и не равнодушия, но гатологического пиетета. Они были завещаны Батеньковым А. М. Лучшевой, которая и хранила их «как святыню». Эти мемуары видели и читали некоторые томские жители, со слов которых и сохранил известие о них и их судьбе историк старого Томска, журналист и археолог, А. В. Адрианов. По его сообщению, А. М. Лучшева «зашила записки Батенькова в шелковую подушку и приказала положить их в гроб, под ее голову, когда она умрет». И это было выполнено²⁷. Рассказ Адрианова подтверждается авторитетным свидетельством Г. Н. Потанина²⁸. При сходных обстоятельствах и по таким же причинам погибли в 1920-х годах письма Трубецкого в семье иркутских старожилов Первунинских²⁹.

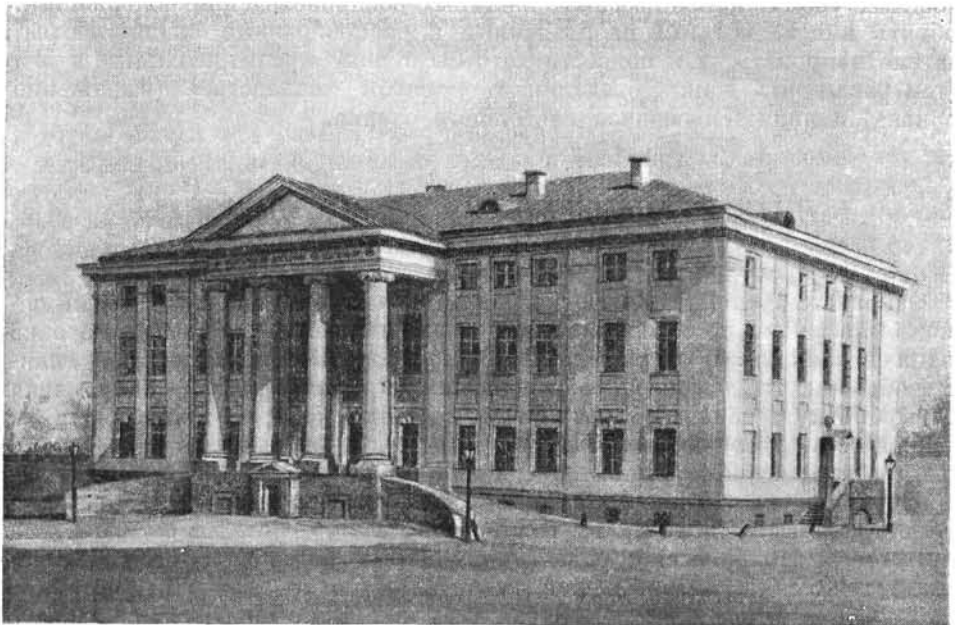
Этими фактами, конечно, не исчерпывается и не может быть исчерпан мартиролог памятников декабризма. По большей части нам неизвестны обстоятельства гибели такого рода документов. Кроме того, многие, зачастую первоклассной важности, литературные памятники и исторические документы утратились вследствие нерадивости, небрежности или невежества разных лиц, разделив в этом отношении судьбу многих памятников русской культуры³⁰.

Наиболее пострадала декабристская политическая литература. Между тем, как можно судить на основании разных источников, существовала довольно обширная литература, созданная деятелями Тайного общества. Известно, что был литографский станок для печатания «писем и сочинений декабристов»³¹; сохранились упоминания об отдельных литографированных изданиях Тайного общества; мы знаем о существовании уставной литературы, инструктивных писем, планов и проектов действия и пр. Декабрист С. М. Семенов показывал на следствии, что при закрытии Союза Благоденствия было прекращено всякое «письменное производство по делам Общества»³², а бывший член коренного Совета, ставший позже полицейским агентом, М. К. Грибовский, говорил уже прямо об уничтоженном «архиве» Союза³³. Из всей «письменности» Союза Благоденствия до нас дошел только один памятник: первая часть его «Устава», так называемая «Зеленая книга». Все остальное погибло и нам неизвестно. Не сохранилось ни одного документа Союза Спасения.

Некоторым декабристам следователи предлагали специальный вопрос о сочинениях, стремившихся «к исполнению революционной цели». М. С. Лунину он был поставлен в такой форме: «Кто из членов наиболее стремился к распространению и утверждению мнений Общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?». Лунин дал, как всегда, лаконичный и мало что раскрывающий ответ: «Все члены Общества равно соревновались в стремлении к сей цели» (ВД, III, 117). Сергей Муравьев-Апостол на подобный вопрос заявил: «Члены, имевшие больше всех влияния на Южное общество советами или сочинениями, были я, Пестель и Бестужев-Рюмин» (ВД, IV, 275). Само собой разумеется, что под словом «сочинения» и спрашивающие и отвечающие понимали не разного рода устные, выступления и речи, но определенные письменные документы. Между тем, за исключением «Православного катехизиса», нам неизвестны никакие сочинения С. И. Муравьева-Апостола, вероятно, он в своем показании имел в виду не этот памятник, предназначенный для агитации вне Общества, а другие, определяющие направление работы и тактические задачи революционной организации. Имя М. П. Бестужева-Рюмина никогда не включалось в число декабристов-писателей.

Художественные и научные произведения декабристов пострадали в меньшей степени, но и здесь приходится констатировать огромное количество затерянных или навсегда погибших произведений: стихотворений, поэм, драм, рассказов и повестей, путевых очерков, публицистических

статей, критических этюдов, исторических разысканий, филологических исследований, трудов натуралистических и физико-математических. Утрачены публицистические произведения В. Н. Лихарева, М. М. Спиридова, П. Ф. Выгодского, Я. М. Андреевича, бесследно затерялись археологические разыскания Алексея Веденяпина, утеряны филологические работы В. К. Кюхельбекера и П. А. Муханова, этнографические очерки М. А. и Н. А. Бестужевых, В. К. и М. К. Кюхельбекеров, философские рассуждения А. П. Барятинского, труды А. П. Арбузова и К. П. Торсона по механике, сочинения Торсона по экономическим вопросам, Ф. Б. Вольфа по исследованию минеральных вод Сибири, художественная проза П. А. Муханова и

ШЕФСКИЙ ДОМ В ХАМОВНИЧЕСКИХ КАЗАРМАХ В МОСКВЕ

Здесь в квартире А. Н. Муравьева собирались в 1810-х гг. будущие члены тайных обществ

Рисунок Э. П. Сиговой, 1951 г.

Исторический музей, Москва

Е. П. Оболенского, стихотворения и поэмы В. П. Ивашева и мн. др. Это только несколько имен, приведенных в качестве иллюстративных примеров.

О многих произведениях не сохранилось даже и упоминаний, и об их существовании приходится лишь догадываться. Несомненно, были какие-то политические сочинения Ф. Н. Глинки. Глинка играл крупную роль в истории ранних декабристских организаций: выдающийся организатор и превосходный конспиратор, он принимал активнейшее участие в создании Тайного общества и в выработке разного рода уставных документов, инструктивных докладов, отчетов и т. п. Однако он сумел тщательно законспирировать свою работу, вследствие чего ему и удалось отделаться сравнительно незначительным наказанием. Но остается невыясненной его подлинная историческая роль в декабристском движении и не установлен или вернее совсем неизвестен фонд его политических сочинений.

Другой пример — декабрист В. С. Норов. Он принадлежал к числу образованнейших офицеров своего времени. Уже по окончании заклю-

чения и службы на Кавказе было напечатано его сочинение: «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (1834). Но после выхода в свет этой книги Норов прожил еще двадцать лет; по рассказам современников, он все время много работал: читал и писал³⁴. Однако нет никаких сведений о характере и содержании его писаний, об их заглавиях, жанре и проч. Все это бесследно утрачено. Число таких примеров можно значительно увеличить.

Источники сведений о не сохранившихся произведениях декабристов разнообразны: упоминания в архивных делах, в письмах, мемуарах и дневниках декабристов и их современников, в литературных памятниках или научных трудах. Разнообразны и пестры самые сведения: от общих и беглых упоминаний до весьма обширных воспроизведений содержания. Собрать вместе все эти разрозненные и разнообразные свидетельства, систематизировать их и подвести хотя бы первые предварительные итоги и тем расширить наши сведения о «святом наследстве» (выражение Герцена) и является задачей настоящего очерка.

I. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РАННЕЙ ПОРЫ ДЕКАБРИЗМА

Основным руслом политической мысли декабризма в его начальный период была работа по созиданию и строительству тайных обществ. В это же время возникали и разрабатывались программные принципы, но главным образом творческая энергия участников движения была направлена на выработку организационных форм, в рамках которых можно было бы правильно и уверенно вести работу по подготовке революции. Однако документация этой огромной организационной работы, равно как и деятельности по укреплению роли тайных обществ и пропаганде ее значения сохранилась в очень скудных размерах.

Историю декабристских организаций принято начинать с таких временных объединений, как «Священная артель» или «Семеновская артель», которые, по выражению М. В. Нечкиной, являются «колыбелью» первого Тайного декабристского общества³⁵. В историю тайных обществ должны войти и различные кружки, являющиеся филиалами или ответвлениями центральных организаций.

Хронологические рамки этой деятельности обозначаются примерно в 11—12 лет, принимая за начальную дату 1814 г., то есть время образования кружка А. Н. Муравьева и И. Г. Бурцова, вошедшего в историю под названием «Священной артели». Эти рамки возможно несколько расширить, если привлечь сюда юношеское общество «Чока» (1810—1812), организованное тремя братьями Муравьевыми. И по составу участников Общества, и по одушевлявшим их помыслам оно организационно входит в «предисторию декабризма». Это был кружок юных мечтателей-республиканцев, его членами являлись Александр, Михаил и Николай Муравьевы, Матвей Муравьев-Апостол, Артамон Муравьев, братья Перовские и другие. «Президентом» был Н. Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский). Это тайное общество поставило своей целью — образование республики на основе всеобщего равенства. Предполагалось через пять лет удалиться на какой-нибудь «остров, населенный дикими», и там образовать «новую республику». Таким островом был избран Сахалин, условно называемый членами Общества «Чока», — отсюда название Общества. Как сообщает Н. Н. Муравьев, были выработаны и записаны законы будущей республики, автором которых был сам «президент Общества», устраивались регулярные собрания и даже был проект особой одежды для членов кружка. «На собраниях, — рассказывает Н. Н. Му-

равьев,— читались записки, составленные каждым из членов для усовершенствования законов товарищества, которые по обсуждению принимались всеми»³⁶. Ни одна из этих «записок» до нас не дошла; не сохранились и написанные Н. Н. Муравьевым «Законы Сахалинской республики» и выработанные коллективно «Законы» Общества; нет и никаких более точных указаний на их содержание. Литературными памятниками кружка «Чока» открывается, таким образом, перечень утраченных произведений декабризма³⁷.

Кружок «Чока» еще не был политической организацией; республиканизм его участников носил отвлеченный характер и выражался в социально-утопической форме. «Сахалинская республика» должна была стать реальным воплощением принципов «социального договора» Руссо, но в какой-то степени в этом юношеском кружке, в котором самому старшему участнику было 18 лет, затрагивались и вопросы современной русской действительности. И не случайно, что из кружка вышли впоследствии крупные деятели декабристского движения. Из состава этого же кружка образовалась так называемая «Священная артель» (1814—1817).

История «артели» подробно освещена в недавнем специальном исследовании М. В. Нечкиной. Ею установлен и состав этого кружка: в него входили И. Г. Бурцов, три брата Муравьевых, братья Петр и Павел Колошины, Алексей Семенов, В. И. Рачинский, Д. А. Искрицкий; позже присоединилась группа лицейстов: И. И. Пуцин, В. Д. Вольховский, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг; участвовал в артели и Михаил Пуцин³⁸. Очень возможно, что к кружку примкнул и С. П. Шипов; он в это время был очень близок с И. Г. Бурцовым, вместе с другими членами «артели» слушал частные лекции по политической экономии профессора Германа и в сотрудничестве с Бурцовым составил не дошедший до нас конспект этих лекций³⁹. Единственным известным нам письменным памятником кружка является «Памятка» (1816), отправленная от имени всех членов «артели» уехавшему на Кавказ Н. Н. Муравьеву. Ее полный текст воспроизведен в «Записках» Н. Н. Муравьева, являющихся главным источником и для истории общества «Чока» и для истории «Священной артели»⁴⁰.

Как правильно указывает М. В. Нечкина, эта «Памятка» ярко иллюстрирует духовную связь членов «артели» с декабристами и раскрывает принципиальные основы ее существования⁴¹. Никаких других письменных документов, относящихся к «артели», до нас не дошло, и неизвестно, были ли они.

Революционные и республиканские цели были уже решительно поставлены обществом «Орден русских рыцарей», организованным М. А. Дмитриевым-Мамоновым и М. Ф. Орловым, но оно еще в значительной степени было связано с масонством. В течение некоторого времени к «Ордену» был близок и Н. И. Тургенев. В своих мемуарах последний сообщает, что Орлов, возвратясь в 1817 г. из-за границы, показывал ему проект восстановления масонства как организации политической. Этот «проект» читали и другие лица, в том числе, по предположению В. И. Семевского, кн. Баратаев⁴². В оправдательной записке Н. И. Тургенев именуется этот документ несколько иначе: «Проект Тайного общества, основанного на масонстве»; этот проект Орлова до нас не дошел. На следствии Орлов показывал, что, действительно, в 1817 г. говорил Н. И. Тургеневу об организации Тайного общества, но последний нашел эту мысль неосуществимой⁴³.

Из литературных памятников, созданных или создававшихся «Орденом русских рыцарей», наибольший интерес представляет печатная брошюра на французском языке (1817), автором которой был Дмитриев-Мамонов. Отпечатана она была всего в 25 экземплярах; точное заглавие ее не

установлено. Сам Дмитриев-Мамонов в одном из писем именовал ее «Краткие наставления», а в доносе 1822 г. она была названа «Наставление русскому рыцарю»⁴⁴.

О существовании этой брошюры было широко известно; о ней упоминал в своих показаниях Пестель: «У них (членов Общества русских рыцарей) была печатная книжечка об Обществе». И тут же добавлял, что сам он «ее не читал» (ВД, IV, 118). Несомненно, Пестель хотел избежать расспросов о ее содержании.

Брошюра до нас не дошла, но в 1949 г. Ю. М. Лотман обнаружил среди бумаг известного масона Максима Невзорова (хранятся в ГПБ) рукописное сочинение, озаглавленное «Краткое наставление Р. Р. . Последние буквы Ю. М. Лотман расшифровывает как «русским рыцарям» и полагает, что эта рукопись представляет собою копию с той рукописи Дмитриева-Мамонова, с которой был сделан перевод для французского издания⁴⁵. Если считать точным указание доноса 1822 г., то данное заглавие следует читать — «Краткие наставления русскому рыцарю», что, несомненно, более правильно, ибо все «наставления» построены в форме повелительного склонения во втором лице единственного числа.

Соображения Лотмана о невзоровской рукописи очень убедительны, но требуют некоторых ограничений. Ни в коем случае не следует считать данный текст идентичным сочинению Дмитриева-Мамонова, о содержании и характере которого мы знаем из его писем. Дмитриев-Мамонов пишет: «Я велел напечатать „Краткие наставления“ с прибавлениями». Этих «прибавлений» в невзоровской рукописи нет. Между тем они-то главным образом и определяли сущность брошюры. Сам Дмитриев-Мамонов о них писал так: «Я сделал много добавлений. Что ни говори — когда тело страдает, страдает и душа. Но я думаю, однако, что я придал этому маленькому труду весь тот размер, всю ту силу и, осмелюсь сказать, всю ту *изысканность*, какие были возможны». И в другом месте: «То, что я прибавил к „Наставлению“ — безделица. Но этой безделицы недоставало книге для того, чтобы она составила одно целое». Наконец, в напечатанной брошюре было «посвящение», адресованное М. Ф. Орлову. Оно было, как ясно из того же письма, в стихах⁴⁶. В рукописи, опубликованной Лотманом, никакого «посвящения» нет.

Таким образом, совершенно очевидно, что нельзя говорить о полной тождественности рукописи невзоровского собрания с существовавшим печатным изданием. И самое содержание рукописи не соответствует тому представлению о брошюре Мамонова, которое складывается при чтении его письма; не соответствует оно и другим сведениям о ней. Рукопись невзоровского собрания совершенно лишена конкретного политического содержания и не включает в себе ни какой-либо четкой программы, ни ясных и острых политических лозунгов. По этому памятнику трудно было бы догадаться о воинствующе-радикальной и тираноборческой позиции учредителей «Ордена русских рыцарей».

Следует привести еще одно дополнительное соображение. В упомянутом письме Дмитриев-Мамонов, рассказывая своему корреспонденту о борьбе с цензурой, пишет: «Правда, что *кандалы Катона* и т. д. дьявольски не нравились гг. цензорам, но чего не добьется надоедливость и настойчивость»⁴⁷. Этого выражения («кандалы Катона») в невзоровской рукописи нет.

Но было бы неправильно совершенно отрицать связь этой рукописи с печатным изданием, особенно учитывая тождество заглавий. По всей вероятности, данный текст является первоначальной редакцией сочинения Дмитриева-Мамонова, написанного под определенным воздействием масонской литературы и получившего в окончательной форме, под влиянием Орлова, четкую политическую окраску и острую революцион-

ную направленность. Эта окончательная редакция остается, как уже сказано, нам неизвестной.

Из писем Дмитриева-Мамонова выясняется, что Орлов работал над книгой, которая должна была явиться «философией Ордена» и воссозданием всей системы его основных требований и идеалов. Дмитриев-Мамонов называл ее «Книгою жизни Ордена» и «Учением Ордена»⁴⁸. Труд Орлова задуман был как исторический очерк политического устройства от самых древних времен до современности; завершаться он должен был «взглядом»

М. А. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ

Миниатюра неизвестного художника, 1810-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

на вероятное будущее европейских наций и на место среди них России. Основной же задачей автора, как можно судить из упоминаний об этом труде в письмах Дмитриева-Мамонова, была защита и обоснование идеи революционного переустройства России.

Не ясно, до какого предела дошел труд Орлова; закончен он, повидимому, не был, так как вскоре Орлов сошелся с новым кругом, выдвигавшим более четкие и определенные политические задачи. Но нельзя считать данный труд Орлова только «замыслом»; из писем Дмитриева-Мамонова видно, что сочинение Орлова очень далеко продвинулось и ряд глав был уже написан. Быть может, этот труд должен был стать историческим обоснованием и введением к выработанному ими обоими проекту конституции.

К работам над Уставом «Ордена русских рыцарей» имел отношение и Н. И. Тургенев. Сохранилась запись его в дневнике от 5 августа 1817 г.:

«Я весьма доволен сам собою за этот вечер, написав 1^{1/2} л. вступления к ..., в котором я излил чувства мои о любви к отечеству, давно волновавшие грудь мою. Как писал, то казалось хорошо; не знаю, как покажется после». По предположению одного из комментаторов, это было «вступление» к одному из изданий «Ордена русских рыцарей», — вероятнее всего, к Уставу⁴⁹.

Из «Воспоминаний» В. Ф. Раевского известно, что при своем аресте в 1822 г. он уничтожил находившуюся среди книг его сожителя, К. А. Охотникова, какую-то «маленькую брошюру» под заглавием «Воззвание к сынам Севера»⁵⁰. О сочинении под таким заглавием более нигде не упоминается: ни в официальных источниках, ни в мемуарах и письмах декабристов и их современников, ни в показаниях декабристов. Между тем трудно допустить, чтобы определенное агитационно-политическое сочинение (как это видно из заглавия: «Воззвание...») не оставило бы никаких следов в декабристской литературе, тем более сочинение, отпечатанное в типографии (Раевский именует его брошюрой) и, стало быть, совершенно отличное от других аналогичных памятников.

Вполне законно предположение об идентичности «маленькой брошюры» Раевского с брошюрой Дмитриева-Мамонова, точное заглавие которой Раевский мог и забыть в момент составления своих мемуаров. Но то заглавие, какое называет он, вполне соответствует форме «Наставлений», написанных как ряд призывов (*воззваний*). В пункте 19-м «Наставлений» (в рукописи Невзорова) есть намек и на *сынов Севера*: «Прекрасны сыны славы и свободы в форуме римском, сто крат прекраснее на горах Севера». Таким образом, ошибка Раевского (если она, действительно, имела место) находит полное обоснование и оправдание в самом тексте памятника. Очень легко объясняется и присутствие данной брошюры у Охотникова: он мог получить ее непосредственно от Орлова. Если наша гипотеза правильна, то вполне подтверждается и предположение о большей политической остроте брошюры Дмитриева-Мамонова сравнительно с первоначальным текстом, сохранившимся в бумагах Невзорова. Это предположение подтверждается еще одним обстоятельством. Автор упомянутого доноса сообщал, между прочим, что «еще недавно» (то есть около 1822 г.) один из членов Общества Дмитриева-Мамонова «приглашал в оное К. Г. <князя Голицына?» и дал прочесть брошюру „Наставление...“. Из этого сообщения Лотман делает вывод, что «Союз русских рыцарей» продолжал действовать в двадцатых годах и вербовал в свои ряды новых членов. Принять этот вывод нельзя. Орден Дмитриева-Мамонова к этому времени уже совершенно распался, и ни о какой вербовке в его ряды не могло быть и речи. Автор слишком буквально принимает показание доносчика. Если это сообщение правильно, оно свидетельствует лишь о том, что данная брошюра сохраняла свое агитационное значение еще в двадцатые годы, вероятно, по этой причине она и хранилась у Охотникова вместе с «Зеленой книгой». Конечно, наше отождествление «Воззвания к сынам Севера» с «Наставлениями» является гипотетическим и нуждается в дальнейшей проверке⁵¹.

Первой собственно-декабристской организацией является Союз Спасения, — или, точнее, «Общество истинных и верных сынов отечества», — учрежденный в феврале 1816 г. и действовавший в течение двух лет (до начала 1818 г.). Как пишет М. В. Нечкина, «тут сосредоточены истоки движения, тут оно впервые заявило о себе, оформило свою первую программу и включило в себя тех главных деятелей, которые пройдут через все основные этапы декабристского движения — до Сенатской площади в день 14 декабря и до снежного украинского поля, на котором было разбито восстание Черниговского полка». Союз Спасения еще не перешел на республиканские позиции, но борьбу за конституционное переустройство

государства он уже намеревался вести способами революционными. Из недр Союза Спасения вышли и первые проекты царубийства. Революционную позицию Общества вполне отразил его Устав, составленный в конце 1816 или в начале 1817 г. Полное заглавие Устава: «Статут Общества истинных и верных сынов отечества». Это был один из наиболее ранних и значительнейших литературных памятников декабризма. Реконструкция его содержания сделана М. В. Нечкиной в специальной статье, посвященной Союзу Спасения⁵². Никита Муравьев автором Устава называл Пестеля (ВД, I, 305). Пестель же утверждал, что для составления Устава была учреждена особая комиссия, в которую входили, помимо него, С. П. Трубецкой, И. А. Долгорукий и, в качестве секретаря, Ф. П. Шаховской (ВД, IV, 154). Трубецкой в своем показании умолчал о себе и назвал только Пестеля и Долгорукого (ВД, I, 24), но в «Записках» он полностью подтверждает показание Пестеля и об учреждении комиссии и о ее составе. В «Записках» же подробно рассказано о распределении работ в комиссии: сам Трубецкой «занился правилами принятия членов и порядком действий их в Обществе; Долгорукий — целью Общества и занятиями его для ее достижения; Пестель формой принятия и внутренним образованием». М. В. Нечкина считает это сообщение весьма смутным: трудно дифференцировать «форму принятия» от «правил принятия» и «порядок действий» членов Общества от «занятий Общества для достижения цели». Однако, все же, можно установить основные категории Устава. «Форма принятия» — это, несомненно, внешние формы приема членов, установленная обрядность. Смысл этого выражения вполне раскрывается дальнейшим рассказом Трубецкого: Пестель «имел пристрастие к формам масонским, и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности»⁵³. С этим согласуется и показание Пестеля о заимствовании правил приема членов из «масонских статутов и форм» (ВД, IV, 168). Пестелю же принадлежали главы Устава о «внутреннем образовании»: под этим разделом следует понимать установленное по образцу масонских организаций деление членов Тайного общества на разряды («боляр», «мужей» и «братий»), учреждение «Совета Верховного союза» боляр и т. д. К «формам принятия» должны быть отнесены и «присяги». Ритуал присяг был разработан очень тщательно и подробно.

И. Д. Якушкин сообщает, что присяг было пять, следующих друг за другом в определенном порядке. По показанию Никиты Муравьева, «каждая степень и даже старейшины имели свою клятву» (ВД, I, 305). Каждая из них имела особый текст; он же признавал, что в Уставе уже «проповедовалось насилие» (ВД, I, 306). Существование «угроз» в Уставе признал и Пестель (ВД, IV, 168). Примечательно, что все упоминания об «угрозах» связываются с именем Пестеля. Тексты присяг составлены были, несомненно, человеком, прекрасно знакомым с масонской литературой и увлекавшимся обрядовой стороной масонства. Поэтому их авторами возможно считать или Пестеля, или Александра Муравьева, или обоих вместе.

«Правила принятия», которые составлял Трубецкой, в отличие от «форм принятия», то есть от внешней обрядности, заключались в выработке требований, которые надлежало предъявлять к принимаемым членам; одним из таких требований была обязанность заботиться «об умножении членов». Это предположение вполне подтверждается и показаниями Трубецкого на следствии: «Предмет одного Общества был еще не определен; но старались увеличить сочленов елико возможно, имея в предмете выбирать оных с качествами душевными и с нравственностью твердою» (ВД, I, 9). Более подробно он разъяснил эти требования в другом показании: «...приискивать людей способных и достойных войти в состав Общества, о таковых давать заранее Обществу знать, чтоб можно было собрать о них каждому члену сведение, не удостоверяться о достоинствах

и доброй нравственности их по одним слухам, но стараться изыскивать средства испытывать их» (ВД, I, 24). Очевидно, эти общие положения были детально разработаны в Уставе, и над их конкретизацией и трудилась Трубецкой.

Трубецкой различает далее занятия членов Общества для достижения их цели и «порядок действий членов в Обществе». Под первым нужно, очевидно, разуметь обязанности членов вне Общества, которые, как формулирует в своем показании Трубецкой, должны «подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемые правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально, а когда имеешь возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу, и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения Общества. Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими» (ВД, I, 24). Трубецкой выражается очень осторожно и стремится придать действиям Общества максимальную лояльность, вплоть до поддержки разумных и полезных начинаний правительства. Якушкин в своих «Записках» говорит главным образом о критической части этих «занятий» — «греметь» в обществе против аракатеевщины, против крепостного права, против палок в армии и т. п.⁵⁴

Шаховской в своем показании явно путает (не вполне понятно — искренне или нарочно) Союз Благоденствия и Союз Спасения. Он все время говорит исключительно о Союзе Благоденствия, но годом вступления своего в Тайное общество называет 1816 г. В показаниях об «Уставе» он также объединяет оба устава: в числе обязанностей членов Общества он называет «введение мыслей о долге каждого гражданина совершать обязанности свои с свойственным правосудием и знанием тех предметов, которые, под общим названием прав, необходимы каждому усердствующему сыну Отечества; наконец, противуборствие мистицизму, невежеству, лихоимству и жестокосердию» (ВД, III, 100).

К тому же разделу следует отнести и пункт «Устава» о запрещении членам Общества покидать службу; этим запрещением преследовалась цель, чтобы со временем «все служебные значительные места по военной и гражданской части» оказались «в распоряжении Тайного общества».

Что же касается «порядка действий в Обществе», то под этим должно разуметь обязанности членов Общества доводить до сведения его руководителей о всех важных политических событиях или проектах, которые станут им известны, чтобы таким образом Общество все время было в курсе политической жизни страны. Это требование вполне отчетливо раскрывается из объяснений, данных Трубецким по поводу его письма к членам Общества, в котором он сообщал о намерении Александра I восстановить Польшу в старых границах и тем самым отторгнуть от России часть ее исконных земель. Это письмо, объяснял он, было написано потому, что «по уставу Общества» он «полагал себя обязанным уведомить о том членов» (ВД, I, 49).

Итак, сообщение Трубецкого о работах особой комиссии Союза Спасения для составления Устава вполне может быть конкретизировано; оно же помогает установить имена авторов каждого раздела Устава. Общие цели Общества были сформулированы И. А. Долгоруким, и он же написал «вступление» или «предисловие»; Шаховской, видимо, никакого особого раздела не составлял, но как секретарь являлся редактором всего Устава.

К периоду Союза Спасения относятся еще три не дошедших до нас литературно-политических памятника: речь Пестеля на собрании, созванном для принятия и утверждения Устава, упомянутое выше письмо Трубецкого и представленная в письменной форме речь («мнение») Сергея

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Литография А. Скино с портрета работы Н. И. Уткина 1819 г. Лист, принадлежавший
А. И. Герцену

Центральный Государственный архив Октябрьской революции. Москва

Муравьева-Апостола о проекте царубийства. О речи Пестеля известно лишь из краткого упоминания о ней в «Записках» Трубецкого: Пестель прочитал вступление, в котором заявил, что «Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности»⁵⁵. Содержание речи в целом остается неизвестным, и потому неясно, в каком контексте было сделано это заявление Пестеля, тем более, что он в то время еще разделял конституционно-монархические взгляды; но несомненно, что в ней уже был зародыш позднейших воззрений Пестеля. Трубецкой добавляет, что речь Пестеля произвела на членов Общества «неблагоприятное впечатление».

Письмо Трубецкого нельзя рассматривать лишь как частное письмо или частную информацию. Это определенный политический документ, написанный «по обязанности члена Общества», то есть в порядке выполнения одного из пунктов Устава; его должно расценивать как письменный доклад или отчет Обществу о внутривнутриполитической обстановке. Так оно и было понято Александром Муравьевым, немедленно создавшим общее собрание для обсуждения письма Трубецкого.

Письмо это, как известно, произвело огромное впечатление, вызвав ряд проектов, уже вплотную поставивших перед Обществом вопрос о революционном выступлении. Александр Муравьев и Якушкин выступили с проектами царубийства, причем Якушкин вызвался быть исполнителем. По свидетельству М. П. Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьев-Апостол написал речь («un discours»), в которой резко выступил против предложения Якушкина, и предложил иной план действий (ВД, IX, 46). Сам Муравьев-Апостол дал следующее показание: «Якушкин предложил истребить государя и получил согласие всех присутствующих. На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели» (ВД, IV, 256).

Но Сергей Муравьев-Апостол весьма уклончиво изложил сущность своего протеста. Правда, он не изображает себя принципиальным противником царубийства; он признает, что его выступление было продиктовано сознанием «скудности средств к достижению цели», но умалчивает об основном содержании своего «мнения». Как свидетельствует М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол противопоставил идее царубийства план революционного выступления: «он предлагал овладеть доверием войск, захватить Москву и провозгласить там новый порядок» (ВД, IX, 46). Видимо, на этом же заседании, в развитие мыслей Муравьева-Апостола, Александр Муравьев предложил воспользоваться новгородскими «супротивлениями» против военных поселений (ВД, IX, 252).

В 1817 г. было учреждено тайное Военное общество, история которого до сих пор остается недостаточно разъясненной. О его организации и деятельности писали в своих «Записках» И. Д. Якушкин и М. А. Фонвизин, а на следствии показывали Пестель и Никита Муравьев. Их свидетельства, однако, не вполне согласуются между собой. По утверждению Якушкина и Никиты Муравьева, Военное общество возникло в атмосфере распада Союза Спасения и играло роль некоей «приготовительной организации» (выражение Якушкина); по свидетельству же Фонвизина, оно было филиалом Союза⁵⁶. Пестель называл его новой формой Союза Спасения. Нет единства и в вопросе о составе Военного общества: по показанию Никиты Муравьева, его организатором и председателем был Александр Муравьев; Пестель же говорил о двух отделениях Общества, во главе которых стояли Никита Муравьев и Катенин (ВД, IV, 101). М. В. Нечкина полагает (на основании показаний Перовских), что существовал устав Военного общества. Но был ли это самостоятельный Устав,

выработанный для нужд новой организации, или же то, что читал и о чем показывал на следствии В. Перовский, было Уставом Союза Благоденствия — остается неясным⁵⁷.

II. УСТАВНО-ПРОГРАММНЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ И ЕГО ФИЛИАЛОВ

Прямым преемником Союза Спасения явилось новое Тайное общество — Союз Благоденствия. Одним из первых признаков распада старой организации и возникновения на ее развалинах новой было недовольство прежним уставом. Спор шел и о задачах и целях Общества, и о его тактике. Старый устав уже не удовлетворял ни умеренных членов Союза Спасения, ни более левого крыла его, решительно поведшего борьбу за республику и за организацию вооруженного восстания. Н. Ф. Лавров следующим образом изображал расстановку сил в Обществе: правая группа — возглавляемая Михаилом Муравьевым, левая — во главе с Пестелем, центр — группа Трубецкого⁵⁸.

Реорганизаторы Союза и авторы нового Устава, известного под названием «Зеленой книги», не ставили своей задачей создание организационных форм, предусматривавших длительную и широкую работу по подготовке членов Общества к политическому переустройству. Написанный, по выражению Лунина, в «законно-свободном духе», Устав приобрел двойственный характер: с одной стороны, он формулировал задачи просветительского и этического порядка и был составлен в абсолютной легальной форме; с другой стороны, эти внешние культурно-просветительские задачи должны были служить своего рода ширмой для определенной политической цели, которая, по убеждению многих членов, и была «сокровенной целью» Тайного общества.

Над Уставом работала целая комиссия: авторами его, как можно установить, были С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Петр Колошин и Никита Муравьев. Коллективным трудом этих лиц и явилась известная нам «Зеленая книга». Но окончательной выработке Устава предшествовала большая предварительная работа, вызвавшая к жизни ряд утраченных ныне документов. Часть Устава была написана М. Н. Муравьевым, но забракована и затем пересоставлена Петром Колошиным; Никита Муравьев составил «Предположения о задачах и целях Общества», — они также были отвергнуты⁵⁹. Труд М. Н. Муравьева был, несомненно, отвергнут центром и левой группой; «Предположения» Никиты Муравьева должны были неизбежно встретить решительное сопротивление со стороны правых членов Союза.

Двухплановый характер Устава был, конечно, известен значительному числу членов Общества, о чем свидетельствуют поспешные заявления многих привлеченных к следствию участников, которые говорили, что они знали лишь «прямую цель» и не имели никакого понятия о «другой». Эта «другая» цель скрывалась разве лишь при вербовке очень второстепенных и малозначащих лиц. Чрезвычайно характерен уклончивый и, как всегда, недостаточно искренний, когда речь идет о Тайном обществе, рассказ Николая Тургенева. Вступить в Тайное общество ему предложил Трубецкой и принес для ознакомления Устав. «Я пробежал Устав, — пишет Николай Тургенев. — Общество ставило своей целью общественное благо (<...> Этот проект как в целом, так и в отдельных частях касался лишь теоретических вопросов, нигде не выступало намерение действовать, произвести какие-либо перемены в государственном строе» и т. д.⁶⁰ Но Тургенев прибавляет, что Трубецкой явился к нему сразу же после

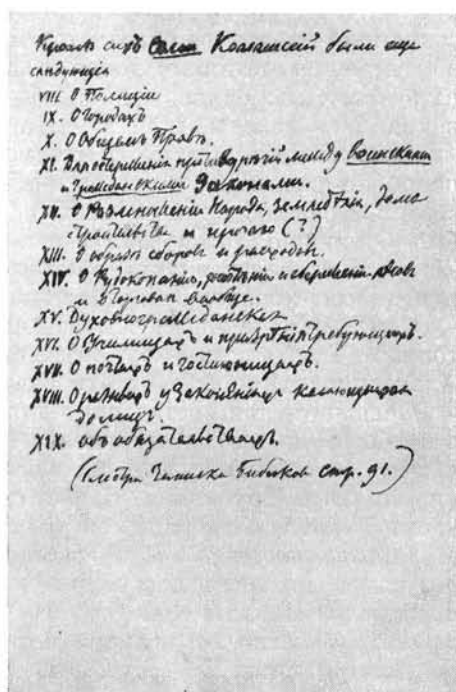
неудачного визита к П. А. Вяземскому, наотрез отказавшемуся вступить в Общество. Из рассказа Тургенева совершенно непонятны причины отказа Вяземского, однако они становятся очевидны, если допустить, что Трубецкой раскрыл перед Вяземским истинное положение вещей, вполне ясно обозначив «другую цель». Н. Ф. Лавров полагал, что Устав Союза Благоденствия показался Тургеневу нежизненным вследствие отсутствия в нем указаний на намерение действовать и произвести перемены в государстве. Но исследователь принимает на веру нарочито неправильные и неискренние заявления автора мемуаров.

Подлинный характер Общества с наибольшей ясностью и определенностью раскрыт Пестелем в одном из его заявлений Следственной комиссии: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым». И далее: «Содержание Зеленой книги Союза Благоденствия было не что иное, как пустой отвод от настоящей цели на случай открытия Общества и для первоначального показания вступающим членам, коим всем после вступления делалось сие совершенно известным»⁶¹. Столь же четко формулировал эту мысль Лунин: «Революционные мысли или желание нового порядка вещей были с самого начала основой Общества» (ВД, III, 122).

Была ли формулирована и закреплена эта «настоящая цель» в письменном виде? Устав Союза Благоденствия назывался: «первая часть»; после изложения § 77 следовало: «конец первой части». Это означало, что за первой частью должна последовать вторая. Была ли она написана, каково было ее содержание и кто являлся ее автором? Следственной комиссии были даны два резко противоположных заявления: Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев и Трубецкой категорически отрицали существование *второй* части Устава Союза Благоденствия. «Вторая часть Зеленой книги не была составлена. Я, по крайней мере, оной не видал, — заявил Пестель, — и ни от кого про ее составление даже и не слышал, а тем еще менее была она раздаваема. В первой части была сия вторая часть обещана, — прибавил он, — но осталась без исполнения» (ВД, IV, 139). Показанию Пестеля соответствует и заявление Трубецкого: «Обещанная вторая часть Зеленой книги никогда не была написана». Он добавил, что ему неизвестно, занимался ли кто во время его отсутствия «сочинением сей второй части, или определили как ее написать» (ВД, I, 86). Наконец, очень коротко и категорически заявил о том же Никита Муравьев: «Что ж касается до второй части Устава, то она вовсе не была написана» (ВД, I, 316). Отрицали существование второй части «Зеленой книги» также и Н. И. Комаров и А. П. Юшневский. Юшневский, впрочем, очень уклончиво заявил, что он предполагал ее существование, но «не только не видал оной, но даже не слышал ни от кого из членов, чтобы она существовала»⁶².

Этим заявлениям противостоят показания Е. П. Оболенского, А. Н. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола. Первый дал весьма осторожный ответ: «О второй части мы были известны, — показывал он, — что она существует, но никто нам оную не объявлял и содержание даже оной никто из нас не знал» (ВД, I, 252). Но совершенно ясные и категорические показания дали А. Н. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол. Свое показание А. Н. Муравьев сопровождал всякими оговорками — они для нас неинтересны; факты же, извлекаемые из его многозначительного рассказа, таковы: вторая часть, действительно, существовала; она была сочинена в Москве и существовала в виде проекта, подлежащего дальнейшим изменениям. Первый раз он ее прочитал «восемь лет тому назад» (то есть в 1818 г.); экземпляр, с которого он взял копию, находился у Трубецкого; сам он (А. Н. Муравьев) участия «в написании оной»

не принимал. По формату обе части также были различны. Из его же показаний явствовало, что были и другие списки и один из них, возможно, был у М. Н. Новикова (ВД, III, 24—26). Без всяких оговорок признал существование второй части «Зеленой книги» Матвей Муравьев-Апостол: «Вторая часть Зеленой книги была составлена в 1818 году в Москве Александром Муравьевым, Бурцовым, Никитой Муравьевым — она более клонилась к распространению мыслей об представительном правлении. Подлинный список хранился у Александра Муравьева» (ВД, IX, 244). О существовании второй части «Зеленой книги» было известно и

«ИМЕННОЙ СПИСОК ГОСПОДАМ ДЕПУТАТАМ, ВЫБРАННЫМ В КОМИССИЮ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ», ИЗД. 1768 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ И ПОМЕТАМИ Н. М. МУРАВЬЕВА, 1822 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

М. К. Грибовскому. Промежуточное место между этими показаниями занимает свидетельство М. А. Фонвизина о ведшейся, но не завершившейся работе по составлению второй части Устава; ее «взялся изложить» Трубецкой, но работы своей не довел до конца (ВД, III, 80).

Следственная комиссия не разрешила этих противоречий; она вообще проявила большое равнодушие к данному вопросу и не делала никаких попыток разобраться в подлинном положении вещей: не сопоставляла противоречивых показаний о составлении второй части «Зеленой книги», не устраивала очных ставок по этому поводу и т. д. Казалось бы, после показаний Фонвизина и А. Н. Муравьева надлежало вновь допросить Трубецкого, однако в дальнейшем ему не было задано ни одного вопроса о «Зеленой книге». Не упомянула она и в сводке показаний о Трубецком. Вопрос об уставах Тайного общества представлялся Комиссии малозначающим по сравнению с такими фактами, как замыслы царевубийства и организация восстания. В «Инструкции» Сперанского прямо было

указано, что эпохою учреждения Общества «должно принимать не первое основание его в виде Союза Спасения или Союза Благоденствия, но когда уже возникли виды переворота» (ВД, IV, 428).

Показание Трубецкого очень уклончиво и двусмысленно. Оно, в сущности, говорит только о том, что вторая часть «не была написана», но умалчивает, писалась она вообще, или нет. «Между тем, — правильно замечает С. Н. Чернов, — не считая работы по ее составлению законченными, можно, и имея ее черновик, говорить что она не была написана»⁶³. С. Н. Чернов почему-то упустил из виду показание Фонвизина, между тем, оно особенно убедительно подтверждает его точку зрения. Показание же А. Н. Муравьева никак нельзя отвести, ибо оно очень конкретно и сохранило много важных деталей: он сообщил Следственному комитету об «управах», которые, дойдя до известного числа, должны были образовывать «палаты»; о «правителе Общества», о «советах» в тех городах, где находились палаты, и т. д. (ВД, III, 24—25). Даже из этих скудных «припоминаний» явствует, что во второй части «Зеленой книги» была подробно разработана структура Тайного общества и предусматривалось создание революционных советов. Таким образом, уже во время следствия был бесспорно установлен факт существования второй части Устава Союза Благоденствия; это обстоятельство находит полное подтверждение и в доносе хорошо осведомленного предателя, М. К. Грибовского⁶⁴.

С. Н. Чернов полагал, что автором «второй части» являлся один только Трубецкой, но Матвей Муравьев-Апостол назвал еще имена Александра Николаевича Муравьева, Бурцова и Никиты Муравьева.

Очевидно, при составлении второй части работала группа лиц, как это было и при составлении Устава Союза Спасения и первой части «Зеленой книги». Матвей Муравьев-Апостол, правда, забывает упомянуть о Трубецком, однако участие последнего в составлении этой части Устава подтверждается всеми, кто говорил о ней. Сообщению Матвея Муравьева-Апостола об Александре и Никите Муравьевых приходится безусловно доверять, особенно о последнем, ибо он всегда был в курсе дел и замыслов Никиты и не стал бы его называть, не имея для этого точных данных. Участие Александра Муравьева подкрепляется и сообщением Д. А. Кропотова⁶⁵.

М. В. Довнар-Запольский считал, что вторая часть «Зеленой книги» была издана литографским способом⁶⁶. Основанием для такой гипотезы послужило сообщение А. В. Поджио о «литографированном листе», который в 1823 г. передал ему Никита Муравьев как материал для составления Устава Северного общества. По разъяснению Поджио, «то было изложение общее правил Союза Благоденствия»⁶⁷. Однако Довнар-Запольский не приводит никаких конкретных доводов для доказательства своего предположения. Если бы в руках Поджио находилась вторая часть «Зеленой книги», он так бы и сказал, однако он говорит лишь об «изложении общих правил». Более вероятной, но также не вполне доказанной представляется гипотеза В. И. Семевского. Он полагал, что «лист» Поджио содержал «Правила о составлении управ», являвшиеся повторением «Правил Союза Благоденствия» с сокращениями и некоторыми вариантами⁶⁸. Осторожнее будет говорить лишь о существовании конспективного изложения Устава (не вдаваясь в догадки о характере и сущности внесенных изменений или сокращений), которое условно можно именовать как «Общие правила Союза Благоденствия».

В показаниях мелькают упоминания о какой-то «маленькой книжечке». Ее показывал Кальму при принятии его в члены Союза Благоденствия К. И. Бистром (ВД, IV, 43); она, несомненно, имела какое-то отношение к уставным документам, ибо из нее Кальм узнал о необходимости ежегодного отчисления. «Небольшую голубенькую книжку» извлек из бумаг

Трубецкого его брат Александр (ВД, I, 84). Трудно сказать, идет ли речь в обоих случаях об одном и том же памятнике, но в связи с этим следует учесть показание А. Н. Муравьева о существовании «Зеленой книги» *в двух форматах* (ВД, III, 24).

Важными моментами в истории Союза Благоденствия были петербургские организационные заседания в 1820 г. (на квартирах Ф. Н. Глинки и С. П. Шипова) и московский съезд в 1821 г., поведший к ликвидации Союза и созданию новых революционных организаций на севере и на юге. В квартире Глинки Пестель сделал доклад «О выгодах

ДОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ОТЦУ ДЕКАБРИСТА М.А. ФОНВИЗИНА, НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 12). ЗДЕСЬ В 1821 г. ПРОИСХОДИЛ СЪЕЗД СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

Фотография 1950 г.

Литературный музей, Москва

и невыгодах монархического и республиканского правлений». Неясно, был ли доклад Пестеля *прочитан* или представлял собою устное сообщение, то есть *произнесенную речь*, — но этот вопрос, в сущности, и не имеет большого значения. Важно установить лишь, что эта речь являлась одним из важнейших идеологических памятников декабризма и сыграла огромную роль в борьбе за республиканскую программу (ВД, I, 26—27, 311—312; IV, 101—102, 290, 326—327, 361).

Последующие затем доклады Пестеля и Никиты Муравьева (на квартире Шипова) о средствах «вести» в России «новый образ правления» и о пареубийстве как одном из таких средств явились уже дальнейшим развитием и конкретизацией доклада Пестеля на квартире Глинки (ВД, IV, 291; I, 312).

На Московском съезде центральным и самым драматическим моментом его было выступление М. Ф. Орлова, стремившегося в корне сломать

практику деятельности Союза. Тактике медленного воздействия на умы Орлов противопоставил программу «крутых мер» и выступил с развернутым планом революционных действий вплоть до организации тайной типографии и фабрики фальшивых ассигнаций «для подрыва кредита правительства». Указание Грибовского, что Орлов на съезде «ручался за свою дивизию», позволяет думать, что в его речи содержался и план общего выступления и, может быть, даже намечались сроки его. «Записка» Орлова о необходимости новой тактики Общества была представлена в письменном виде и вошла в историю декабристского движения под названием «Письменные условия М. Орлова». Этот эпизод достаточно подробно освещен в декабристской историографии, поэтому я считаю возможным не останавливаться на нем специально и не поднимать заново вопрос об интерпретации поведения Орлова на съезде 1821 г.⁶⁹ Для целей настоящего очерка важно установить, что этот доклад представлял собой не импровизированное выступление, но был представлен в письменном виде и рассматривался участниками съезда как *политическое сочинение* Орлова. Именно так и говорит о нем Якушкин, называя его речь «сочинением»⁷⁰. Эти «письменные условия» должны, несомненно, найти свое место в истории русской политической литературы.

Заключительным аккордом Московского съезда 1821 г. было постановление о роспуске Тайного общества: объяснительную записку о мотивах этого решения поручено было составить Н. И. Тургеневу; об этой записке упоминает в своем доносе Грибовский, подробно говорит о ней и сам Тургенев. В своих «Воспоминаниях» он воспроизводит ее содержание. «Я старался выяснить, — пишет он, — что пока в России существует настоящий порядок вещей, общественное благоденствие может достигаться лишь путем усилий отдельных личностей, что ничто не мешает, впрочем, человеку, одушевленному лучшими намерениями, придти к соглашению с одним или двумя из его друзей», чтобы попытаться «заставить принять всякую меру, которую он сочтет полезной для общего блага», — а стало быть, нет надобности и в какой-либо тайне, вследствие чего деятельность Тайного общества может даже «повредить осуществлению благодетельных реформ»⁷¹.

Явно неправильное изложение Тургеневым вопроса о закрытии Союза Благоденствия заставляло некоторых исследователей и весь его рассказ в целом считать мифическим⁷². Но самое существование такой «Записки» отрицать не приходится; она была, действительно, написана; в доносе Грибовского приведены даже цитаты из нее.

Грибовский утверждает, что по возвращении в Петербург Тургенев рассылал свою «Записку» другим членам. По словам Тургенева, она была размножена в четырех экземплярах «для разных городов». Это число подтверждает и Якушкин⁷³. Грибовский же добавляет, что «Записка» была не только размножена, но и литографирована. Но нужно ли было литографировать ради четырех копий? К тому же и городов, куда нужно было отправить «Записку», было не четыре, а по меньшей мере пять (Москва, Петербург, Тульчин, Смоленск, Кипшинев), да и для столиц нужно было иметь более чем по одному экземпляру. Число копий было, несомненно, более значительно. «Записка» Тургенева явилась, таким образом, первым выступлением Тайного общества после ликвидации Союза Благоденствия.

На Московском съезде 1821 г. был выработан ряд важных документов уставного характера. С. Н. Чернов и А. Н. Шебунин полагали, что на этом съезде был принят предложенный Фонвизиним устав нового Общества⁷⁴. Это не вполне правильно. Фонвизин не был автором нового устава. Он выступил только с *проектом* новой организации, основной смысл которого состоял в установлении трех разрядов членов Общества.

Н. И. Комаров так излагал сущность этих разрядов: «Один высший, *незвестных*, в виде постоянного главного совета, который должен будет управлять и составлять законы Обществу. Второй разряд, от него зависящий, *исполнительный*, приводящий их положения к исполнению, из него же должны командироваться члены для объездов и наблюдений хода Общества по разным местам, а прекратить обязывали всякого рода переписку. — И, наконец, третий разряд *нововводимых*»⁷⁵. На основании этих принципов и был составлен новый Устав, который мы условно обозначаем: «Устав 1821 г.», иначе он именуется в литературе: «Московские правила».

Можно установить и имена авторов нового Устава. Одним из них был, вероятно, сам Фонвизин, участие которого было совершенно естественно, поскольку он выработывал предварительный проект; другой — Бурцов, который составил первую часть, предназначенную для «вступающих»; в этой части Устава «предлагались те же цели, что и в Зеленой книге, то есть филантропические».

Якушкин называет Бурцова «редактором»; очевидно, в составлении этой части принимало участие несколько лиц, окончательная же формулировка выработанных положений была выполнена Бурцовым.

Вторую часть — наиболее ответственную, предназначавшуюся уже для членов высшего разряда, — написал Н. И. Тургенев. В этой части, по свидетельству Якушкина, «уже прямо было сказано, что цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России; а чтобы приобрести для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай». В этом же Уставе предусмотрено было разделение Общества на четыре управы. Устав Тургенев привез в Петербург, но показал его лишь одному Никите Муравьеву, после чего, рассказывает Якушкин, «из предосторожности» «положил его в бутылку и засыпал табаком»⁷⁶. Этот Устав до нас не дошел. В своем показании Якушкин объявил, что он был сожжен в 1822 г. (ВД, III, 50).

Таким образом, видно, что уставно-организационное творчество вождей движения было еще стеснено и ограничено формами старого Устава, то есть «Зеленой книги», из рамок которой им еще не удавалось выйти. Основной организационный принцип Устава 1821 г. заключался, как и в Союзе Благоденствия, в разделении на два основных разряда: «посвященных» и «непосвященных». Для создававшегося Общества старые организационные формы были явно непригодны, что и вызвало дальнейшие уставные опыты; в связи с этим, думается нам, следует поставить вопрос о «литографированном листе» 1822 г.

В «Оправдательной записке» Н. И. Тургенев писал, что в 1822 г. Никита Муравьев предлагал ему присоединиться к нему и Лунину «для составления нового Общества». При этом Муравьев показал Тургеневу литографированный листок, содержащий правила предполагаемого Общества⁷⁷. А. Н. Шестунин полагал, что этот «листок» содержал в себе «Московские правила» и что Тургенев в данном случае вновь извращает факты. Зачем понадобилось бы показывать Тургеневу «правила», которые он великолепно знал, ибо являлся их автором? Поэтому, — полагал исследователь, — не Никита Муравьев показывал Тургеневу «литографированный листок», а наоборот, Тургенев показал этот листок Муравьеву, когда последний совместно с тем же Тургеневым и Луниным пытались создать новую организацию⁷⁸. Нельзя признать эти соображения убедительными. Тактика Тургенева в его «Оправдательной записке» состояла или в замалчивании или в искусной интерпретации установленных фактов, имеющей целью снизить их революционное значение. Такое извращение фактов, которое приписывается Тургеневу в данном случае, было для

него совершенно невыгодно. Если бы речь шла, действительно, о документе, составленном им самим, не разумнее ли было совсем умолчать о нем (как обычно Тургенев и делал в подобных случаях)? Но он считал возможным упомянуть об этом, поскольку речь шла о документе, несомненно, хорошо известном в среде декабристов, автором (или одним из соавторов) и распространителем которого являлся Никита Муравьев.

Нет никаких оснований отождествлять этот «листок» с «Московскими правилами». Это был, очевидно, уже какой-то новый документ, созданный на почве недовольства московскими решениями. Как известно, эту оппозицию возглавлял в Петербурге Никита Муравьев. К нему присоединился Лунин, а позже и сам Тургенев. И уже в том же 1821 г. ими была сделана попытка создания нового Тайного общества. Рассказ Тургенева содержит вынужденное признание этого факта. Как он ни хитрит, он не может скрыть, что с ним велись переговоры об учреждении нового Общества. Но он явно кривит душой, когда уверяет, что «литографированный листок» был ему показан для ознакомления с целями и задачами учреждаемой организации: этот «листок» был показан ему не для информации, а для консультации, как одному из учредителей. Совершенно очевидно, что этот «листок» содержал новые организационные принципы, в какой-то мере отличные от тех, какие были приняты и утверждены Московским совещанием. Тургенев указывает (неумышленно или нарочно) и неверную дату этой беседы: беседа происходила не осенью 1822 г., а в 1821 г., а потому и данный документ следует именовать «Литографированный листок 1821 г.».

Это предположение подтверждается и тем, что в этом же году Никита Муравьев отправил ряд литографированных документов Пестелю. Отправлены они были с Павлом Лопухиным, который и сообщил об этом на следствии. Показание это чрезвычайно важно: Лопухин сообщил, что Никита Муравьев и Лунин пригласили его вступить во вновь организующееся Тайное общество. «После нескольких свиданий с оными, то есть с Луниным и Муравьевым, и совещаний о устройении Общества уехал я в Киев <...> Накануне отъезда моего Муравьев дал мне *проект учреждения Общества и присягу*, литографированные <...> и письмо к Пестелю, уверяя, что он в нем совершенно уверен и что письмо сие содержит тот же проект»⁷⁹. Частичное подтверждение свидетельства Лопухина находится в показании Пестеля, который признал, что в 1821 г. он получил извещение от Никиты Муравьева о неподчинении решению Московского совещания о роспуске Тайного общества (ВД, IV, 102). Это показание раскрывает содержание письма Никиты Муравьева к Пестелю.

Несомненно, об этом же «листке» упоминает и Лунин, который вынужден был признать, что в 1821 г. он сблизился с А. В. Поджио, говорил с ним о цели Общества и показывал ему «написанный на листках Устав Союза» (ВД, III, 122).

Союз Благоденствия представлял собою определенную политическую и морально-культурную силу, страшившую правительство. Он опирался и на более мелкие частные объединения, из которых одни являлись его же прямыми разветвлениями или филиалами, другие находились в постоянной сфере его воздействия, работая как бы под неким контролем со стороны Тайного общества. Организация таких филиалов или кружков и руководство ими были предусмотрены специальными положениями Устава.

«Вольными обществами, — гласил Устав, — называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне оного находящиеся» (§ 48); «учреждение оных и продолжение вменяются в особую заслугу членам Союза — имена их выписываются в почетную книгу» (§ 49). К числу таких побочных организаций принадлежали: Общество

Брату и другу Жуковскому. Париж. 3 июня 1821 г.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

Литография М. Антонэна

Внизу надпись рукой Н. И. Тургенева: «Брату и другу Жуковскому. Париж. 3 июня 1821 г.»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«Зеленая лампа» (1818—1820), «Общество добра и правды» (1819), Общество Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца (1819—1821), «Измайловское общество» (1819? — 1821 или 1822), «Общество русских» (1819?). Возможно, что существовали и другие объединения, оставшиеся нераскрытыми; не выяснено с достаточной достоверностью, существовало ли особое «Общество Елизаветы». Под определенным воздействием и порой под прямым негласным руководством Союза Благоденствия работало «Вольное общество любителей российской словесности»; под его же влиянием и в тесной связи с ним были и некоторые масонские ложи (например, «Ложа избранного Михаила»), а также «Общество для распространения ланкастерских училищ».

В настоящее время существуют две точки зрения на характер и сущность связей этих обществ с Союзом Благоденствия. Ю. Г. Оксман и затем В. Г. Базанов полагают, что все эти организации были основаны членами Союза Благоденствия исключительно в целях дальнейшего распространения его влияния и более широкого охвата различных кругов общества⁸⁰.

Однако уже С. Н. Чернов выдвигал иную точку зрения, усматривая в растущей сети новых организаций признаки внутреннего недовольства, свидетельствующие о начавшемся процессе разложения и распада Союза Благоденствия. Это вывод еще более решительно и прямолинейно развит К. Д. Аксенов, по мнению которого возникновение этих обществ и их деятельность являлись выражением идейной и организационной борьбы различных течений в Союзе⁸¹.

Для обоснования своей точки зрения автор ссылается прежде всего на существование в каждой организации своих собственных «статутов», что, по его мнению, свидетельствует о стремлении организаторов новых ячеек освободиться от влияния Союза Благоденствия и даже противопоставить ему свою тактику. Поэтому наиболее характерной Аксенов считал деятельность «Измайловского общества», которое, по его мнению, уже решительно встало на путь «создания обособленных и независимых от Союза организаций». Однако для такого категорического суждения следовало бы располагать более определенными и точными сведениями о характере данных статуты. Между тем до нас не дошел ни один из уставов филиальных организаций; не всегда даже ясно, имела ли каждая подобная организация свои собственные «законоположения». Относительно «Зеленой лампы» имеется лишь единственное и недостаточно определенное показание Я. Н. Толстого. В своем покаянном всеподданнейшем письме, упоминая об обществе «Зеленая лампа», он писал: «Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать свободно, и каждый член давал слово хранить тайну» о существовании Общества.

Михайловский-Данилевский уверял, что в каждом собрании «Зеленой лампы» «читали стихи против государя и против правительства». Его сообщение так построено, что можно думать о своеобразном ритуале заседаний, требовавшем обязательно чтения противоправительственных стихов в каждом заседании. Возможно, что этот ритуал был предписан определенным «статутом», но конкретных данных для подтверждения такого предположения не имеется.

Об «Обществе (или иначе: Союзе) добра и правды» рассказал в своих показаниях Е. П. Оболенский; о нем же сообщил (в том же письме) Я. Н. Толстой. Учредителями его являлись А. А. Токарев, Ф. Н. Глинка, Е. П. Оболенский, П. А. Катенин; к ним позже присоединился и Я. Н. Толстой; главным организатором и «душой» Общества был Токарев, который «заблаговременно» написал Уложение. По словам Толстого, «оно состояло в том, что каждому члену поставлялось в обязанность ста-

ратся искоренять зло в государстве, заниматься изобретением новых постановлений, сочинением проектов для удобнейшего средства к освобождению крестьян и присвоению новых прав различным сословиям государства; наконец, в сочинении новых конституций, приспособленных к правам и обычаям народа»⁸². Толстой не сообщает более никаких подробностей о данном Уложении, но и из этих кратких сведений видно, что оно являлось лишь перифразой общего Устава Союза Благоденствия; требование же от каждого члена принимать участие в выработке конституции представляется конкретизацией 11-го параграфа второй книги законоположения Союза Благоденствия.

«Общество добра и правды» было крайне недолговечно, так как его учредитель, Токарев, был переведен на службу в Орел и там вскоре скончался. Единомышленники же Токарева приступили к организации новых обществ: так возникли «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца и «Измайловское общество», организованное Е. П. Оболенским. Относительно статута «Общества» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца Базанов и Аксенов дают прямо противоположные ответы: по мнению первого, никаких «статутных учреждений» «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца не имело и тем оно решительно отличается от Союза Благоденствия; по утверждению же Аксенова, это Общество имело свои особые статуты⁸³. Такое расхождение является результатом различных толкований показаний в следственных делах Глинки и Переца. Однако сопоставление их с аналогичными материалами других обществ позволяет присоединиться к мнению Аксенова.

Наиболее типичным является учрежденное Е. П. Оболенским «Измайловское общество». В показании об этом Обществе Оболенский дважды употребил выражение *особенные законы* (ВД, I, 251), что дало повод Аксену говорить об особом и несомненно самостоятельном характере данной организации и противопоставлять ее Союзу Благоденствия. Но Оболенский совершенно четко указывает, что «Общество Измайловского полка» вполне зависело от Измайловской управы Союза Благоденствия. Далее он подчеркивает, что обязанности Измайловской управы были абсолютно сходны с обязанностями управы л.-гв. егерского полка, но последняя «не устанавливала никаких особенных вольных обществ»; к этому он добавил, что были и другие «управы», «ему неизвестные» (ВД, I, 252). В показании Оболенского нет никаких намеков на какое-либо исключение «Измайловского общества» из общей сети учреждений Союза; наоборот, из его слов выясняется полное единство всех этих организаций. «Союз добра и правды» в его показании совершенно сливается с Союзом Благоденствия, так что даже трудно вполне точно установить, что относится в его рассказе к этому Обществу, а что — к самому Союзу Благоденствия. Совершенно ясно, что «законы» филиалов не выходили из сферы «Зеленой книги»; можно даже предположить, что эти «законы» и «статуты» были приблизительно общими у разных филиалов и что существовали особые типовые уставы, выработанные Союзом Благоденствия для филиальных организаций: отдельно для военных (типа «Измайловского общества») и отдельно для организаций, стремившихся объединить представителей разных слоев общества («Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца). Таким образом, нет никаких оснований видеть в факте существования «особенных законов» или «статутов» следы какой-то подрывной работы, ведущей к разрушению Союза Благоденствия.

По своему характеру различные филиалы были, несомненно, различны, но их противоречия отражали ту же тактическую и идейную борьбу, которая существовала и в самом Союзе Благоденствия: руководимое Оболенским «Измайловское общество» отражало позиции левой группы Союза, «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца выражало настроения его правого крыла.

III. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОПЫТКАМ ЛЕГАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Другим видом литературной деятельности тайных обществ были разного рода рукописные «записки», «проекты» и пр. Такая форма воздействия на общественное мнение была очень распространена в десятилетия XIX в.; к ней прибегали представители различных групп и течений: и представители охранительных течений, и деятели умеренно-либерального направления, и члены революционного Тайного общества. Одни из таких «записок» имели целью мобилизацию вокруг определенных вопросов общественного мнения, другие предназначались для правительственных кругов и иногда для самого Александра I⁸⁴. Некоторые из них дорого обошлись авторам, заплатившим за свою попытку жизнью и свободой, как это было, например, с лифляндским дворянином, полковником Бокком (1818)⁸⁵. Из «записок», вышедших из среды деятелей тайных обществ, известны «записки» М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева, А. Н. Муравьева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, И. Д. Якушкина. Из них только немногие дошли до нас, об остальных известно лишь по упоминаниям мемуаристов, по переписке или по показаниям на следствии.

Не найдена «записка» Орлова, написанная в 1817 г. и предназначавшаяся для Александра I; она известна как «Протест против учреждений, дарованных Польше» и стоит, таким образом, в тесной связи с письмом С. П. Трубецкого к членам Тайного общества. О содержании этой «записки» сообщают в своих мемуарах Якушкин и Н. И. Тургенев; упоминал о ней в своем показании и сам Орлов⁸⁶. Как явствует из их рассказов, Орлову не удалось представить свое письмо государю; Орлов уверял даже в своем показании, что оно «пропало» у него «еще не совсем законченным», об этом письме было широко известно в обществе.

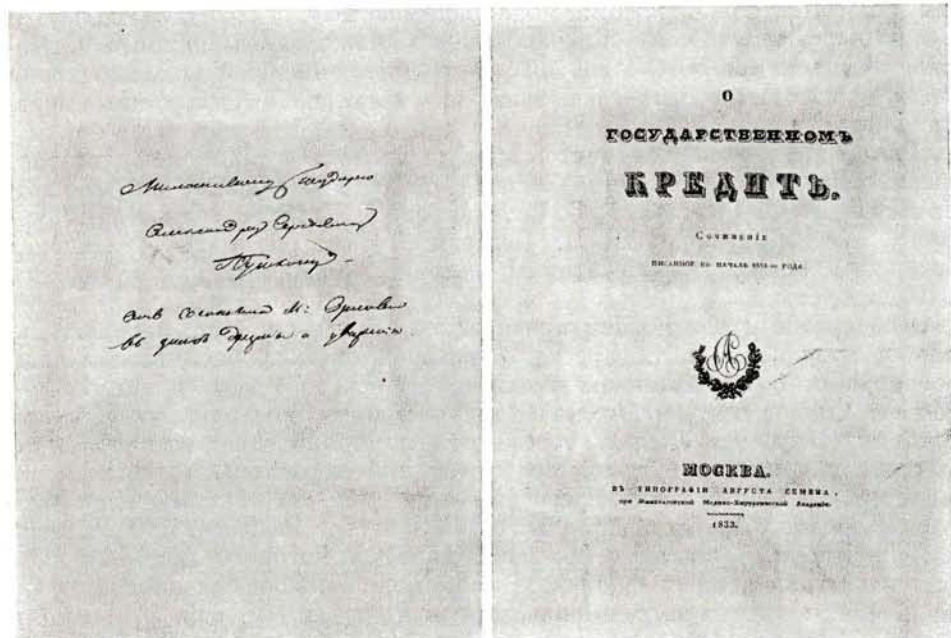
С именем Орлова связывается еще одна «записка» или «адрес» — об уничтожении крепостного права. О ней сообщил С. Г. Волконский. По его словам, Орлов составил в 1815 г. адрес к императору Александру I об уничтожении крепостного права в России, подписанный тогда многими из «первенствующих служебных чиновников»⁸⁷.

В. И. Семеvский полагал, что это сообщение сомнительно. «Адрес, составленный Орловым, — писал он, — не только не найден, но о нем не упоминает никто, кроме Волконского; не упоминает о нем и Орлов в своем показании». Первое соображение не имеет никакого значения, второе — заслуживает большего внимания, но наиболее важным представляется то обстоятельство (не отмеченное Семеvским), что в 1815 г. Орлов был еще в Париже. По мнению Семеvского, сообщение Волконского основано на недоразумении: или он спутал письмо Орлова с аналогичной попыткой, предпринятой в 1820 г. М. С. Воронцовым, И. В. Васильчиковым и бр. Тургеневыми, или же смешал Орлова с П. Д. Киселевым, который в 1816 г. представил государю «записку» «О постепенном уничтожении рабства в России»⁸⁸. Но мемуары Волконского очень точны, и смешать Орлова с Киселевым он, конечно, не мог; наконец, он был одним из самых близких друзей Орлова, весьма осведомленным о его деятельности. Он мог ошибиться в деталях, но трудно представить, чтобы он мог допустить такую ошибку, какую приписывает ему Семеvский. Не идет ли речь и в данном случае о «записке» 1817 г., о которой мы упоминали выше. Ошибка Волконского несколько раскрывает и содержание «записки» 1817 г. Очевидно, в числе аргументов Орлова были указания на внутреннее неустройство России и на забвение ее очередных и основных нужд, в первую очередь — отмены крепостного права.

Сфера распространения таких «записок» была различна. Одни приобрели широкую известность и популярность, другие — оставались в уз-

ком и более или менее замкнутом кругу единомышленников. Таков был адрес императору, составленный в 1820 г. Якушкиным; адрес этот должны были подписать все члены Союза Благоденствия. Якушкин вспоминал: «В этом адресе излагались все бедствия России, для прекращения которых мы предлагали императору созвать Земскую думу по примеру своих предков».

Вместе с Якушкиным адрес подписал и Фонвизин. П. Х. Граббе, к которому они обратились за подписью, указал на утопичность и опасность их замысла. Он «ясно доказал, что этим поступком за один раз уничтожалось Тайное общество и что это все вело нас прямо в крепость».

КНИГА М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПУШКИНУ, 1833 г.

«Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от сочинителя М. Орлова в знак дружбы и уважения»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

После этого Якушкин уничтожил все написанное⁸⁹. О содержании этого «адреса» известно из показаний самого Якушкина: в нем было изложено «все зло», которое заметил в государстве автор. Но показание расходится с «Записками» Якушкина в изложении судьбы этого документа. По «Запискам» адрес был уничтожен сразу же после совместной поездки Якушкина и Фонвизина в Дорогобуж к Граббе. По показанию Якушкина, он привез адрес в Москву, где тот подвергся обсуждению (ВД, III, 43). Надо полагать, что эта версия более правильна. Если бы адрес был, действительно, известен только двум-трем лицам, зачем нужно было бы Якушкину рассказывать о нем на следствии. Из контекста же показания следует, что проект Якушкина обсуждался на Московском совещании 1821 г.

В 1818 г. В. И. Штейнгель подал А. Н. Мордвинову «записку» — «Рассуждение об упадке торговли, финансов и публичного кредита в России». Мордвинову «записка» понравилась и он переслал ее министру финансов, но последний не придал ей никакого значения⁹⁰. Рукопись же

была очень распространена, и ею широко пользовались декабристы в агитационно-пропагандистских целях. Один экземпляр ее находился у Пестеля, о чем было упомянуто в доносе Майбороды (ВД, IV, 11); ее распространял Рылеев⁹¹, ее же цитировал в одной из своих речей М. П. Бестужев-Рюмин; в своем показании он назвал «записку» «известной речью» (ВД, IX, 117), засвидетельствовав тем самым большую популярность ее не только в кругу декабристов, но и в широких общественных кругах.

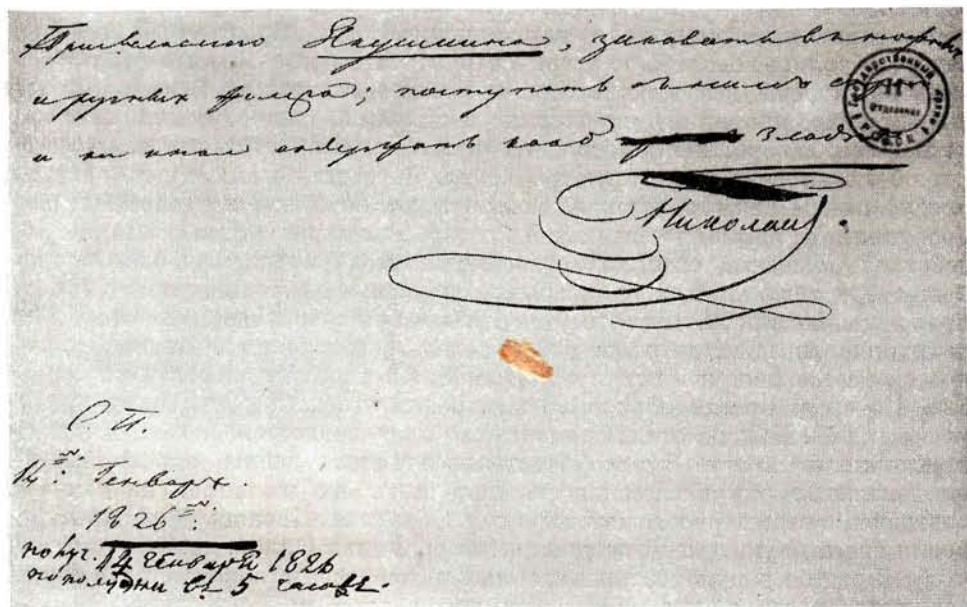
В ЦГИА хранится черновик «большой записки» Ф. П. Шаховского в форме письма Александру I (1822 или 1823). По изложению Т. Г. Снытко, Шаховской писал в ней о тяжелом положении крестьян, «обремененных налогами, повинностями, монополиями» и т. д., о необходимости отмены рабства и замены подушной подати подоходным налогом⁹². Не ясно, является ли этот черновой текст лишь незавершенным замыслом или же эта «записка» была, действительно, составлена Шаховским и передана царю.

К этой же группе документов следует отнести и «записки», подававшиеся отдельными деятелями тайных обществ в порядке служебном: «записки» К. Ф. Рылеева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, Н. И. Тургенева, К. П. Торсона, П. И. Пестеля. Такова, например, «записка» Батенькова «Мемуар» (или «Устав») о земских повинностях, поданный им В. П. Кочубею.

О содержании этого «Мемуара» можно судить по «записке» Батенькова, составленной после ареста, в которой он подробно излагал свои соображения о крестьянских повинностях⁹³. Во время похода 1813—1814 гг. Рылеев составил несколько «записок» о состоянии тех областей Франции, Пруссии, Литвы, через которые проходили русские войска. Эти «записки» имели, видимо, «сравнительный характер», то есть в них сопоставлялось положение населения этих районов с положением русского крестьянства. По свидетельству сослуживца Рылеева, впоследствии генерал-майора, Косовского, из воспоминаний которого лишь в первые стало известно о данных «записках», они имели большое значение для формирования политического мировоззрения Рылеева (см. стр. 242 настоящего тома). Торсон подавал «записку» «касательно улучшения флота»⁹⁴; она была представлена в морской штаб. Большое количество таких «записок» и проектов составлено и подано Н. И. Тургеневым: «Торговое уложение», «Вексельный устав», «Об уголовном судопроизводстве», «Положение о городской думе», «О гербовом проекте», «Рассуждение о русском судопроизводстве» (последнее предназначалось специально для М. М. Сперанского) и мн. др. Несмотря на свой внешне официальный и даже ведомственный характер, эти «записки» и проекты должны быть частично включены в состав декабристской литературы как образцы декабристской критики существующего порядка, а иногда и как попытки воздействия на мероприятия правительства. По поводу своей «записки» о гербовом проекте Тургенев писал в «Дневнике»: «Князь Головин говорил мне, что в журнале есть колкости. А мне кажется, тут есть кое-что важнее и большее колкостей. В нем доказывается, кроме того, что министр финансов и глуп и охотник до власти, что система нашего управления разорительна и пагубна для государства» и т. д.⁹⁵

Известны «записки» Пестеля о разных вопросах, касающихся военного и гражданского устройства («Записка о штабах», «Записка о составе войск», «Записка о маневрах», «Краткое рассуждение о составе войск», «Записка о государственном правлении» и др.); они не опубликованы, но их рукописи сохранились (в ЦГИА) и неоднократно привлекались исследователями декабристского движения, в частности — биографами Пестеля. Известны также его «записки» о греческих тайных обществах⁹⁶.

А. К. Бороздиным и М. В. Довнар-Запольским опубликован ряд «записок», поданных декабристами Николаю I во время следствия и суда. На основании этих «записок» составил впоследствии свой знаменитый «Свод» А. Д. Боровков⁹⁷. Однако не все «записки» вошли в это издание и не все сохранились, — в частности, Боровковым не использована «Записка о состоянии флота», составленная Торсоном. Торсон и позже, в сибирских казематах, писал и направлял правительству свои проекты реформы флота; он даже надеялся заслужить ими облегчение не только своей участи, но и своих ближайших товарищей⁹⁸. Андрей Муравьев сообщал

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I НА ИМЯ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ СУКИНА С РАСПОРЯЖЕНИЕМ «ЗАКОВАТЬ» И. Д. ЯКУШКИНА «В НОЖНЫЕ И РУЧНЫЕ ЖЕЛЕЗА; ПОСТУПАТЬ С НИМ СТРОГО И НЕ ИНАЧЕ СОДЕРЖАТЬ КАК ЗЛОДЕЯ»

Внизу помета рукой Сукина: «получ. 14 января 1826 по полудни в 5 часов»

Центральный исторический архив, Москва

о записках А. Н. Муравьева относительно Сибири⁹⁹, — вероятно, они имели служебное назначение.

К формам легального воздействия на общественное мнение относится и известная попытка М. Ф. Орлова и Н. И. Тургенева (1817) реформировать «Арзамас», поставив перед ним более широкие общественные задачи. Этот эпизод неоднократно привлекал внимание историков литературы; ему посвящен ряд исследовательских очерков и этюдов; тем не менее очень многие вопросы, связанные с историей этой попытки, остаются недостаточно раскрытыми и неразъясненными. Более того, вследствие некоторых поспешных и произвольных интерпретаций весь этот историко-литературный эпизод изображается — в некоторых его сторонах — в искаженном виде. Основным источником служили воспоминания Н. И. Тургенева и Ф. Ф. Вигеля.

«В конце моего пребывания в С.-Петербурге, — писал Тургенев, — мой тогдашний друг, генерал Михаил Орлов, вступил в это литературное общество. Но вместо того, чтобы, согласно установленному обычаю, произнести в шутовском стиле эпитафию какому-нибудь из находящихся

в живых академиков, он выступил с серьезной речью, в которой указывал Обществу, как мало вяжется с достоинством разумных людей занятие пустяками и литературными спорами, когда положение страны открывало такое широкое поприще для приложения ума всякого человека, преданного общему благу. Он заклинал своих новых собратьев бросить свои детские забавы и направить свое внимание на благородные и серьезные предметы. Эта речь произвела впечатление; все почувствовали справедливость упреков и советов вновь вступавшего члена»¹⁰⁰.

Дополнительные подробности находятся в рассказе Вигеля: «Показалось Орлову, что свободная стихия достаточно наполняет „Арзамас“, чтобы сделаться в нем преобладающею. Он задумал приступить к его преобразованию и дать ему новое направление. В один прекрасный весенний вечер собрались мы на даче у гр. Уварова; заседание открыто было в павильоне Штейна, как в месте особенно вдохновительном. В приготовленной им речи, правильно по-русски написанной, Орлов, осыпав всех нас похвалами, с горестию заметил, что превосходные дарования наши остаются без всякого полезного употребления. Дабы дать занятие уму каждого, предложил он завести журнал, коего статьи новостью и смелостью идей пробудили бы внимание читающей России. Расширив таким образом круг действия Общества, он находил необходимым и умножить число его членов; сверх того, предлагал каждому отсутствующему члену предоставить право в месте пребывания его учреждать небольшие общества, которые бы находились в зависимости и под руководством главного. Изумив сочленов своих неожиданностию предложений, он надеялся вырвать их согласие. Не знаю, каким образом о намерении его заблаговременно предупрежденный, Блудов отвечал ему также приготовленной речью. Учительнее, пристойнее и вместе с тем убедительнее нельзя делать опровержений; он доказывал ему невозможность исполнить его желание, не изменив совершенно весь первобытный характер Общества. Касаясь до распространения света наук, о коем неоднократно упоминал Орлов, заметил он ему, что сей светоч в руках злонамеренных людей всегда обращается в факел зажигательства; и сие сравнение после того не раз случалось мне слышать от других». «Когда вспомнишь это прение,— заканчивал Вигель,— кажется, что будущий жребий сих людей был написан в их речах»¹⁰¹.

Оба эти свидетельства вполне правдивы и, вместе с тем, не совсем точны. Речь Орлова дошла до нас: она опубликована М. С. Боровковой-Майковой в изданных ею арзамасских протоколах, однако речь эта лишь частично соответствует той характеристике, которую находим мы у Тургенева и Вигеля. Она выдержана в общем шутливо-арзамасском стиле и по обычаю арзамасцев посвящена литературным противникам. Но Орлов придал обычной полемике более глубокий характер. Он посвятил речь не одному какому-либо писателю реакционного лагеря, но сделал общий обзор, насытив его политическими намеками. Упреков же, о которых упоминают Тургенев и Вигель, в ней не было; не было и ссылок на положение страны, призывающее членов литературного общества к осуществлению иных задач,— и только в конце Орлов обратился с призывом наметить более широкие цели: «Итак, обращаюсь я с радостью к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской. Тогда-то Рейн, прямо обновленный, потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род, не легкие увеселительные лодки, но суда, наполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч отечественности и начнется для „Арзамаса“ тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной

рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы»¹⁰². Каких-либо конкретных предложений (издание журнала, организация филиалов), о чем говорит Вигель, в этой речи не содержится. Отвечал Орлову не только Блудов, но и Северин («дипломатический щенок», как его называл позже Н. И. Тургенев). Ответ был сдержан, в нем не было резкой отповеди; наоборот, Северин призывал Орлова и далее быть немилосердным к их общим литературным врагам. Интерпретация этой речи, данная Б. С. Мейлахом, не точна и основана на неоправданной модернизации некоторых выражений в речи Северина (в частности слова «топить»)¹⁰³.

Но речь Орлова, действительно, вызвала к жизни ряд проектов, связанных с деятельностью «Арзамаса», в том числе и проект об издании журнала. Мысль о журнале давно уже занимала арзамасцев, — выступление Орлова дало новый стимул и повело к выработке конкретных планов и к принятию определенных решений.

Учитывая эти противоречия, Боровкова-Майкова вообще опровергает рассказ Вигеля, считая его односторонним и навеянным сопоставлением позднейших судеб Орлова и Блудова. Особенное значение придает она тому обстоятельству, что Вигель, вопреки его рассказу, сам не присутствовал при избрании Орлова (и, стало быть, его речи не слышал), да и самое избрание состоялось не в квартире Уварова, как пишет Вигель, а у Блудова. Однако трудно допустить, что рассказ Вигеля выдуман. При чтении мемуаров Вигеля необходимо учитывать его позиции злобного и раздраженного реакционера и потому с большим недоверием относиться к его характеристикам и интерпретациям, но совсем не считаться с его показаниями, как это делает Боровкова-Майкова, едва ли возможно. К тому же в его рассказе имеются такие подробности (например, предложение об организации филиалов Общества), которые он едва ли мог выдумать. И как раз та ошибка, которую допустил Вигель, упоминая о месте избрания Орлова, дает надежный ключ ко всему его рассказу в целом. Вигель отсутствовал на том собрании у Блудова, на котором произнес свою вступительную речь Орлов, но он был на следующем, которое также происходило весной и было действительно на квартире Уварова. Это заседание было посвящено всецело вопросу о журнале. Вот на этом-то заседании и мог слышать Вигель те предложения Орлова, о которых он рассказывал в «Записках». Таким образом устанавливается, что Орлов произнес в «Арзамасе» не одну, а две речи, из которых дошла до нас только одна. Вигель же в своем позднем рассказе объединил и то, что он слышал сам, и то, что ему сообщили о первой речи Орлова, — впрочем, последнюю он мог и прочесть, так как она была передана Орловым для включения в арзамасские протоколы.

Оправдывается и сообщение Вигеля о речи Блудова, отвергнутое Боровковой-Майковой. Боровкова-Майкова утверждает, что ответная речь Блудова не только не была возражением Орлову, а наоборот, развивала высказанные последним мысли. Но исследовательница спутала порядок протоколов и приписала Блудову речь Александра Тургенева. Из стихотворного же отчета Жуковского явствует, что Блудов вел протокол состоявшегося у него на квартире заседания («Одна лишь Кассандра тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом, ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу, в креслах сидела») и что он же выступил с обширной речью при обсуждении программы журнала. Пространная речь Блудова подробно изложена в стихотворном отчете Жуковского, но в нем сглажены все острые углы. Внешне речь Блудова представляется дальнейшим развитием мыслей Орлова и поддержавшего его предложения А. И. Тургенева, но даже и отчет Жуковского сохранил ряд осторожных оговорок Блудова. Напоминание же в конце речи о «славном царском троне» имело определенный смысл и значение. Рассказ

Вигеля является поэтому ценным дополнением к стихотворному отчету Жуковского и восполняет недосказанное им. Вигель только ошибочно включил в речь Блудова слова о факеле просвещения, обращающемся в руках злонамеренных людей в факел зажигательства, — это выражение находилось в речи А. И. Тургенева («Сонное мнение члена Эоловой арфы») и имело совсем не тот смысл, какой придал ему Вигель. Александр Тургенев, имея в виду предстоящие возражения, спешил отвести их указанием, что «в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя».

Очень запутан вопрос о «программах журнала». В протоколе 22-го заседания (август 1817 г.) записано: «Читаны три программы — две членом Рейном (М. Ф. Орловым), одна — членом Барвиком (Н. И. Тургеневым), по поводу коей произошел страшный арзамасский язычный бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков»¹⁰⁴. Некоторые исследователи путают «программы» Орлова и Н. И. Тургенева с программами журнала, полагая, что горячие споры возникли вокруг вопроса о характере и направлении журнала. Но как раз в данном вопросе не было никаких разногласий: Тургенев программы журнала не представлял; она была выработана Орловым и Вяземским и сразу же принята¹⁰⁵. Под словом «программа» в протоколах и письмах арзамасцев понимаются и программа (план) журнала и программа статей для журнала: план, проект или первоначальный эскиз. В августовском протоколе речь идет о последних, то есть о программах статей или, как пишет обычно Н. И. Тургенев, о литературных программах. Ряд статей был предложен Орловым: 1) «Политика вообще и отрывки в прозе», 2) «Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее», 3) «Образцы общественного мнения»¹⁰⁶. Наконец, перед самым отъездом Орлов предложил четвертую тему «О представительном правлении», в которой хотел «показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и выгод». Тургенев должен был написать статью «О заслугах Англии и Франции перед Европою». Из протоколов видно, что уже в августе Орлов приготовил и читал две программы, но какие именно, не установлено. В конце года он прочитал и третью программу: статьи о представительном правлении. Обсуждение протекало в очень бурных формах. Протоколы последних заседаний «Арамаса» не сохранились, но об этом обсуждении сообщил в письме к служившему тогда в Вене С. И. Тургеневу Жуковский. Письмо это также не сохранилось; в ответном письме С. И. Тургенев писал: «Кажется, Рейн со своей статьей о представительном правлении слишком быстро потек. Вспомнить бы ему о Шафгаузенском водопаде»¹⁰⁷. Это обсуждение вызвало горькие разочарования и у самого Орлова и у братьев Тургеневых.

Программу своей статьи Н. И. Тургенев изложил в письме к брату Сергею и набросал в «Дневнике». Она является сравнительной характеристикой английского и французского политического строя¹⁰⁸. Основную мысль он так формулирует в этом письме (ноябрь 1817 г.): «Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть»; «...надобно также упомянуть, что Франция своею революцией прочла так сказать для Европы курс науки управления государством». В этой же статье он желал опровергнуть «приверженцев континентальной системы» и показать, что «английская промышленность выгоднее для Европы, чем французская». Над этой статьей Н. И. Тургенев работал долго и упорно и затем послал ее на просмотр брату Сергею. Последний, однако, не разделял преувеличенной оценки английской политической системы, очень

резко критиковал современное английское правительство и утверждал, что Англия вообще «близка к падению»¹⁰⁹.

Статья Тургенева осталась незаконченной и не сохранилась, не сохранилась также и ее программа, вызвавшая «арзамасский бой». Сам Тургенев о «бое» из-за его программы не упоминает ни в «Дневнике», ни в письме к брату; сущность и характер сделанных ему резких возражений неизвестны; лишь по одному намеку в ответном письме Николая

А. И. ТУРГЕНЕВ

Рисунок П. Ф. Соколова, 1816 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Тургенева к Сергею можно думать, что большие опасения членов «Арзамаса» вызвала самая тема и возможность ее появления в журнале.

Таким образом, попытка использовать «Арзамас» в целях воспитательно-политического воздействия на общество оказалась неудачной. Н. И. Тургенев сделал после этого новую попытку создания журнала — «Архив политических наук и российской словесности». Он организовал «Журнальное общество» («Общество XIX века и 1819 года»), которое фактически должно было явиться филиалом Союза Благоденствия¹¹⁰. По сообщению Грибовского, журнал должен был издаваться на средства Тайного общества¹¹¹.

И эта попытка оказалась неудачной: «Журнальное общество» имело лишь несколько заседаний (на одно из них «забрел» случайно Пушкин), было представлено несколько проектов статей, сурово осужденных

Н. И. Тургеневым. Его одобрение заслужили лишь статьи исторические («исторические пьесы») Никиты Муравьева¹¹².

В 1820 г. Орлов составил проект создания «Общества переводчиков для перевода полезных иностранных книг на русский язык». «В этом проекте, — сообщал Н. И. Тургенев брату Сергею, — как и во всем, что пишет Орлов, много умного»¹¹³. Как видно из последующих писем Н. И. Тургенева, он предпринимал какие-то шаги для реализации этой идеи Орлова, но из его хлопот ничего не вышло.

Столь же неудачна была и попытка Ф. П. Шаховского и М. А. Фонвизина использовать существовавшее в Москве литературное общество («Общество громкого смеха»), руководимое М. А. Дмитриевым (1819). До недавнего времени об этом Обществе было известно лишь по краткому упоминанию в мемуарах Фонвизина и в его же показании Следственной комиссии (ВД, III, 80). О том же сообщал на следствии и В. П. Зубков¹¹⁴. Глухие и нечеткие упоминания об этом Обществе ныне разъяснены исследованием А. Г. Грум-Гржимайло¹¹⁵. Общество не имело никаких политических целей и по своей структуре, задачам и характеру напоминало скорее «Арзамас». Шаховской и Фонвизин сделали попытку, подобную попытке Орлова в «Арзамасе», придать Обществу более серьезное направление, поставив перед ним ряд задач общественного характера. Для этой цели Шаховским был разработан и предложен Обществу Устав, который был принят. Однако побудить членов Общества к активной деятельности в новом направлении Шаховскому и Фонвизину не удалось. Вскоре же после принятия нового Устава «Общество громкого смеха» распалось и Устав был уничтожен.

IV. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ДЕКАБРИСТОВ

С образованием Северного и Южного обществ политическая мысль декабристов вступает в новую фазу. Напряженная работа в области строительства и укрепления революционной организации идет неразрывно в тесном и слиянном сочетании с выработкой программы политического переустройства страны. Такие программы вырабатывались и обсуждались и ранее, но только теперь они были поставлены в тесную связь с вопросами тактики и повседневной деятельности обеих организаций. Наиболее отчетливо проявилось это в два последние года, когда уже было приступлено к конкретной выработке форм и сроков революционного выступления. Вопрос об объединении Северного и Южного обществ решался не в зависимости от выработки общего Устава, но от выработки общей политической платформы. Конкретно это выражалось в отношении к двум центральным конституционным проектам: Никиты Муравьева и Пестеля. Эту зависимость и взаимосвязь очень лаконично и выразительно определил Пестель, заявив, что «с подтверждением прежней республиканской цели» Южное общество приняло и «решительный революционный способ действия» (ВД, IV, 193).

Ряд проектов был выработан в Союзе Спасения. По свидетельству Пестеля, таких проектов было очень много: «Многие <конституции> были предлагаемы от разных лиц»; в числе их он называл М. Н. Новикова, Никиту Муравьева, Сергея Муравьева-Апостола и самого себя. «Я с Сергеем Муравьевым писал одну, — показывает он. — Но все, — добавляет Пестель, — не получили общего согласия и одобрения» (ВД, IV, 81). Временем наибольшего оживления в создании и обсуждении конституций Пестель называет 1817—1819 гг.

Эти ранние опыты до нас не дошли; более подробные сведения сохранились лишь о конституционном проекте М. Н. Новикова (племянника

Табл. I

Описание письма - 1829 г.

1. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
2. Копия письма, написанная в 1829 г. в Петербурге, адресованная к...

Табл. II

Описание

3. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
4. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

5. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
6. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

22. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
23. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

24. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
25. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

26. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
27. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

III

28. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
29. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

30. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...
31. Письмо, написанное в 1829 г. в Петербурге, адресованное к...

СПИСОК РУКОЙ РЫЛЕВА ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ, СОСТАВЛЕННОГО Н. М. МУРАВЬЕВЫМ, 1829--1824 г.

На полях рукописи многочисленны пометы чернилами и карандашом, принадлежние В. И. Штейнголю, И. И. Пущину и С. Н. Кашкину

знаменитого деятеля XVIII в., Н. И. Новикова). По характеристике Пестеля, этот проект имел республиканский характер («Первую мысль о республиканском правлении подал проект конституции Новикова»). Верховная власть, по проекту Новикова, «находилась в особом сословии, коего председатель имел два голоса, а прочие члены только по одному» (ВД, IV, 101, 113; ср. 91).

Нет никаких сведений о первых опытах конституционных проектов Сергея Муравьева и Пестеля. Поскольку Пестель подчеркивает, что проект Новикова был единственным республиканским проектом, можно думать, что и Пестель, и Муравьев тогда еще отстаивали идеи конституционной монархии. Позже Пестель назвал в числе сотрудников «Русской правды» С. И. Муравьева-Апостола, однако последний категорически отрицал свое участие в труде Пестеля (ВД, IV, 276). Быть может, Пестель имел в виду соучастие Сергея Муравьева в этом раннем проекте; в новой редакции своей конституции Пестель, несомненно, воспользовался некоторыми мыслями и формулировками своего соавтора по первому проекту, почему он и счел возможным назвать его.

В лучшем положении находится историк при изучении «Конституции» Никиты Муравьева и «Русской правды» Пестеля, но и эти памятники дошли до нас, к сожалению, не в полном виде. Подлинный текст «Конституции» Никиты Муравьева был сожжен в декабрьские дни 1825 г., но Следственной комиссии было представлено подробное изложение ее, сделанное самим автором и озаглавленное им «Конституционный устав». Это «изложение» дошло и до нас; кроме того, сохранилось еще два списка: один — в бумагах Трубецкого, захваченный при аресте последнего; другой — в бумагах Пущина, переданный им вечером 14 декабря Вяземскому и сохраненный последним до возвращения Пущина из Сибири. Этот экземпляр был написан рукой Рылеева и известен в литературе под именем рылеевского, или пущинского, списка; иначе он именуется «музейным списком» (по месту нынешнего хранения), в отличие от автоизложения Муравьева, именуемого «тюремным списком» или «тюремным вариантом». Н. М. Дружинин убедительно раскрывает хронологическую последовательность этих списков; ставя их в связь со стадиями работы Никиты Муравьева над своим проектом. Вариант Трубецкого является списком редакции 1821 г. (так называемый «минский вариант» — по имени города, в котором тогда находился Муравьев; сам Муравьев его датировал 1822 г. — ВД, I, 302). Экземпляр Пущина представляет собою вторую редакцию, составленную Муравьевым в 1823 г. Одну копию с этого текста сделал М. И. Муравьев-Апостол для Южного общества (ВД, IX, 257)¹¹⁶.

Этот вариант очень интенсивно обсуждался декабристами; в нем был сделан ряд «перемен» и «поправок» Верховной думой; в результате этих обсуждений и поправок составила новая редакция (осень 1825 г.), явившаяся уже окончательным текстом «Конституции» Никиты Муравьева. «Тюремный вариант» и воспроизводит эту редакцию. Подлинный же ее текст и списки с нее не сохранились. Известно, что один из них находился у С. Н. Кашкина и был им сожжен; второй был у Оболенского, судьба этого списка неизвестна¹¹⁷. Считать «тюремный вариант» вполне идентичным утраченному тексту, конечно, нельзя. Как правильно замечает Н. М. Дружинин, «перед нами позднейшее воспроизведение автора, сделанное в обстановке тюремного заключения и в условиях политического следствия»; в этой редакции имеются и «бессознательные пропуски» и «намеренные умолчания». В первой же редакции «Конституции» Муравьева, то есть в той, которая представлена списком Трубецкого, нередко наблюдается «некоторая несогласованность содержания» и «наличие переделок». Дружинин объясняет это тем, что данный текст

«вобрал в себя более раннюю переработанную редакцию»¹¹⁸. Этой ранней редакцией является, несомненно, тот проект (1818—1819), о котором упоминал Пестель и который также не сохранился. Таким образом устанавливается утрата по меньшей мере двух вариантов «Конституции» Никиты Муравьева: самого раннего и самого позднего¹¹⁹.

Не в полном виде дошла до нас и «Русская правда» Пестеля. Найдены только первые пять глав. Как было сказано, судьба пяти последних глав (в том числе и главы о верховной власти) точно не выяснена. Гипотеза Н. П. Павлова-Сильванского, что они были уничтожены как наиболее опасные, едва ли может быть принята. В глазах правительства вся «Русская правда» была опасна, и Пестель это прекрасно понимал; к тому же он был озабочен *спасением* «Русской правды» и первоначально не хотел ее уничтожения. В. Л. Давыдов категорически уверял, что «Русская правда» еще не была закончена и должна была иметь вторую часть. Отдельные же главы ее существовали в виде первичных редакций и были широко известны членам Тайного общества. Кроме того, он же показал, что имел на одном листке «сочинение Пестеля» об учреждении десяти министерств¹²⁰. Этот листок он сжег.

Заниматься догадками о причинах отсутствия глав второй части — бесполезно; важно установить, что основные положения, составляющие содержание этих глав, были уже достаточно разработаны и имели законченные формулировки, — иначе не мог бы дать о них столь подробные показания М. П. Бестужев-Рюмин, с большой полнотой раскрывший содержание не дошедшей до нас части «Русской правды» (ВД, IX, 58—60). В ней, по свидетельству Бестужева-Рюмина, были изложены положения об организации исполнительной и законодательной власти, о создании специального органа революционного надзора («Революционный сенат»), обязанностью которого было следить за строгим соблюдением конституции, за деятельностью революционных генерал-прокуроров, за изменением существующего законодательства и судопроизводства, за законодательным собранием и собранием депутатов, за организацией и системой революционных министерств, за правами и обязанностями каждого министерства, за избирательной системой и формой местного устройства (ВД, IX, 12). Некоторые из сообщенных Бестужевым-Рюминым положений известны и из других источников, большинство же устанавливается впервые лишь на основании его показаний.

Наряду с «Русской правдой» (которая являлась не только конституционным проектом, но и «наказом» будущему революционному правительству) существовало еще краткое изложение ее под заглавием «Конституция. Государственный завет». Подробное ее содержание приведено в показаниях П. Борисова и Спиридова (ВД, V, 32, 125); самый же текст (в копии Борисова) сохранился в деле Шимкова¹²¹. По показаниям Волконского, Давыдова и Бестужева-Рюмина, это изложение составлено Пестелем. Сам Пестель дал по этому поводу несколько уклончивое показание: «Я не знаю, какой Государственный завет был дан от Бестужева-Рюмина Славянскому обществу, но точно помню, что под моею диктовкою писал Бестужев извлечение краткое из Русской правды» (ВД, IV, 188). Смысл этой оговорки неясен: хотел ли Пестель лишней раз подчеркнуть свою непричастность ко всему, что касалось Общества Соединенных Славян, или же считал необходимым указать на возможность каких-либо не принадлежащих ему поправок и дополнений. Следственная комиссия полагала, что извлечение сделано самим Пестелем, но заглавие принадлежит Бестужеву-Рюмину (ВД, IX, 169).

Комментатор копии Борисова считал ее не вполне исправной. Л. А. Медведская-Басова полагает, что сохранилась лишь первая часть «Государственного завета», вторая же часть утрачена. Ее соображения нельзя

считать вполне убедительными, так как они исходят из противопоставления «Русской правды» и «Государственного завета»¹²², — но некоторое подтверждение мысль о неполноте имеющегося в нашем распоряжении списка находит в показании Бестужева-Рюмина о составе не дошедших глав «Русской правды». Если, действительно, следует видеть в «Государственном завете» некую квинтэссенцию «Русской правды», то не вполне понятно отсутствие в дошедшем до нас тексте некоторых весьма существенных и важных пунктов, которые имеются в показании Бестужева-Рюмина. Поэтому вопрос о подлинном тексте «Государственного завета» следует считать еще открытым. Из рапорта генерала Гейсмара известно, что Сергей Муравьев «выронил из кармана на поле сражения» «составленную на русском и французском языках конституцию» (ВД, VI, 70). Очевидно, это был другой экземпляр «Государственного завета» — быть может, сделанный Бестужевым-Рюминым французский подлинник вместе с переводом. Однако в следственном деле С. И. Муравьева-Апостола этого списка нет. Не находился ли он среди тех бумаг, которые были посланы в к. Константинову и позже, по совету последнего, уничтожены?¹²³

Существовали и другие краткие редакции и варианты «Русской правды». Это прежде всего список 1820 г., врученный Пестелем Никите Муравьеву во время их встречи на юге. Сущность его известна из показания, сделанного Никитой Муравьевым (ВД, I, 302). По разъяснению Муравьева, Пестель мыслил форму правления как своеобразное сочетание императорской власти и народного веча. Но, как справедливо замечает Дружинин, «в этом раннем, еще неотделанном, варианте „Русской правды“ уже были заложены основные начала радикальной демократической программы»; в частности — в ней уже было декларировано полное освобождение крестьян с передачей в общественное пользование половины земель владельцев, но при условии сохранения прежнего денежного оброка¹²⁴. Поскольку нет уверенности, что передача Муравьева абсолютно полна и точна, приходится считать эту утрату особенно ощутимой, так как наличие этой редакции дало бы возможность более отчетливо уяснить эволюцию политических взглядов Пестеля.

Ранним вариантом «Русской правды» является текст 1823 г., о котором сообщил в своем показании Волконский; он именуется «памятной запиской» (в дальнейшем мы будем называть этот текст «памятной запиской 1823 года»).

Это — доклад, сделанный Пестелем на совещании членов Южного общества во время киевских контрактов 1823 г. По характеристике Волконского, эта «записка» заключала предположения Пестеля о плане восстания и первых мероприятий Революционного правительства¹²⁵; одновременно в ней были формулированы и основные черты будущего государственного устройства России. «Памятная записка 1823 года» наглядно свидетельствует, что в это время руководителями движения была уже ясно осознана неразрывная связь конституционных проектов с планами восстания и с организационной структурой Тайного общества.

Третий вариант — «Краткое начертание „Русской правды“» на французском языке (в переводе Сергея Муравьева-Апостола), предназначенное для ознакомления французских политических деятелей (ВД, IV, 163). Этот текст был составлен также в 1823 г., несомненно, уже после того, как программа Пестеля была принята и утверждена на совещании. «Краткое начертание» привез в Петербург Давыдов.

Четвертый вариант — конспективное изложение, включенное Пестелем в его «предлинное» письмо к Никите Муравьеву, посвященное критике основных положений конституционного проекта последнего (ВД, IV, 162).

Наконец, известно о существовании еще нескольких списков, находившихся у отдельных членов революционной организации: был список у Матвея Муравьева-Апостола («копия вкратце»), полученный им весной 1824 г. в Петербурге непосредственно от Пестеля (ВД, IX, 255, 268); другой экземпляр «копии вкратце» имел Давыдов, хранивший его «на груди своей» (там же). В том же году привез список (из Петербурга) для Бестужева-Рюмина И. С. Повало-Швейковский. Эти списки восходили, конечно, к одному источнику — к «Памятной записке 1823 года»; однако список Повало-Швейковского имел какие-то отличия. По его показанию, Бестужев-Рюмин, просмотрев список, спросил: «Пестель вам более ничего не передавал? Здесь не все помещено»¹²⁶.

Вокруг этих основных текстов образовался еще ряд важных политических документов. Эти документы имели тройкий характер: 1) письма, которыми обменялись авторы обоих проектов и которые являлись, по существу, политическим и тактическим комментарием к самим текстам или их извлечениям; 2) разного рода поправки и возражения; 3) дополнения, представленные отдельными членами организаций в развитие отдельных положений.

Из этих документов до нас дошло только очень немногое: замечания К. П. Торсона и Н. А. Бестужева на проект Никиты Муравьева; замечания же и поправки Рыльева и других членов Верховной думы неизвестны. Не сохранились поправки и замечания к «Русской правде». М. П. Бестужев-Рюмин, говоря в своих показаниях о несогласии северян с «Русской правдой», указывал, что в целях соглашения с Пестелем им (Бестужевым-Рюминым) совместно с С. И. Муравьевым-Апостолом был внесен ряд поправок (ВД, IX, 77). В чем заключались эти поправки и внесены ли они в известный нам текст «Русской правды», остается невыясненным, но северянам, как это явствует из слов Бестужева-Рюмина, они были известны. Вероятно, эти поправки были сделаны в 1825 г., во время пребывания в Киеве Трубецкого, благодаря чему и удалось Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину достигнуть соглашения с ним.

Ряд возражений встретил и «Государственный завет» при обсуждении его в среде Общества Соединенных Славян. Наиболее решительные возражения были у Спиридова (в частности, по вопросу о функциях «Революционного сената»), который изложил их в письменном виде. Эти замечания вместе с другими бумагами были им перед арестом уничтожены (ВД, V, 126 — 127).

Имеющиеся в нашем распоряжении печатные источники не позволяют с должной полнотой и ясностью установить вопрос о дополнениях, сделанных отдельными авторами к «Русской правде». С. Г. Волконский утверждал, что главы «О судопроизводственной и финансовой части» были поручены Пестелем Н. И. Тургеневу¹²⁷; сам же Пестель показывал, что статью о финансах и народном хозяйстве «долженствовал написать Сергей Муравьев» (ВД, IV, 115); это подтверждал в своем показании и Давыдов. Едва ли Пестель мог давать такое поручение Тургеневу и едва ли бы последний его принял, но, быть может, Пестель во время пребывания в Петербурге имел возможность ознакомиться с соответствующими сочинениями Тургенева и смог кое-чем воспользоваться для своего труда. Не ясен вопрос об участии в «Русской правде» Юшневского. Сам он утверждал, что принимал участие лишь в литературной отделке некоторых глав.

По прямому поручению Пестеля, писали специальную «записку» о квартирмейстерской части («Мнение о квартирмейстерской части или о части военного соглядатайства и размещений») братья Бобрищевы-Пушкины и Н. Ф. Заикин. Основным автором был П. С. Бобрищев-Пушкин. В своих показаниях он очень преуменьшает значение и размеры

выполненной ими работы. Сначала, — уверяет он, — были написаны лишь две статьи, составившие всего «страниц восемь или девять». В первой статье он изложил «общий предмет действий квартирмейстерской части», а во второй — «начало общей теории рекогносцировок, то есть, что надобно замечать особенно при распознании края и местоположения»; позже он прибавил еще 10—12 страниц. П. С. Бобрищев-Пушкин вынужден был признать и участие в составлении этой «записки» своего брата, Н. С. Бобрищева-Пушкина, и Н. Ф. Заикина, но последнее, по его утверждению, было весьма незначительным. Однако его показание относительно их участия противоречиво. Сначала он заявил, что они «кажется, за это и не принимались», а затем добавил: «впрочем, если и принялись, то были тут совершенно моим оружием, ибо исполняли мою просьбу, произведенную минутным порывом минутного расчета»¹²⁸.

Сочинение свое П. С. Бобрищев-Пушкин уничтожил и сохранились случайно лишь два листка. Это поручение Пестеля было включено в перечень пунктов, составляющих «силу вины» последнего (ВД, IV, 223).

V. УСТАВЫ И ПРАВИЛА СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ

Одновременно велась работа и по составлению уставов и правил Тайного общества. В Северном обществе было создано четыре *основных* документа: 1) «Правила» Никиты Муравьева, выработанные им в дополнение и изменение Московского устава 1821 года, 2) Проект А. В. Поджио, 3) «Правила» (или иначе — Устав) Николая Тургенева и 4) выработанные на основе последнего «Артикулы Северного общества». Первые три документа относятся к 1823 г., «Артикулы» — вероятно, уже к 1824 г.

Инициатива создания нового Устава шла от Никиты Муравьева. Учитывая неудовлетворенность многих членов революционной группы всеми предыдущими проектами уставных положений как несоответствующими новым формам деятельности Тайного общества, он выработал проект новых дополнений к Уставу, которые и передал А. В. Поджио, предложив ему написать на основе старых правил и его (Н. Муравьева) дополнений новый окончательный текст Устава. Поджио принял предложение, но его проект, обсуждавшийся на квартире Пуштина, в присутствии Рыльева, Митькова, Оболенского и некоторых других членов Тайного общества, подвергся резкой критике и был отвергнут. Подробности обсуждения нам неизвестны, но два сохранившихся в показаниях замечания разъясняют до некоторой степени причины недовольства этим проектом. Митьков требовал внесения пункта об обязательной пропаганде идеи освобождения крестьян. Как видно из показаний П. П. Титова, этот пункт позже был внесен в окончательную редакцию Устава. Николай Тургенев заявил, что Устав Поджио очень напоминает Устав Союза Благоденствия. Это можно понять как указание на недостаточную четкость политических формулировок. Предложенный им проект (Поджио называет его: «Новые определения насчет приема новых членов»), который был принят в следующем заседании (на квартире Митькова), уже предусматривал эти требования. Неизменно снижая революционный характер Северного общества, М. В. Довнар-Запольский утверждал, что принятый последним Устав является лишь перифразой «Зеленой книги», что явно неверно. Новый Устав вполне четко формулировал конечную цель (установление республики) и определял поведение членов Общества при объявлении «приказа о начатии революционных действий».

Но лежащее в основе принятого Устава организационное деление членов Общества еще отражало уставные формы прежних организаций.

Все члены были разделены на два разряда; Матвей Муравьев-Апостол это разделение очень коротко формулировал в следующих словах: «первый разряд мог принимать членов, а второй — нет» (ВД, IX, 258). В таких же, примерно, выражениях определял установленную градацию и Рылеев (ВД, I, 166). Более подробно и, очевидно, весьма близко к подлинному тексту раскрывает эту сторону Оболенский: «члены Общества были разделены на *убежденные и согласные*, или соединенные». Убежденные принадлежали к составу основателей: они выбирали Верховную думу, принимали новых членов и требовали отчет о действиях Думы и всего Общества. Без согласия всех членов Союза убежденных нельзя было предпринимать никаких действий. Союз же согласных был составлен «единственно для испытания вновь принимаемых членов»; их права были очень ограничены и они знали лишь одного принявшего их члена (ВД, I, 253). Ценные добавления к показанию Оболенского сделал А. А. Бестужев, подробно раскрывший методику работы с членами организации (ВД, I, 439 — 442); из его же слов явствует, что Уставом была предусмотрена в качестве начального момента открытого революционного выступления смерть царя (ВД, I, 433).

Наиболее четкое указание на содержание и сущность программы Устава Северного общества находится в следственном деле П. П. Титова, принятого М. М. Нарышкиным. Нарышкин предъявил Титову при принятии «Артикулы» Общества, которые последний позже и сам предъявлял в аналогичных случаях другим. Титов сообщил и точный текст «Артикулов»: «1) доставить государству конституцию, подобную американским Штатам; 2) добиваться освобождения рабов от крепости; 3) облегчать и улучшать участь крестьян крепостных, сколько возможно; 4) обращаться с подчиненными сколько можно человеколюбивее; 5) с начальниками быть почтительному, не позволяя себе выскочек, также исполнительному по службе, сколько можно; 6) когда будет приказано, идти со своею командою туда, куда будет приказано; 7) жертвовать двадцатою долею годовых доходов; 8) письменного ничего не иметь, сообщаться не иначе как изустно и то в своей Управе; 9) людей без способностей не вербовать, а порождать в них соучастие; 10) женщины могут действовать»¹²⁹.

Довнар-Запольский предполагает, что Устав Северного общества был уничтожен задолго до 14 декабря и взамен его были составлены «очень несложные правила», о которых и сообщал в своем показании Титов. Аксенов считает эти «Артикулы» самим Уставом¹³⁰. Оба эти предположения неверны. В «Артикулах» нет никаких указаний на организационную структуру Общества, что составляло сущность выработанного Н. И. Тургеневым «Устава», — недаром он часто именуется в показаниях и мемуарах как «предложение о разделении членов Общества на два разряда»; об уничтожении же Устава не сообщил никто из декабристов. Кроме того, Устав, построенный на неравенстве составлявших организацию членов, естественно, не мог быть известен членам второй категории; для последних и были составлены те «Артикулы», которые объявлялись неопитам и содержали краткое изложение основных задач Общества и основных правил поведения его членов; в формулировках этих задач уже чувствуется непосредственное влияние рылеевской группы.

Не выяснен и запутан вопрос об Уставе Южного общества. Довнар-Запольский, и в данном случае стремясь снизить революционность декабристских организаций, категорически утверждал, что «письменного Устава не было»¹³¹. Действительно, Пестель на следствии отрицал его существование. «Наименование в Петербурге и в Тульчине осталось прежнее, но образование Общества получило словесные изменения; письменного же нового статута не было» (ВД, IV, 101). Пестель из каких-то соображений очень преуменьшал количество существовавших письмен-

ных документов. Правила же, определявшие формы приема членов и устанавливавшие их взаимоотношения и иерархию, были известны в кругах Тайного общества как «Правила Пестеля». Так именовали их и в Следственной комиссии. По показанию Трубецкого, Пестель настаивал на принятии этих «Правил» Северным обществом (ВД, I, 15); главнейшую сущность этих «Правил» и он, и Пестель определяли как требование «беспрекословного и слепого повиновения одному избранному директору». Прямой вопрос о «Правилах» был поставлен Бестужеву-Рюмину: «В чем заключались главные черты конституции под названием *Русской правды*,

ВИД ОФИЦЕРСКИХ КАЗАРМ И ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Здесь, на квартире у Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов в феврале 1816 г. происходило собрание, на котором было положено основание Союза Спасения

Раскрашенная гравюра Тьери, 1800-е гг.

Исторический музей, Москва

написанной Пестелем, и правил Общества» (ВД, IX, 51). Он дал пространственный ответ о содержании «Русской правды», но ни одного слова не сказал о «Правилах», как бы забыв об этом пункте. Следственная комиссия почему-то не повторила этого вопроса Бестужеву. Прямое и вполне определенное свидетельство о существовании Устава Южного общества находится в «Записках» Волконского, который ставит этот Устав во его глубокому содержанию в один ряд с «Русской правдой»: «Устав Южного общества и замечательный очерк Пестеля о предложениях его, высказанных им в Уставе под заглавием: *Русская правда*, будут когда-нибудь извлечены из-под архивного гнета и выкажут вполне и в ясном свете это дело и замечательных лиц, бывших в составе оногo». Волконский прибавляет к этому, что Устав находился у Ф. Ф. Вадковского, который хранил его вместе со списками членов «в потаенном ящичке в футляре его скрипки»¹³². Из показаний Пестеля и Юшневского о внутреннем образовании Южного общества отчетливо устанавливается наличие определенных организационных форм; о существовании четкой структуры и правил Общества свидетельствовали также В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, А. А. Крюков,

Ф. Ф. Вадковский. Из всех этих показаний выясняется революционный, строго конспиративный, характер «Правил», в некоторых частностях напоминающих Устав Союза Спасения. Юшневский, Волконский, Давыдов единодушно показывали, что Общество делилось на три разряда, или степени, но названия этих разрядов именовали различно: по Юшневскому — «бояре, мужья, братья»; по Давыдову — «бояре, братья, друзья». Волконский не приводит именовании разрядов, называя их лишь по степени важности: первый разряд, второй, третий¹³³. Пестель также говорит о трехстепенном составе Общества («бояре, мужья, братья»), но, кроме того, упоминает и о существовании категории «друзей». «Друзьями назывались лица, в Союз не принятые, но на которых имелись виды» (ВД, IV, 114). «Боярами» («первый разряд» по Волконскому) назывались члены, образовавшие первоначальный состав Общества (то есть ликвидации Союза Благоденствия в 1821 г.) или, как формулировал Давыдов, «принятые при преобразовании Общества». Волконский очень точно определил их роль в организации: «те, которым были известны и цели Общества и принятые способы к достижению». Пестель добавил, что бояре приглашались иногда («для решения важных случаев») в заседания директории. Члены, принятые позже, назывались «мужами» и «братьями». Различие этих двух степеней разъяснено Юшневским. «Братями» назывались «новопринятые», «мужами» же те, которые состояли в прежних организациях, но в Южное общество вступили после некоторого перерыва («прежние уклонявшиеся», по формулировке Давыдова). Основное различие между членами каждого разряда состояло в степени их осведомленности и в размерах права на принятие новых членов. Однако по вопросу об осведомленности «мужей» имеются в показаниях существенные разногласия. Волконский показывал, что второму разряду (то есть мужам) была известна лишь общая цель, но им «не полагали возможным объявить во всем пространстве как цель, так и способы к достижению». Пестель же утверждал, что осведомленность бояр и мужей была одинаковая: «Цель и план открывались сполна мужьям и боярам». Вероятно, более правильно показание Волконского, ибо оно вполне подтверждается и признанием Давыдова: «По мере сих трех степеней должны были открываться членам тайны Общества». Вадковский приводит в своем показании название центрального органа Общества, именуя его «невидимым директориатом» (*Directoire occulte*). Существовало и требование об обязательном отчислении «в казну Общества», — по формулировке Давыдова, — о жертвовании «некоторой суммой» «по мере состояния своего»¹³⁴.

Этими же «Правилами» были predeterminedены и нормы поведения членов Общества и, как можно судить на основании некоторых показаний, установлены формы клятвенных обещаний или «присяг». В основе Устава лежало требование строгой конспиративности. По показанию Вадковского, членам Общества предписывалось «действовать как можно осторожнее», «не держать у себя никаких списков», «не прибегать ни к каким наружным знакам для узнавания друг друга», не называть «даже и всем членам» других членов, «не равно быть со всеми доверчиву»¹³⁵. Существование присяг категорически подтвердил Пестель: «От каждого нового члена требовалась или клятва или честное слово в сохранении тайны и в елико возможном содействии Союзу» (ВД, IV, 114). Юшневский несколько раскрывает содержание этого «честного слова» или «клятвы»: «новопринимаемый давал честное слово, что пребудет верен цели Общества и, не падая себя, будет посвящать все свои способности, дабы способствовать достижению оной»¹³⁵. В числе обязательных требований для каждого члена Общества Вадковский указал на обязанность «всем пещись о распространении Общества». Из показания Юшневского можно сделать вывод, что этот пункт Устава входил в текст клятвы. Юшневский в одном и

А. П. ЮШНЕВСКИЙ

Срисунка неизвестного
художника, 1820-е гг.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

том же абзаце говорит о требовании преследования «без пощады всякого, кто покусился бы обнаружить» Обществу, и о требовании «стараться приобретать Обществу единомыслящих людей»¹³⁷. Наиболее четкое свидетельство о содержании присяги дал А. В. Усовский. «Она содержала, — говорил он, — клятвенное обещание быть верным и преданным Обществу и его цели, стараться всеми силами, и не щадя своего имени, содействовать оной, хранить в тайне существование Общества и, в случае нужды, пожертвовать для блага своего отечества жизнью своею»¹³⁸. «Была отобрана клятва» и у И. И. Сухинова, «во-первых, в том, чтобы хранить сию тайну под смертною казнию; во-вторых, чтоб быть твердым в духе и непоколебимым в начинавшихся предприятиях» (ВД, VI, 142).

Все эти показания противоречат словам Пестеля и словам Юшневского, утверждавших, что «не было ничего написанного» и «все надлежало сохранять в памяти». Трудно допустить, что довольно сложный распорядок организации был установлен только устно и не был нигде закреплен. О существовании же письменного текста клятвенного обещания совершенно определенно свидетельствовал А. В. Усовский. Он прямо говорил: «Я читал клятву». Ф. Ф. Вадковский ознакомил с клятвенным обещанием своего брата и дал ему подписать его.

Очевидно, заявления Пестеля и Юшневского нужно понимать в том смысле, что при приеме новых членов правила Общества им сообщались устно.

Таким образом, в распоряжении членов Общества, действительно, не было никаких письменных правил, но какой-то основной экземпляр, несомненно, существовал и хранился в Директории. Характерно, что в показаниях С. Г. Волконского и В. Л. Давыдова наблюдаются некоторые расхождения по вопросу о номенклатуре отдельных разрядов Общества, тогда как показания обоих директоров (Пестеля и Юшневского)

почти идентичны. О существовании письменного текста Устава свидетельствует письмо Ф. Ф. Вадковского к Пестелю, в котором он просил «о доставлении законов Общества». В показании об этом письме Вадковский говорил так: «В письме моем к Пестелю я просил точно о присылке мне конституции; просил также о доставлении законов нашего Общества, ибо ничего о них не помнил, что даже сказано и в самом моем письме, где я именно извиняюсь перед Пестелем, что действовал по собственному своему внушению, а не по вышедшим из моей памяти законам Общества»¹³⁹. Вадковский, очевидно, получил эти «законы»: это и был тот Устав, который, по рассказу Волконского, хранился Вадковским в футляре для скрипки. Об этом способе хранения он сообщал Пестелю и Шервуду: «Податель этого письма расскажет вам о способе, которым я прячу свои бумаги». Этот Устав был известен и членам Северного общества. Не приходится сомневаться, что автором Устава и «клятвы» был Пестель, что, впрочем, не было тайной для руководителей обеих организаций. Трубецкой совершенно определенно называет Устав «Правилами Пестеля». Следует добавить, что у Пестеля — единственного из руководителей управ Южного общества — был уже большой опыт в деле составления таких документов.

VI. ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Обширный раздел бумаг обеих революционных организаций составляли отчеты, инструктивные письма, проекты организаций филиалов, планы действия, информационные сообщения о каких-либо важных политических событиях или мероприятиях правительства, доклады и записки по вопросам тактики Общества и пр. По большей части эти документы относятся к Южному обществу, отражая все стороны и фазы его деятельности. Так, например, имеются сведения о следующих документах: проект В. Л. Давыдова об организации тайного общества в Грузии (1824), отчет С. Г. Волконского о тайном обществе на Кавказе (1824), отчет М. П. Бестужева-Рюмина о переговорах с польскими революционными деятелями (1823 — 1824), «записки» («мнения») Бестужева-Рюмина по некоторым принципиальным вопросам тактики Общества (1823 — 1825), отчет Бестужева-Рюмина о соединении с Обществом Соединенных Славян (1825), план совместных действий Южного и Северного обществ, выработанный южанами в 1824 г., ответные «Правила» северян (1824) и некоторые другие. Нет данных, чтобы установить, существовали ли в письменном виде доклады С. И. Муравьева-Апостола о начале революционных действий; вероятнее всего, что это были устные выступления на совещаниях, но один из его ранних планов («бобруйский план») был изложен им в ряде писем. Нет никаких прямых свидетельств о существовании каких-либо письменных документов, относящихся к различным вариантам так называемого «белоцерковского плана» выступления; последний вариант его был разработан и принят на совещании в Линцах осенью 1825 г.

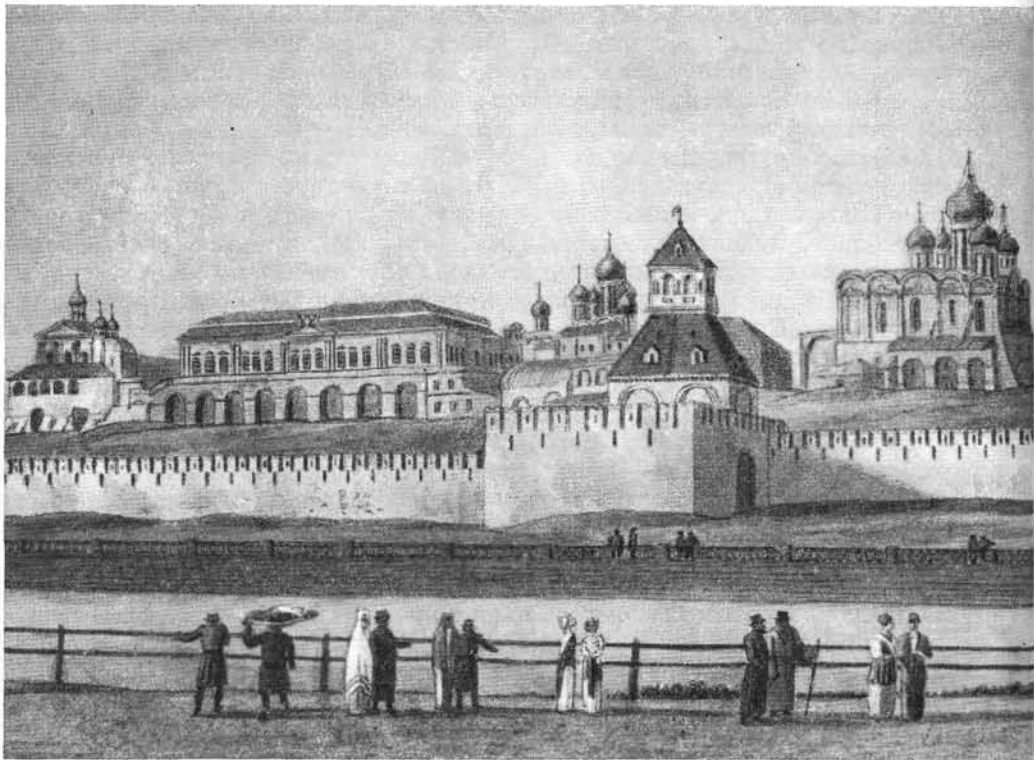
Можно смело утверждать, что, несмотря на запрещение письменных сообщений о делах Тайного общества, существовали все же доклады отдельных членов об их действиях. Из названного выше письма Вадковского к Пестелю явствует, что он и Н. Я. Булгари отправили в Дирекцию доклад об их «успехах в деле приема новых членов». Этому предшествовало письмо Булгари к Вадковскому, содержащее сообщение о его деятельности в Харькове¹⁴⁰.

История Южного общества открывается программно-организационными речами (докладами) Пестеля и Юшневского, произнесенными в собрании членов Тульчинской управы, на котором Н. И. Комаровым и И. Г. Бурцовым были доложены результаты Московского совещания 1821 г. После их ухода, — показывал Юшневский, — Пестель обратился к оставшимся с речью, в которой «с искусством, ему свойственным», убеждал присутствующих «не расходиться, но, напротив, соединиться крепчайшими узами, подстрекая самолюбие каждого обязанностью к общему благу, любовью к отечеству». После него произнес речь Юшневский; по словам Барятинского, он «читал краткую речь, им сделанную». Сам Юшневский интерпретировал ее как стремление ослабить впечатление от речи Пестеля («охладить воспламенение умов») и удержать присутствующих от организации нового Общества: «представил им опасности такового соединения», «советовал не увлекаться мгновенным порывом самолюбия» и т. д.; он утверждал, что и сам не соглашался сразу вступить в Общество, но требовал времени «для размышления». «Но к общему злополучию, — писал он далее в своем показании, — все не обвиняясь возгласили, что без дальних размышлений желают сохранить прежний состав. Тут и я, — добавляет он, — влекомый общим стремлением, дал руку»¹⁴¹.

Юшневский тщетно пытался обмануть Следственную комиссию: последняя была прекрасно осведомлена о подлинной сущности его речи. В распоряжении Комиссии было, прежде всего, показание Майбороды, который охарактеризовал эту речь как требование «твердости духа и решимости» для исполнения плана «нового Общества» (ВД, IV, 24). Речь Юшневского, действительно, содержала указание на грядущие опасности (А. Крюков так и называл ее: «речь об опасностях продолжения Общества»¹⁴²), но это было лишь поводом для предъявления повышенных требований к членам Общества. Он предостерегал не от вступления в Общество, а от успешных и недостаточно продуманных решений; он требовал не отказа от вступления, а большей осмоторительности и строгого учета своих сил и способностей, подчеркивая огромную ответственность каждого, давшего согласие на вступление в ряды новой организации. Это был в полном смысле слова содоклад, содержащий, несомненно, и некоторые организационные моменты. Все слушатели уже состояли членами Тайного общества, и едва ли нужно было бы вновь напоминать о само собой разумеющихся обязанностях члена такого Общества, если бы не были намечены новые принципы деятельности революционной организации и новые ее формы. Эти задачи и были сформулированы докладами Пестеля и Юшневского, почему они и должны занять важное место в истории русской революционной мысли.

О проекте В. Л. Давыдова об организации Тайного общества в Грузии сохранилось лишь единственное упоминание в показаниях Матвея Муравьева-Апостола, сославшегося при этом на слова брата — Сергея (ВД, IX, 232). Больше сведений имеется об «Отчете» С. Г. Волконского, в составлении которого некоторое участие принимал и Давыдов. Об участии Давыдова говорил на следствии С. И. Муравьев-Апостол (ВД, IV, 281), но сам Волконский об этом не упоминает ни в показаниях, ни в «Записках». Возможно, что Волконский счел необходимым при составлении своего отчета привлечь для консультации Давыдова, поскольку тот занимался специально вопросом об организации революционной группы в войсках Кавказского корпуса; кроме того, один экземпляр «Отчета» Волконского был переписан рукою Давыдова.

Об «Отчете» Волконского дали подробные показания Давыдов, Пестель, Юшневский и оба брата Муравьевы-Апостолы; наиболее подробно сообщил о нем сам Волконский. Сведения, приведшие Волконского к утверждению

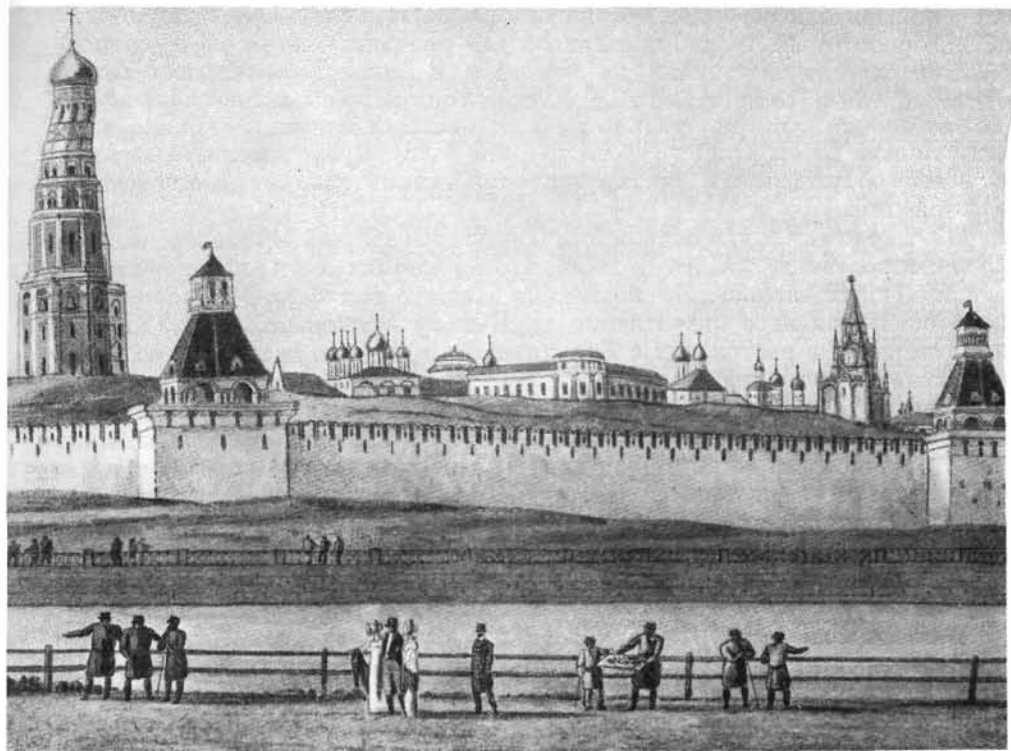

МОСКВА.

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное
Публичная библиотека им. М. Е.

о существовании Тайного общества на Кавказе, были основаны на словах Якубовича, — вернее на той интерпретации, какую Волконский давал путанным и нарочито неясным рассказам Якубовича. Впоследствии эти сведения не подтвердились¹⁴³. Как сообщает Давыдов, позже было дано поручение А. В. Поджио проверить сообщение Волконского, и Поджио пришел к противоположному выводу¹⁴⁴. Следственная комиссия очень заинтересовалась «Отчетом» Волконского, стремясь, главным образом, выяснить роль Ермолова. Строки «Отчета», относящиеся к последнему, цитирует в своем показании Юшневский. Волконский отмечал, что влияние Ермолова чувствуется всюду, но что он необыкновенно хитер и весьма искусно скрывает пружины, коими дает направление целому. К «Отчету» Волконский приложил отдельное сочинение, касающееся устройства Грузии: «Замечания насчет Кавказского края и мысли мои о лучшем способе к приведению в образованность сих народов»; в составлении этого очерка ему помогал Якубович¹⁴⁵. Ни в мемуарах, ни в показаниях не раскрыто содержание этого весьма интересного (как можно судить по заглавию) документа. На «отчетах» М. П. Бестужева-Рюмина и его «записках» мы остановимся несколько позже в связи с его другими выступлениями.

Очень часто такие документы имели форму частных писем, хотя и предназначавшихся для всех руководителей организации или ее актива. Ни одно из таких писем до нас не дошло, как не попали они и в руки правительства, но в мемуарах и в показаниях сохранилось довольно значительное количество сведений о них. Отметим наиболее важные.

СМЛЬ

шествие при Россійском посольстве в Китай», 1805 г.
 гыкова-Щедрина, Ленинград

Никита Муравьев показал о существовании интенсивной переписки между Севером и Югом. Она состояла «в извещениях о приеме значительных членов, а впоследствии в прениях об основаниях представительного правления» (ВД, I, 299). Сообщение явно неполное, ибо в нем не сказано о письмах, посвященных плану вооруженного восстания. Центральное место в этих «сношениях» занимает переписка Пестеля с Никитой Муравьевым. Первое письмо написал Пестель Муравьеву (через Волконского) в начале 1823 г.; оно содержало запрос о положении дел в Северном обществе (ВД, IV, 162); Муравьев сразу же ответил ему (также через Волконского), сообщив текст своей «Конституции». Это было осторожное и продуманное «программно-тактическое выступление, являвшееся началом борьбы с радикальными течениями юга» (Дружинин)¹⁴⁶. Ответом на это послание было уже упомянутое выше «предлинное письмо» Пестеля с критическими замечаниями по поводу программы Никиты Муравьева и с изложением собственного проекта. Это письмо было послано через Давыдова. Через Давыдова же прислал ответное письмо и Муравьев. По характеристике Давыдова, оно содержало в себе лишь общие заверения в готовности действовать¹⁴⁷.

Огромное политическое значение имело письмо Пестеля к Никите Муравьеву, присланное через Барятинского. Оно представляло собою отчет или доклад о необходимых мероприятиях Южного общества (о принятии республиканской программы, об истреблении царского семейства, о состоянии войск, о духе Общества и т. п.) и вместе с тем запрос о положении дел в Северном обществе. Пестель в упор спрашивал Муравьева

как руководителя северной организации о росте членов Общества, о силе войск, на которые можно полагаться для революционного выступления, и категорически настаивал на переходе к более решительным мерам («Les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette»*)¹⁴⁸.

Это письмо было не столько личным письмом Пестеля, сколько обращением всей Думы Южного общества; оно было выработано на совещании, и в его обсуждении и составлении принимали участие Юшневский и Волконский.

О содержании этого письма был осведомлен Матвей Муравьев-Апостол, который подтвердил А. В. Поджио, что письмо это «составляет общее решение южных членов». Из показания Поджио видно, что письмо произвело опеломляющее впечатление на Никиту Муравьева (ВД, IX, 247), и он старался в разговорах с Барятинским и Поджио несколько охладить пыл южан, — по всей вероятности, в этом духе и было написано ответное письмо Муравьева к Пестелю, также через Барятинского.

Эта переписка относится к 1823 г. Из других писем Муравьева к членам Южной думы следует упомянуть еще присланное через Давыдова (одновременно с письмом к Пестелю) письмо к Сергею Муравьеву-Апостолу. Это письмо носило уже более частный характер. Никита Муравьев стремился привлечь Муравьева-Апостола на свою сторону в споре с Пестелем, для чего он подробно знакомил первого со своим конституционным проектом¹⁴⁹.

В связи с письмами Пестеля к Никите Муравьеву через Барятинского, нужно отметить также параллельный обмен (через того же Барятинского) письмами между Давыдовым и А. В. Поджио. Письмо Давыдова по содержанию очень близко к письму Пестеля, являясь как бы личным комментарием к нему одного из членов Думы. Оно имело целью информировать Поджио о последних мероприятиях и вместе с тем побудить его к более энергичному отстаиванию в Петербурге планов и замыслов Южного общества. В ответном письме к Давыдову Поджио жаловался на бездействие Никиты Муравьева¹⁵⁰.

Письмом Н. Муравьева к Пестелю через Барятинского оборвались сношения Муравьева с южанами. Как он вполне правильно показывал на следствии: с 1823 года он «перестал писать в Южную думу» (ВД, I, 299). Его место в этом отношении заступил Трубецкой.

Переписка Трубецкого и Пестеля, видимо, также была весьма интенсивна, хотя Трубецкой в показаниях очень снижал ее размеры и значение. «С Пестелем был я в переписке, но письма с обеих сторон были не значащие», — заявлял он (ВД, I, 10). Пестель писал Трубецкому вскоре же после своего возвращения из Петербурга (1824); быть может это письмо имело целью рассеять возникшее между ними взаимное «недовольство». На это письмо Трубецкой не ответил (ВД, I, 16). Было еще одно важное письмо Пестеля к Трубецкому в Киев (1825), в котором Пестель уведомлял Трубецкого о принятом решении начать восстание в 1826 г. (ВД, I, 36). В одном из ответных писем Трубецкого он извещал Пестеля о предстоящем в 1826 г. соединении 3-го и 4-го корпусов (ВД, IV, 168).

Имеются сведения о трех письмах Трубецкого к Сергею Муравьеву-Апостолу. Все они могли бы явиться важнейшими источниками для изучения движения. В первом (1824), посланном через И. С. Повало-Швейковского, Трубецкой выражал недоумение по поводу связи и контакта Муравьева с Пестелем. Письмо это, если б оно сохранилось, имело бы и некоторый литературный интерес, ибо свои впечатления от встречи с Пестелем Трубецкой изобразил в «виде трагедии, которую читал нам общий

* Полумеры́ ничего не дают; мы хотим сделать дом пустым (франц.).

знакомый и в которой все лица имеют ужасные роли» (ВД, I, 87 — 88). Два письма Трубецкого к С. И. Муравьеву относятся уже к декабрю 1825 г., о них мы упомянем несколько позже в связи с обзором других писем северян этого периода.

Наконец, было еще письмо Трубецкого к М. П. Бестужеву-Рюмину (1825), написанное вскоре после их совместного пребывания в Киеве. Трубецкой очень близко сошелся в Киеве с С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым, особенно с последним. Под его влиянием Трубецкой изменил свой взгляд на Пестеля, сблизился с южанами, согласился с «белоцерковским планом» восстания и принял на себя роль посредника между Югом и Севером. Как писал С. Муравьев брату Матвею, Трубецкой обещал присоединить к южанам «весь Север» («tout le Nord») ¹⁵¹. Трубецкой, — как показывает он сам, — обещал писать Бестужеву-Рюмину и, действительно, отправил ему одно письмо. «Бестужев просил и меня, чтобы я что-нибудь к нему написал, я писал к нему, что ныне зимой поеду в Петербург», — показывал он (ВД, I, 16), стремясь придать своей переписке с Бестужевым-Рюминым характер маловажного и приятельского обмена письмами. Совершенно ясно, что данное письмо предупреждало Бестужева-Рюмина о предстоящей (ввиду поездки Трубецкого в Петербург) скорой реализации киевских планов. Переписка Трубецкого с Бестужевым-Рюминым не ограничивалась только одним этим письмом. Бестужев-Рюмин сообщил на следствии о письме, которое он отправил Трубецкому по прямому поручению Пестеля (ВД, IX, 68). Письмо суммировало сведения, полученные Пестелем от Оболенского и Нарышкина о настроениях петербургских и московских членов Северного общества и об их готовности к выступлению. Это письмо было отправлено Трубецкому, несомненно, тогда, когда он еще находился в Киеве.

Была переписка между Трубецким и Матвеем Муравьевым-Апостолом (1824), но о содержании ее ничего не известно. М. Муравьев уверял, что она совершенно не касалась дел Общества (ВД, IX, 261). Этому заявлению трудно поверить, тем более, что в этих письмах Трубецкой очень много говорил о Сергее Муравьеве (ВД, IV, 212).

Большое историческое значение имело письмо Оболенского к Пестелю (1824); о нем сохранились упоминания в показаниях. Оболенский из всех северян оказался наиболее близок к Пестелю и играл во время пребывания последнего в Петербурге роль посредника между ним и руководящими членами северной организации. После отъезда Пестеля Оболенский отправил ему с Волконским письмо (ВД, IV, 206), в котором «изъявлял» «искренность желания» соединить оба Общества и сообщал о новых настроениях, появившихся в Обществе после «последних переговоров с ним <Пестелем>» (ВД, I, 257). Письмо это было согласовано с Трубецким как «сочленом по Думе» (там же).

Нет сомнения, что содержание этого письма было гораздо значительнее, чем это изображал Оболенский. Оно связано с *планом соединения Южного и Северного обществ*, который был разработан на Юге и привезен в Петербург Пестелем. Оболенский доложил о плане южан Верховной думе Северного общества. На совещании у Николая Тургенева было решено затребовать этот план в письменном виде (ВД, I, 257, 265), что и было выполнено Пестелем. Оболенский именуется этот план «Письменным проектом Южного общества о способах, предполагаемых к начатию репетительных действий» (ВД, I, 256). Для суждения о конституционном проекте южан и об их плане объединения была выбрана специальная комиссия («Особенный комитет»). Состав комиссии неизвестен, но, несомненно, что одним из членов ее был Оболенский. Комиссией был выработан контрпроект или, по формулировке Оболенского, «правила», на которых северяне решили объединить Общество (там же). Этот проект и составлял

содержание письма, которое повез на юг Волконский. Вероятно, этой же теме была посвящена переписка между Оболенским и Поджио¹⁵².

Бестужев-Рюмин показал на следствии о содержании писем Оболенского и Нарышкина к Пестелю (ВД, IX, 67—68), но последний утверждал, что Нарышкин писал не ему, а Лореру (ВД, IV, 150, 170)¹⁵³. Это, несомненно, были те письма, о которых доводил до сведения Трубецкого Бестужев-Рюмин.

Оболенскому же было поручено Думой Северного общества сообщить о плане южан москвичам «дабы они сами занялись сим планом и сообщали <сообщили?» нам свои о сем мысли» (ВД, I, 274). С кем из московских членов Оболенский вел переписку по этому поводу — неизвестно.

Важным звеном в истории сношений Юга и Севера являлась переписка братьев Муравьевых-Апостолов. В письмах, посланных с Волконским и Повало-Швейковским (1824), Матвей извещал брата о тормозящем деятельности Северного общества поведении Никиты Муравьева, который «только что толкует всем членам быть осторожным», — и тут же сообщал об энергичной деятельности Рылеева, составлявшего с помощью Бестужевых «Гайное общество между морскими офицерами». «Рылеев, — писал в этом письме М. Муравьев-Апостол, — в полном революционном духе» (ВД, IX, 255). Данное письмо было одним из первых извещений южан о значении в Северном обществе Рылеева и о роли братьев Бестужевых.

Если бы многочисленные письма Сергея Муравьева-Апостола сохранились в полном объеме, мы располагали бы дополнительными ценнейшими источниками для изучения истории и идейной сущности декабризма. До нас дошло крайне незначительное количество его писем, но среди них нет ни одного, которое можно было бы назвать малозначимым или хотя бы нейтральным: каждое — свидетельство яркой индивидуальности его автора, каждое помогает осветить какую-либо сторону движения или имеет широкое историко-культурное значение, к сожалению, не всегда достаточно учитываемое исследователями. Литературоведы совершенно обошли вниманием письмо С. И. Муравьева-Апостола к m-De Guignepet, хотя среди всех известных нам памятников декабристской мысли нет ни одного, в котором бы так ясно и четко были выражены заветные убеждения декабристов о благотворном воздействии революции на развитие литературы¹⁵⁴. В следственном деле Тизенгаузена сохранилось письмо Сергея Муравьева-Апостола, посвященное анализу последнего греческого восстания¹⁵⁵.

Важными историческими памятниками являлись, несомненно, и письма Сергея Муравьева-Апостола к членам Южков и Северной организаций, отражавшие отдельные моменты подготовки движения. На основании имеющихся в нашем распоряжении различных свидетельств эти письма можно разбить, примерно, на четыре основные группы: 1) бобруйские письма (1823), 2) письма к членам Северного общества (1824), 3) письма к Пестелю (разных лет) и 4) письма периода восстания. Под «бобруйскими письмами» мы разумеем цикл писем С. И. Муравьева-Апостола, писанных им из Бобруйска в связи с планом захвата Александра I. Этот план подробно изложен Бестужевым-Рюминым: «Узнав, что император будет делать смотр войскам, мы решили захватить его, заставить его подписать отречение, держать его под стражей и идти немедленно на Москву, увлекая по пути войска и осведомляя о себе народ прокламациями» (ВД, IX, 46). Письма были отправлены в Москву (с Бестужевым-Рюминым) И. А. Фонвизину и М. Н. Муравьеву, а на юг — Пестелю, Волконскому и Давыдову¹⁵⁶.

Письма к членам Северного общества — письма к Никите Муравьеву, Николаю Тургеневу и Трубецкому; они были посланы с Повало-

Н. М. МУРАВЬЕВ

Акварель П. Ф. Соболева, 1824 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Швейковским. С. Муравьев дал о них очень краткое показание, далеко не раскрывающее их подлинного содержания: «...я всех их упрашивал присоединиться к нам и не составлять отдельного общества» (ВД, IV, 276). В действительности же, как это явствует из показаний Повало-Швейковского, эти письма были информацией о втором варианте «белоцерковского плана» (по выражению следователей, «белоцерковского преднамерения»): выступления в 1825 г. и призывом к его поддержке. Ответом на это письмо и было упомянутое выше послание Трубецкого к Сергею Муравьеву-Апостолу с упреком в подчинении Пестелю.

О переписке членов Васильковской управы прямых сведений нет. Известно лишь о письме С. Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину после получения известия о смерти Александра I (оно написано 13 декабря); в нем Муравьев выражает беспокойство по поводу отсутствия сведений от Бестужева-Рюмина¹⁵⁷. Это письмо относится ко времени усиленных разъездов Бестужева-Рюмина, имевших целью мобилизацию революционных сил в связи с намеченным на начало 1826 г. выступлением. Именно в это время Бестужев-Рюмин писал И. И. Горбачевскому (как подробнее будет сказано ниже) о близком открытии действий.

Очень интенсивной была переписка Сергея Муравьева с Пестелем. Но более или менее точные сведения имеются лишь о двух письмах Муравьева к Пестелю: одно — 1823 г., входящее в группу «бобруйских писем». Барятинский говорил о нем, что Муравьев требовал, чтобы Пестель «прислал кого-нибудь из членов для овладения особою государя» (ВД, IV, 394), и второе, относящееся к осени 1825 г., присланное через Крюкова. Муравьев извещал Пестеля об успехах Васильковской управы, о новых членах, принятых в Общество — вероятно, речь шла об Обществе Соединенных Славян — и о «хорошем духе» солдат. Здесь же Муравьев писал, как показывал Лорер, что он «готов начать революцию, если <хоть> один член будет взят правительством» (ВД, IV, 189). Пестель иначе передает смысл этого письма. По его словам, Муравьев просил его уведомить, открыто ли Общество, ибо в таком случае они (то есть Васильковская управа) немедленно начнут действия (ВД, IV, 192).

Письма Бестужева-Рюмина к С. И. Муравьеву-Апостолу не сохранились, между тем во время своих беспрестанных разъездов по делам Общества он, несомненно, информировал последнего о результатах и, может быть, запрашивал инструкций. Беспокойство Муравьева (в письме от 13 декабря) в значительной мере было обусловлено длительным отсутствием привычной информации. Более подробные известия сохранились лишь о чрезвычайно важной для изучения истории движения записке Бестужева-Рюмина к Муравьеву (июль 1825 г.) с требованием немедленно приехать в Киев для свидания с находившимся там проездом на Кавказ Грибоедовым (ВД, IV, 272; IX, 56). Об этой записке было известно Следственной комиссии и он усиленно требовал от Бестужева и Муравьева объяснений о цели свидания с Грибоедовым (там же).

Бестужев не дал прямого ответа, хотя и подтвердил, что вызывал Муравьева для знакомства с Грибоедовым (ВД, IX, 68), но Муравьев поспешил направить внимание Комитета в другую сторону, объяснив, что Бестужев звал его для встречи с Артамоном Муравьевым, — знакомство же с Грибоедовым произошло совершенно случайно и было крайне незначительным (ВД, IV, 289). Известно, что руководители Васильковской управы хотели с помощью Грибоедова установить связь с Ермоловым, но Грибоедов уклонился от этого поручения.

В ноябре или в начале декабря 1825 г. Бестужев-Рюмин писал С. Муравьеву о своем знакомстве с полковником Ренненкампом. Из бесед с ним Бестужев-Рюмин вынес убеждение, что ему «можно открыться» и советовал Муравьеву «рассмотреть его» (ВД, VIII, 162).

Очень скудны сведения о письмах Пестеля к С. И. Муравьеву. Известно лишь об одном письме Пестеля, написанном по получении сообщения о замыслах Бошняка. Пестель приглашал Муравьева приехать к нему в Линцы, чтоб обсудить создавшееся положение.

Чрезвычайно важна в историческом отношении переписка между Пестелем и Матвеем Муравьевым-Апостолом (1824): в этих письмах (не дошедших до нас) были отражены различные фазы взаимоотношений руководящих деятелей движения. О существовании этой переписки и причинах, вызвавших ее, дал подробные показания Лорер. В ноябре 1824 г. Лорер, по поручению Пестеля, посетил Матвея Муравьева-Апостола, когда тот гостил у своего отца, в родовом имении Хомулец. Матвей Муравьев-Апостол только что вернулся из Петербурга, и Пестель хотел получить от него полную информацию о положении дел в Северном обществе. Но М. И. Муравьев-Апостол переживал тогда серьезный внутренний кризис, разочаровался в возможности скорого восстания, перестал верить в его успех, стал с недоверием относиться к Пестелю и, в конце концов, заявил Лореру, что выходит из Общества (ВД, IX, 214). О своих настроениях он тогда же подробно писал и брату Сергею; это письмо было найдено среди бумаг последнего и опубликовано (ВД, IX, 207—210); оно являлось ответом на не дошедшее до нас письмо к нему Сергея (ВД, IX, 210). Письмо это крайне взволновало С. Муравьева-Апостола, и он спешно отправил к брату Бестужева-Рюмина, чтобы более точно информировать его о положении дел в революционной организации и рассеять возникшее недоверие к Пестелю. Бестужев-Рюмин блестяще выполнил эту миссию, и М. Муравьев-Апостол написал Пестелю дружеское письмо, вызвавшее немедленный дружеский ответ последнего (ВД, IX, 255, 266).

После встречи с братом М. Муравьев-Апостол вновь написал Пестелю; в этом письме он сообщал о свидании с Трубецким и заверял, что вновь будет энергично работать («вместе пеших о пользе Общества»). На следствии он тщательно подчеркивал, что писал под прямым нажимом брата и Бестужева-Рюмина и даже отрицал свое авторство: первое письмо было «сочинено» Бестужевым, он же лишь «переписал» его, второе «сочинил» Сергей (ВД, IX, 264). Это заявление полностью вошло и в «Донесение Следственной комиссии». Так как М. Муравьева-Апостола ни в коем случае нельзя упрекнуть в стремлении переложить ответственность за свои поступки на других, особенно на горячо любимого им брата, — наоборот, он склонен был во многих случаях принимать вину на себя, — то это показание, видимо, было вполне искренним. Но трудно допустить, что М. Муравьев-Апостол был абсолютно пассивен в данном случае и действовал исключительно под давлением чужой воли. Своим заявлением он хотел лишь подчеркнуть роль Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина в перемене своего отношения к Пестелю. Едва ли бы он стал «переписывать» письмо, совершенно несогласное с его мыслями. Слова «сочинил» и «переписал» нельзя принимать в буквальном смысле, они свидетельствуют лишь, что план и основные положения писем принадлежали Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, которые явились как бы соавторами его, и эти письма следует считать плодом коллективного творчества.

Существовали и письма Пестеля к Бестужеву-Рюмину. В упомянутом уже письме от 13 декабря 1825 г. к Бестужеву-Рюмину С. Муравьев-Апостол сообщал, что имеет для него письмо от Пестеля. По характеру этого сообщения можно думать, что письмо содержало какие-то особо важные инструкции. Другое письмо приглашало Бестужева-Рюмина и С. Муравьева приехать в Линцы для обсуждения письма Давыдова о связях южан с Бошняком и о намерении графа Витта проникнуть в ряды

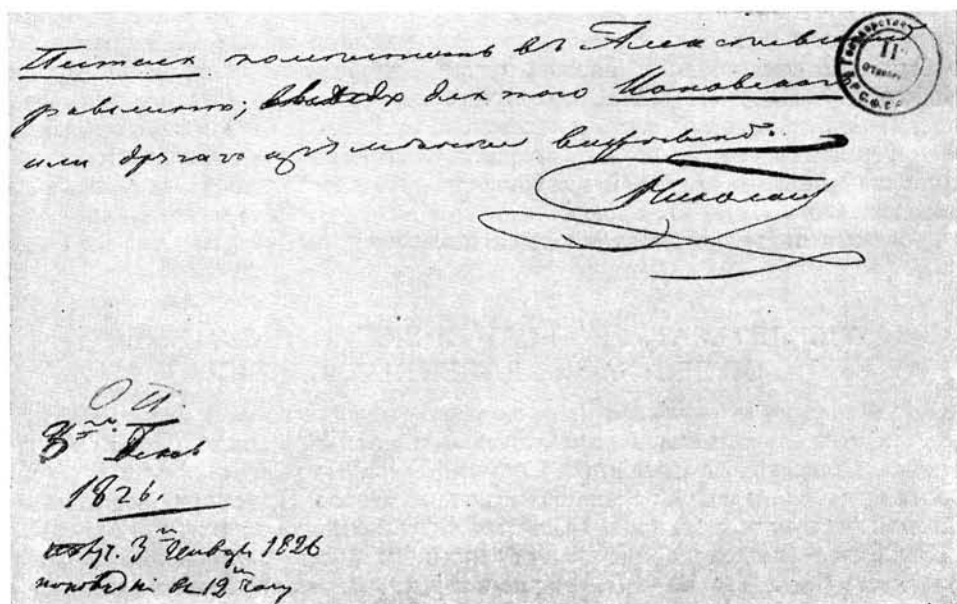
Тайного общества (ВД, IV, 172). Об этом же Пестель немедленно уведомил Юшневского; письмо к последнему повез Лорер. Из показаний неясно, ответил ли Юшневский в письменной форме, или передал свой ответ устно, через Лорера. Юшневский разгадал происки Витта и предупредил Пестеля, что Витт желает войти в «наше общество», чтобы «забрать нас всех как курей» (ВД, IV, 15: показание Майбороды)¹⁵⁸.

Весьма интенсивна была переписка между Пестелем и Волконским, но сведения имеются только об одном письме (1825) Пестеля, пересланном Волконскому через Майбороду; в нем Пестель поручал Волконскому съездить в Бердичев, чтобы повидаться и переговорить с генералом Мошинским, представителем польского Тайного общества (ВД, IV, 26). О содержании других писем Пестеля к Волконскому сведений не сохранилось. Но о существовании их мы довольно подробно знаем из различных показаний. Волконский очень часто писал Пестелю; в одном из последних писем он даже прислал ему шифр — «род лексикона» «для дальнейшей переписки со мною», — показывал Пестель (ВД, IV, 172).

О содержании этого письма Пестель умолчал, но о нем дал подробное показание сам Волконский. Письмо содержало отчет Волконского о результатах порученной ему Пестелем поездки в Бердичев: он сообщал о свидании с Мошинским, а также (как можно догадаться из осторожных его формулировок) о своих мероприятиях по реализации плана восстания в 1826 г.; в частности, он не сомневался в своем влиянии во многих полках, кроме украинского, где ему противостояло влияние Бурцова¹⁵⁹. Второе письмо Волконского (от 29 ноября 1825 г.) «кроме известия о кончине государя императора, не содержало, — как заявил на следствии Пестель, — <...> никакого другого извещения» (ВД, IV, 170). Учитывая, что смерть Александра I по планам и Северного и Южного обществ должна была явиться сигналом для революционного выступления, следует думать, что письмо Волконского не было только простой информацией, но касалось и ближайших действий, вытекающих из сообщенного им известия. Потому-то Пестель и поспешил предупредить своим заявлением дальнейшие расспросы о содержании письма Волконского. Одновременно Волконский сообщил о смерти Александра I ряду других лиц, в том числе и начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву. Эта сторона деятельности Волконского обратила на себя особое внимание Следственного комитета и по этому поводу было заведено даже специальное дело: «Дело о дошедших до Комитета сведениях, что генерал-майор князь Волконский рассказывал о болезни и смерти блаженной памяти государя императора прежде, нежели о том и другом происшествии были официальные сведения»¹⁶⁰. Как выясняется из этого дела, Волконский расспрашивал всех проезжавших через Умань фельдъегерей о том, что происходит в Таганроге, а затем «сообщал другим».

Учет сведений о не дошедших до нас письмах Волконского дает возможность внести значительный корректив в сложившееся представление о Волконском, деятельность которого по подготовке восстания оказывается более значительной, чем это обычно изображается. Помимо Пестеля, Волконский был в переписке с Якубовичем, Никитой Муравьевым, Давыдовым и другими. Якубовичу он писал по возвращении с Кавказа и предлагал установить постоянную письменную связь. В одном из показаний Волконский подтвердил существовавшее правило о запрещении письменных сношений и тут же добавил, что это требование не соблюдалось, что «были частые письменные сношения» и сам он вел постоянную переписку с Пестелем и Давыдовым через нарочных. Сохранилось известие о существовании его письма к Сергею Муравьеву (1823) с возражениями против «бобруйского плана»¹⁶¹.

Особое место среди политических документов Южного тайного общества занимает не дошедшая до нас переписка Давыдова с графом Полиньяком (1824); она могла бы пролить свет на попытки декабристов установить связи с западноевропейскими политическими партиями. Бывший французский эмигрант, полковник русской службы, граф Полиньяк (член Южного общества, принятый Пестелем и Давыдовым) повез во Францию выполненный С. Муравьевым сокращенный перевод «Русской правды» — «Краткое начертание Русской правды» (ВД, IV, 163), взяв на себя какие-то, точно нам неизвестные, обязательства. Пестель уверял, что Полиньяк должен был лишь узнать, существует ли во Франции тайное общество (ВД, IV, 117) и, если таковое существует, то, сойдясь с ним, сообщить о «Русской правде» (ВД, IV, 163). Бестужев-Рюмин, однако, несколько

ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ СУКИНУ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ ПОМЕСТИТЬ П. И. ПЕСТЕЛЯ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

Внизу помета рукой Сукина: «получ. 3-го января 1826 по полудни в 12-м часу»

Центральный исторический архив, Москва

иначе и более определенно излагает задачи миссии Полиньяка: по его словам, Полиньяк «имел порученность уведомить французских либералов, что и у нас существует политическое общество, многочисленное и могущественное, и что преобразование России скоро сбудется» (ВД, IX, 66).

Держать связь с уехавшим за границу Полиньяком было поручено Давыдову, который неоднократно писал ему. Сначала в своих показаниях Давыдов утверждал, что в письмах ничего не говорилось о делах Общества, но потом вынужден был признать, что «в одном из них коснулся до Общества», сообщив Полиньяку, «что русские друзья его не забывают и просят его не забывать его обещаний их любить и не оставлять своим уведомлением и тому подобное»¹⁶². Смысл этих внешне нейтральных обращений, конечно, совершенно бесспорен. Пестель уверял, что от Полиньяка не было получено никаких уведомлений (ВД, IV, 436); Давыдов же признал получение двух писем, отрицая, однако, какой-либо политический характер их.

К числу утраченных памятников и документов декабристского движения относятся и письма к Сергею Муравьеву солдат — участников восстания на юге.

Об этих письмах Следственной комиссии стало известно из показаний Д. Грохольского (ВД, VI, 309) и И. И. Горбачевского, который, впрочем, спутал С. Муравьева с Бестужевым-Рюминым (ВД, V, 221; VI, 221). Имя Бестужева-Рюмина в этой связи было названо и в показаниях Я. М. Андреевича (ВД, V, 224). Под давлением уличающих его показаний, С. Муравьев вынужден был признать факт получения письма от бывшего семеновца, рядового Пензенского полка, Федора Николаева (ВД, VI, 223), — однако Муравьев категорически отрицал какую-либо связь этих писем с подготавливаемым восстанием; по его словам, оно касалось исключительно денежной помощи и было «вовсе не возмутительное» (там же). Спрошенный по этому поводу рядовой того же полка, Ф. Н. Анойченко, подтвердил существование переписки между С. Муравьевым и бывшими семеновцами, назвав, кроме Федора Николаева, еще Андрея Бобылева (ВД, VI, 229), но ничего не сказал о содержании этих писем. Из показаний же Грохольского и Андреевича, который слышал о содержании этих писем от Бестужева-Рюмина, выясняется, что солдаты писали о своей готовности к восстанию и нетерпеливом ожидании его (ВД, VI, 309).

Все эти письма относятся к последним месяцам 1825 г.

VII. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Очень мало сведений сохранилось о памятниках политической мысли членов Общества Соединенных Славян. В нашем распоряжении имеются только два, но, правда, весьма важных документа: «Правила» Соединенных Славян (иначе: «Катехизис» Общества Соединенных Славян) и «Присяга». «Катехизис» дошел до нас на трех языках: русском, польском и французском (ВД, V, 12—17), «Присяга» (иначе: «Клятвенный лист») — на двух: русском и польском. На сохранившемся экземпляре имеется надпись: «Перевод клятвенного листа с польского» (ВД, V, 17). Довнар-Запольский полагал, что эта пометка сделана лишь из предосторожности¹⁶³; Петр Борисов, однако, говорил, что он получил этот текст на польском языке от Люблинского. На суде Люблинский свое авторство отрицал, что подтвердил и Борисов, заявив, что текст присяги принадлежит ему, а Люблинским сделан лишь перевод на польский язык (ВД, V, 53). Все же этими показаниями вопрос об авторстве Люблинского еще не снимается: Петр Борисов вообще старался в своих показаниях не запутывать других и брал на себя большую часть вины. Исключительно себе приписывал он и составление «Катехизиса». Между тем Андрей Борисов усиленно настаивал на своем авторстве. Не отрицал своего участия в составлении «Катехизиса» и Люблинский. Очевидно, этот памятник был результатом коллективного творчества: двух Борисовых и Люблинского¹⁶⁴.

С именем Петра Борисова связывается и ряд не дошедших до нас памятников, относящихся к предистории Общества Соединенных Славян. Еще будучи юнкером, то есть в 1816—1817 гг., он задумал организовать, по образцу «Пифагорейских таинственных сект», Общество, целью которого должны были быть «спокойная и уединенная жизнь, дружба и изучение природы» (ВД, V, 39). Позже оба брата, совместно с юнкером Волковым, организовали Общество, названное ими «Общество первого согласия», для которого Борисов нарисовал девиз: две руки, соединенные

Выгодовский

Дорогой мой, во блужде къ моему сердцу, отъ моего
дружбы по сердцу страдательный мучительный и мучи-
тельный, а сей мучительный влюбленный, пуская по сердцу
твою ранамъ и безславнымъ и оскорбленъ на ма-
шу того весь твоей физический и нравственный
жизнь и канцелярство на себя иметь по
като отверженъ отъ цѣлаго народа

Г. М. П. Ф. В.

П. С. С.

3 Мая 1825 года

1. Не поддавайся ни какому промаху твоимъ друзьямъ и своего
— друзей твоихъ помогутъ — тебе дадутъ имъ.
2. Не жалея шитья граба когда самъ грабимъ быть не хотимъ.
3. Какимъ почитать тебя великимъ когда гордасти и мучи-
ты мажаты не будешь.
4. Простота и безвѣстность и скромность еи блужде
тѣмъ же и блаженствъ твою опочайствъ.
5. Не жалея бѣды твоей шитья и будешь независимымъ.
6. Божие проситъ ея пучокъ будешь всегда пенатомъ тво-
имъ и мучительнымъ блужде и возбудитъ будешь твоимъ
7. Поситай науки, искусство, художества и ремесла, возвы-
шая какимъ любовью до энтузиазма и т.о. будешь шитья
мужественное уваженъ и т.о. друзей твоимъ.
8. Не вѣстность еи твоимъ своимъ гордасти, еи т.о. т.о.
и факатимъ, дабудетъ твоимъ живимъ душой и т.о.
9. Будешь тиртаты всего и т.о. и т.о. друзей твоимъ

ЗНАК «ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН»

Рисунок в записке «Правила Соединенных Славян», сохранившейся в следственном деле
П. Ф. Выгодовского, 3 мая 1825 г.

Центральный исторический архив, Москва

над жертвенником, с надписью: «la gloire, l'amour et l'amitié»* (ВД, V, 52). По инициативе Петра Борисова, оно было переименовано в «Общество друзей природы».

Относительно времени образования Общества показания братьев Борисовых расходятся: Петр называет 1818 год, Андрей — 1817. Эта дата представляется нам более точной; свидетельство же Петра Борисова относится уже к преобразованию Общества в новую организацию¹⁶⁵. Довнар-Запольский считал «Общество первого согласия» лишь кружком для самообразования и отрицал наличие в нем политических идей¹⁶⁶; но в сфере интересов этого юношеского кружка были и политические вопросы. Сам Петр Борисов указывал на раннее зарождение в нем «либеральных мыслей» («с младенчества был влюблен в демократию»), и недаром он стремился скрыть от следователей существование этого юношеского кружка.

«Общество друзей природы» имело уже новую эмблему, также нарисованную Петром Борисовым («солнце, выходящее из-за горного хребта и рассеивающее своими лучами собравшиеся над ними тучи с надписью: „взойду и рассею мрак“»); были составлены «Устав» и «Правила» и выработан текст «клятвенного обещания». «Устав» и «Обещание» были написаны Петром Борисовым, «Правила» же составлены обоими братьями (ВД, V, 52). Петр Борисов являлся автором и большинства последующих важнейших документов Общества Соединенных Славян. Им написаны: Устав 1824 года, «Мнение об учреждении собраний» (1825) и «Отчет» (1825). Неизвестно, существовал ли какой-нибудь устав до 1824 г.; руководилось ли Общество только «Катехизисом» и «Клятвой» или же располагало еще какими-либо другими установлениями. Может быть, именно отсутствие определенных организационных документов заставило руководителей Общества принять меры для его реорганизации и создания более четких статутных положений, которые определяли бы и направляли дальнейшую жизнь организации. Об этом сохранилось ясное свидетельство в «Записках» Горбачевского. «6 декабря 1824 года, — рассказывает он, — Борисов 2-й и Горбачевский, после долгого совещания, признали, что, для единства в действиях к скорейшему достижению предназначенной цели, необходимо ускорить ход Общества, дать новое образование оному, учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности за их действия. В исполнение сей мысли первый написал проект окончательного образования Общества». Из этого рассказа и дальнейшего сообщения Горбачевского выясняются основные моменты выработанного Петром Борисовым Положения. Оно регулировало жизнь Общества, связывало членов Общества суровой и жесткой дисциплиной, определяло и обязанности их по отношению к Обществу и вне его, устанавливало обязательный денежный взнос. Характерной особенностью данного Устава, подчеркивавшей революционное начало в нем, являлось усиление значения президента Общества.

Уставом учреждалась должность секретаря Общества, также с большими организационными функциями. По формулировке Горбачевского, секретарь способствовал взаимным отношениям между членами, равно сношениям их с президентом; кроме того, ему вверялась общественная сумма, из которой, по согласию президента, выдавались деньги, назначаемые для всякого предприятия, признанного полезным Обществу¹⁶⁷. Устав этот был обсужден и принят 25 марта 1825 г. О написанном Петром Борисовым «Мнении об учреждении собраний» известно из дела А. В. Веденяпина. Очевидно, это были какие-то дополнительные соображения к одному из пунктов Устава; эти соображения встретили оппо-

* слава, любовь и дружба (франц.).

зицию со стороны некоторых членов Общества, в частности — со стороны А. С. Пестова, который написал письменные возражения на них¹⁶⁸. Основным пунктом возражения было указание «на излишность и невозможность таких собраний». Ни «Мнение» Борисова, ни «Замечания» Пестова до нас не дошли, и все сведения о них ограничиваются этими скудными сообщениями. И наконец, Петру Борисову же принадлежит последний уставно-организационный документ, связанный с революционной деятельностью Общества Соединенных Славян. Это — «Отчет», составленный Борисовым как президентом Общества во время переговоров с Южным обществом. Написанный Борисовым «Отчет» представлял полный свод всех уставных документов Общества, список его членов, обзор их действий и проект «нового образования Славянского Союза». Вероятно, именно на основании этого отчета Борисова выступил Горбачевский в своих «Записках» с изложением задач и целей Общества¹⁶⁹.

В процессе слияния двух революционных организаций крупную роль сыграл М. М. Спиридов, разработавший проект Устава объединенной организации. В нем был предусмотрен порядок избрания новых членов Общества и правила их поведения. Новые члены, по проекту Спиридова, принимались только через посредника; члены революционной организации не имели права без ведома и разрешения последней выходить в отставку или ходатайствовать о переводе из одной части в другую. Каждый член должен был нести ответственность «за свое бездействие», а также «за уклонение от совещаний» или за «неосторожность в разговорах»; за малую провинность виноватый временно устранился от участия в совещаниях, за значительную провинность устанавливалось «наказание смертью».

Два выдающихся революционных документа вышли из среды Общества Соединенных Славян после соединения его с Южным обществом: «Записка» о готовности Общества к восстанию, составленная Горбачевским, и «Записка» Петра Борисова об артиллерийских снарядах. Об этих документах неоднократно упоминается в показаниях; наиболее подробно сообщил о них Горбачевский в своих «Записках». Петр Борисов опасался, что в момент восстания артиллерийские снаряды окажутся, вследствие «небрежности командиров», в неисправном состоянии, — поэтому он предложил руководителям «найти способы внушить начальству через кого-нибудь из близких к оному мысль об отдавании приказа по корпусу насчет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие, по крайней мере в тех ротах артиллерии, где находятся члены Общества»¹⁷⁰. В одном из показаний эта «Записка» названа: «Об опечности артиллерийских снарядов», что нужно расшифровать как указание на необходимость *опеки* (то есть постоянного наблюдения) со стороны членов Общества над состоянием снарядов.

«Записка» Горбачевского представляла собою, по формулировке Лорера, «Рапорт» о деятельности «Славян» и их работе по подготовке восстания (ВД, IV, 188—189)¹⁷¹. В официальных документах следствия этот «Рапорт» именуется запиской «об успехах в приобретении членов Общества»; в ней, по показанию Лорера, было написано, что «принято в члены несколько членов, кои готовы на все при первом сигнале». Одно из выражений «Рапорта», иллюстрирующее безусловную подготовленность к революционному выступлению, врезалось в память М. И. Муравьеву-Апостолу, и он, спустя сорок пять лет, воспроизвел его в своих мемуарах: «И лошади подкованы на зимние шипы»¹⁷².

«Записки» Борисова и Горбачевского были переданы Бестужевым-Рюминым Пестелю, который широко пользовался ими в агитационных целях. Одно время они находились в руках Бобринцевых-Пушкиных и Заикина и после ареста Пестеля были сожжены ими.

VIII. АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

В связи с принятием республиканской программы и выработкой планов революционного восстания перед членами тайных организаций встал вопрос о создании агитационно-пропагандистской литературы. Этот вопрос решительно был поставлен в 1823 г. при обсуждении условий приема новых членов и форм испытания последних. Как показывал Трубецкой, «тогда же предлагали писать различные вещи, которые могли бы быть распущены» (ВД, I, 53). При обсуждении «Правил» Северного общества Никита Муравьев сообщил о своей работе над «Политическим катехизисом», Рылеев вызвался написать «Катехизис свободного (по другим показаниям: вольного) человека», Е. П. Оболенский — «Об обязанностях гражданина», Н. И. Тургенев — «О суде присяжных»¹⁷³. Оболенский называет еще два обязательства Н. И. Тургенева: «Написать о уголовном судопроизводстве и теорию уголовных законов» (ВД, I, 267). Последние темы несколько расходятся с линией, намеченной Никитой Муравьевым и Рылеевым, но их происхождение вполне выясняется из того же показания Трубецкого. Трубецким был выдвинут параллельный план создания произведений иного характера. Он предложил: «Писать различные замечания и рассуждения касательно просвещения, нравственности и различных частей управления как в России, так и в других землях, но что оные должны быть писаны так, чтоб не могли навести писавшему каких-либо неприятных последствий» (ВД, I, 53). Другими словами, по мысли Трубецкого, должен был быть создан ряд произведений, продолжающих линию «легальной пропаганды» 1810-х годов. Сочинения Н. И. Тургенева и были призваны ответить на это задание¹⁷⁴.

Намеченный план создания серии агитационно-пропагандистских памфлетов был реализован лишь частично. Оболенский написал то, что было ему поручено, но выполнил это неудачно. Свое сочинение он читал в присутствии Матвея Муравьева-Апостола, Николая Тургенева, Трубецкого и Никиты Муравьева; оно было известно также Рылееву и Нарышкину; читали его и другие члены Общества. По замыслу Оболенского, его сочинение являлось как бы комментарием к «Правилам» Тайного общества; по выражению П. Е. Шеголева, оно должно было служить «своеобразным оселком, на котором испытывалась пригодность» тех или иных лиц для Общества. «Оно было весьма не пространно, — рассказывал о нем на следствии сам Оболенский, — и заключало в себе главные отношения человека к семейству <...> и наконец к отечеству». Отношения к семье распределялись на два вида: «к семейству, от которого он происходит», и «к семейству, которое он сам основывает», то есть рассматривался вопрос об обязанностях сына, мужа и отца. Обязанности же к отечеству рассматривались «как заключающие в себе первые два отношения человека» (ВД, I, 267).

По свидетельству Матвея Муравьева-Апостола, сочинение Оболенского было переполнено примерами из римской истории (ВД, I, 257). Это замечание дает некоторый ключ для более четкого уяснения характера и общего смысла построения Оболенского. Общество уподоблялось большой семье, в которой растворялись родственные связи. Примеры римлян, — это, конечно, излюбленный в декабристской среде подвиг Брута, когда долг патриота-республиканца оказался выше естественных чувств отца. Обязанности семейные должны уступать место обязанностям гражданина перед отечеством. Все это построение имело, очевидно, слишком отвлеченный характер, почему и не удовлетворило его читателей. По характеристике М. Муравьева-Апостола, оно походило скорее на «школьную задачу». После товарищеской критики это сочинение было автором уничтожено.

принимать - и тут же и сказать, согласно
с неизбежностью министру Государства
Судии для серьезных перевертываний
Власти, только показывается Москва.
Но об этом нечего сказать и сказать
этих вещей (указывая на указание)
Судии и Судию как и
сказать в нас приемлемо в начале
Гиллаид

А в требовании законных утверждений,
будет и принять и утверждать эти
когда же только в полном объеме
- нечего. Не говоря о Армии
Куряеву, Мотке Куряеву Армии
Куряеву, Мотке, Мотке Куряеву,
и Куряеву, / Котора она:

Вот так воевать воевать
Канонизация. Мотке Куряеву
автоматически Куряеву от урнею:
нужно ить рабство. и Куряеву Куряеву
один Куряеву ить так Гиллаид
терминалы подвигам вавоав

ЗАПИСЬ РЕЧИ М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА К ЧЛЕНАМ «ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ
СЛАВЯН». ВОСПРОИЗВЕДЕНА ИМ ПО ПАМЯТИ В ПОКАЗАНИЯХ, ДАННЫХ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ 5 АПРЕЛЯ 1826 Г.

Лист с началом речи

Центральный исторический архив, Москва

Не выполнили своего обещания ни Никита Муравьев, ни Рылеев. Первый ограничился только той частью «Политического катехизиса», которая была им написана ранее («Любопытный разговор»), Рылеев же совсем оставил свой замысел. Впрочем, какие-то черновые наброски у него были: их видел и читал Оболенский. По его сообщению, Рылеев писал свой «Катехизис» в виде вопросов и ответов, «самым простым наречием». Катехизис был обращен к «простому классу людей» и говорил об их обязанностях «касательно земли, на которой они поселены» (ВД, I, 267). Несомненно, наряду с «обязанностями» простого человека, Рылеев говорил и о «правах» их, но эту сторону Оболенский замолчал или забыл о ней. Сохранилось, наконец, известие о каком-то рукописном катехизисе «в вопросах и ответах» на французском языке, находившемся в бумагах Вадковского и уничтоженном Трубецким (ВД, I, 51). О каком сочинении идет в данном случае речь: о переписанном или оригинальном, самого ли Вадковского или кого-либо из его товарищей — неизвестно. Следственный комитет не заинтересовался этим сообщением и не задавал по поводу него никаких вопросов Вадковскому.

К числу памятников декабристской агитационной литературы относятся и «русские грамотки» Рылеева — его пропагандистские письма, о характере и содержании которых можно судить по сохранившемуся осторожному упоминанию в письме Антропова к Рылееву: «Напиши, любезнейший, ко мне, обрадуй своими русскими грамотками, исполненными истинно духа славянского»¹⁷⁵. Самые выдающиеся памятники агитационно-пропагандистской литературы были созданы в Южном обществе и связываются, главным образом, с именами Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, особенно последнего, который должен быть признан самым замечательным и самым крупным в среде декабристов писателем — пропагандистом и агитатором.

Воссоздание подлинного облика М. П. Бестужева-Рюмина является заслугой исключительно советской науки. Дореволюционная историография совершенно искадила его образ, а чаще всего просто обходила, точно забывая, что самим Николаем I он был признан одним из вождей движения¹⁷⁶. Характерно, что ни в старом, ни в новом издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона нет посвященной ему специальной статьи или хотя бы даже краткой справки. Довнар-Запольский говорил о нем в тоне легкой иронии¹⁷⁷. Гораздо правильнее представлял себе роль и значение его В. И. Семевский, называвший его неизменно «замечательным деятелем», но Семевскому, по характеру его исследований, нигде не пришлось высказаться о Бестужева-Рюмине более подробно и обстоятельно.

Краткая, но выразительная и верная характеристика Бестужева-Рюмина, позволяющая уяснить и его роль в истории декабристского движения и основные черты его нравственного облика, сделана М. В. Нечкиной в предисловии к девятому тому «Восстания декабристов». «В лице Бестужева-Рюмина, — пишет Нечкина, — перед нами — горячий патриот, страстно преданный родине и революционному делу. Энергичный и талантливый, всецело отдающий себя подготовке восстания, выдающийся организатор движения и пламенный оратор» (ВД, IX, 11). Бестужева-Рюмина часто изображали лишь как «тень» Сергея Муравьева-Апостола, как послушного и преданного исполнителя его планов и замыслов, но не проявлявшего собственной инициативы. В действительности же Бестужев был в полной мере сподвижником Сергея Муравьева и вместе с ним возглавлял наиболее революционную из всех декабристских организаций — Васильковскую управу. По свидетельству Матвея Муравьева-Апостола, Бестужев-Рюмин «более всех принял членов» (ВД, IX, 231). Он был активнейшим участником в разработке планов восстания и должен был явиться одним из трех военачальников: Сергей Муравьев должен был коман-

довать гвардий, Пестель — 2-й армией, а Бестужев — 3-м корпусом¹⁷⁸. Его кипучая энергия, замечательное организаторское дарование и подлинный революционный темперамент особенно ярко проявились во время Васильковского восстания. Бестужев-Рюмин принимал участие во всех важнейших предприятиях Южного общества, сплошь и рядом выступая в первых ролях и выполняя самые ответственные поручения. Он «открыл», как прямо заявил об этом Юшневский, существование Общества Соединенных Славян и на него была возложена задача объединения «Славян» с Южным обществом. Он же открыл польскую революционную организацию. В «Донесении Следственной комиссии» сказано, что открытие Польского общества и переговоры с ним принадлежат к важнейшим действиям Южной директории. И там же вполне правильно отмечена огромная инициатива и организующая роль в этих переговорах Бестужева-Рюмина. Действительно, всю эту работу вынес на своих плечах Бестужев-Рюмин, за что ему была выражена Юшневским благодарность от имени Директории, как сообщил в своем показании Волконский¹⁷⁹.

«Договор» с польским Тайным обществом (1824), воспроизведенный Бестужевым-Рюминым по памяти, приведен в его «следственном деле» (ВД, IX, 70—74), однако ни в коем случае нельзя считать текст, сообщенный Следственной комиссии Бестужевым-Рюминым, совершенно идентичным не дошедшему до нас подлинному тексту. Он явно не полон: в нем сохранена только резолютивная часть и приведены пункты соглашения. Между тем из показаний А. В. Поджио и А. П. Юшневского следует, что Бестужев-Рюмин сделал Обществу полный «письменный отчет» о своих переговорах, стало быть в нем была и историческая часть и часть, повествующая о мерах, намеченных для реализации соглашения¹⁸⁰. Вероятно, составной частью этого «Отчета» или «Приложением» к нему был составленный Бестужевым «Список членам польских обществ» (ВД, IV, 99, 120). Это был письменный доклад, представленный Бестужевым-Рюминым Директории Южного общества и содержавший характеристику четырех членов Директории польской. «В сем списке, — показывал Пестель, — был описан Хлопицкий: умнейшим, твердейшим и просвещеннейшим из всех четырех и притом имеющим наиболее влияния в Обществе. Терновский: с теми же качествами, но в меньшей мере. Княжевич: человеком немолодым, основательным и хранителем бумаг в Дрездене. Проскура же был описан как человек худой нравственности, хотя и не без способностей» (ВД, IV, 120).

Оба эти документа ярко свидетельствуют, что Бестужев-Рюмин был не только «выдающимся организатором» и «пламенным оратором-агитатором», но и политическим мыслителем. Ему принадлежит ряд поправок и дополнений к «Русской правде», а его показание о ней свидетельствует, что он не только глубоко изучил этот основной памятник революционной мысли декабризма, но и самостоятельно продумал его. Он был вместе с тем, и выдающимся писателем: ему принадлежит несколько политических «записок», он был соавтором Сергея Муравьева-Апостола в составлении «Православного катехизиса», ими обоими было составлено воззвание к восставшим войскам. Мы не знаем точно подлинной доли авторского участия каждого из них в создании этих произведений, но можно считать с достаточной достоверностью, что основным автором «Катехизиса» был Сергей Муравьев, в составлении же «Прокламации» главная роль принадлежала Бестужеву-Рюмину (ВД, IX, 35).

Писательский облик Бестужева-Рюмина приходится воссоздавать по крупинкам, тщательно учитывая все сведения о его несохранившихся произведениях и черпая материал из рассказов участников движения, из их показаний и его собственных признаний. Литературный талант Бестужева выразился в его «речах», известных нам лишь в отрывках.

М. В. Нечкина совершенно правильно рассматривает их как «важные источники» для изучения идейной жизни Тайного общества (ВД, IX, 13), но в них следует видеть не только выдающиеся «образцы ораторского искусства декабристов». Революционные речи Бестужева-Рюмина должны занять свое место и в истории русской литературы.

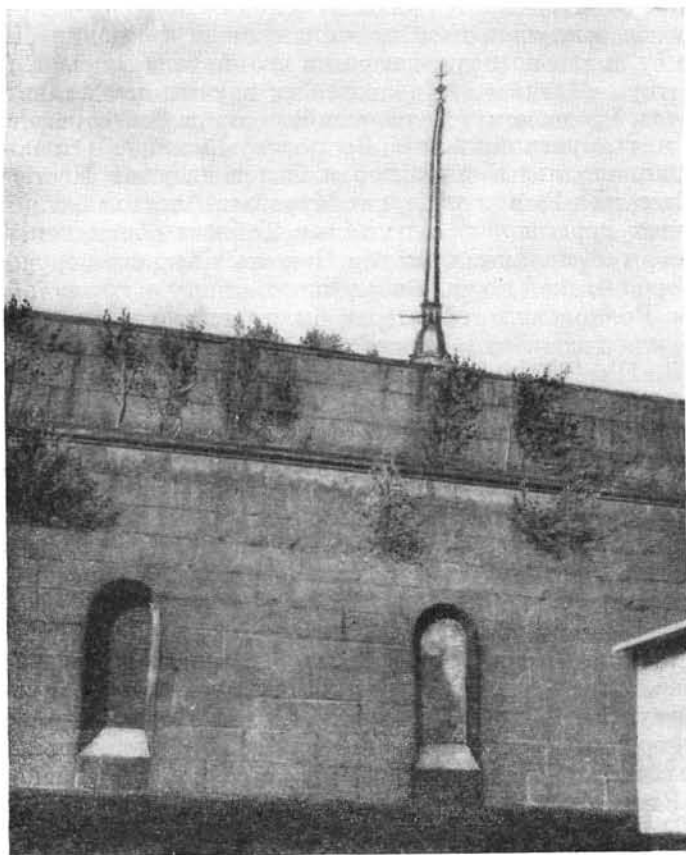
Выступления Бестужева-Рюмина имели различный характер: были речи-доклады, заранее подготовленные и написанные, и речи-импровизации, возникшие по разным поводам: то как заключительные слова, то как пространные ответы на вопросы, предложенные слушателями, то как непредусмотренные заранее агитационные импровизации. Конечно, все эти выступления учесть невозможно, — мы можем говорить в данном случае лишь о речах-докладах и обращениях. Эти выступления Бестужева-Рюмина нельзя рассматривать только как импровизации. Они всегда были тщательно подготовлены и написаны. Сам Бестужев-Рюмин обычно говорил: «Я написал речь». Написанное он показывал своим товарищам, подвергая свой текст их дружескому суду и критике. Его речи читали Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Как письменные документы рассматривали их и сами декабристы. Об одной из таких речей С. Муравьев говорил: «Бестужев писал бумагу» (ВД, IV, 278). Наконец, они распространялись в многочисленных списках, стало быть, уже становились определенными и политическими документами и литературными памятниками. Некоторые его речи были чрезвычайно популярны среди членов Тайного общества и тщательно ими переписывались. У Матвея Муравьева-Апостола была копия речи Бестужева-Рюмина к «Славянам» (ВД, IX, 266), а «Мнение» Бестужева-Рюмина «об истреблении цесаревича» он сам переписал (ВД, IX, 263). «Речи» и «Мнения» Бестужева-Рюмина пересылались и в Петербург для сведения членов Северного общества. Корнилович привез в Петербург «Мнение об истреблении цесаревича» и список второй речи в собрании «Славян» (ВД, IX, 263)¹⁸¹; очень вероятно, что их распространял в Петербурге и Трубецкой.

Особенно популяризировал речи Бестужева-Рюмина Сергей Муравьев, — об этом свидетельствовал сам автор. «Часто, дабы увеличить мою репутацию, — говорил он, — С. Муравьев писанные мною бумаги многим членам показывал» (ВД, IX, 145). Одну из его речей помнил наизусть (если не целиком, то, во всяком случае, отдельные ее части) Артамон Муравьев (ВД, IX, 91). И, конечно, только потому, что эти речи имели определенную письменную форму, Бестужев-Рюмин сумел почти дословно (хотя далеко, как мы постараемся показать ниже, не полностью) сообщить одну из них Следственной комиссии.

Известно о двух речах Бестужева-Рюмина, произнесенных при обсуждении планов Тайного общества, и о нескольких выступлениях на собраниях Общества Соединенных Славян. Наиболее ранним из его выступлений следует считать речь «Об опасностях крутых мер». Именно о ней говорил Бестужев, как об «известной всему Обществу». Она была посвящена выдвинутому Директорией проекту «Об истреблении царской фамилии». Ее содержание известно из показания самого Бестужева и частично из показаний Сергея Муравьева-Апостола и Юшневского. На следствии Бестужев-Рюмин первоначально изображал свое выступление как принципиальное возражение против царубийства, в действительности же этот вопрос рассматривался им исключительно с точки зрения революционной тактики. Юшневский, ссылаясь на свою слабую память, не отрицал, что «записка Бестужева» была «в том смысле, как он <Бестужев-Рюмин> показывает», но основное содержание ее он усматривал в опасениях Бестужева-Рюмина относительно возможности «со стороны какого-либо властолюбивого человека» «присвоить себе исключительную власть» (ВД, IX, 166).

Один из пунктов своей речи («о мерах для избежания реставрации») Бестужев-Рюмин привел «слово в слово» (ВД, IX, 91). Это и есть тот самый «параграф», который «помнил наизусть» Артамон Муравьев.

Есть некоторые трудности в определении хронологии этой речи. В первом показании Бестужев-Рюмин говорил, что произнес ее при вступлении в члены Общества на киевских контрактах 1823 г.; в

НЕВСКАЯ КУРТИНА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ БЛИЗ
НАРЫШКИНСКОГО БАСТИОНА

Фотография 1948 г.

Литературный музей, Москва

другом — что передал ее Юшневскому на контрактах 1824 г.; последняя дата внесена в резюме Следственной комиссии по делу Бестужева. Может быть, речь эта имела две редакции: первоначально была произнесена в 1823 г., а затем уже в окончательном виде была передана через Юшневского в Директорию.

Другая речь — «Мнение об истреблении цесаревича Константина Павловича» — известна как письмо к Варшавскому обществу или письмо к Гродецкому. Подробное показание дал об этом Матвей Муравьев: в начале 1825 г. Бестужев-Рюмин написал на французском языке «Мнение», в котором доказывал необходимость «истребления цесаревича», ибо «нельзя совершить переворота без помощи армии», а до тех пор пока цесаревич будет жив, «польское общество не может полагаться на своих

войск» (ВД, IX, 253 и 168). «Мнение» это было вызвано опасениями Бестужева-Рюмина относительно дальнейшей возможной тактики поляков. Он опасался, что «поляки воспользуются слабостью Южного общества и во время переворота» возведут Константина «на российский престол» в расчете получить от него, «в знак признательности», независимость Польши (ВД, IX, 68). Волконский упоминает еще о письме Бестужева-Рюмина к Антонию Чарковскому¹⁸², но, видимо, оно не имело самостоятельного значения и являлось точной копией письма Гродецкому. Бестужев выступал с своим «Мнением» в заседании Директории, а затем уже от имени последней передал его в виде письма к Варшавскому обществу. «Мнение» это должен был вручить представителю Польского общества, Гродецкому, Волконский, но последний отказался от этого поручения и возвратил письмо Бестужеву-Рюмину. Отказ его имел, конечно, принципиальный характер и был поддержан Пестелем. В результате, Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол были отстранены от дальнейших переговоров с польским Тайным обществом. Последующие переговоры с поляками вел сам Пестель и, по его поручению, Волконский. Бердичевская поездка последнего, отчету о которой было посвящено письмо Волконского к Пестелю, была вызвана этими переговорами.

Пестель утверждал, что Директория уничтожила письмо Бестужева-Рюмина (ВД, IV, 165), но списки его существовали. Как уже было сказано, один был у Матвея Муравьева-Апостола, другой — у Корниловича. Указанная в резюме Следственной комиссии дата этого письма (1825) не вполне точна. Данное «Мнение» было написано в 1824 г., но передано Волконскому, действительно, в начале 1825 г.

Самыми замечательными в этом ряду речей Бестужева-Рюмина являются его знаменитые выступления в собраниях членов Общества Соединенных Славян. В существующей литературе несколько запутан вопрос о числе этих выступлений и о количестве произнесенных речей. Горбачевский в «Записках» говорит о трех речах Бестужева-Рюмина (это число принимает и М. В. Нечкина). Однако свидетельство Горбачевского расходится с показаниями ряда участников этих совещаний и с показаниями самого Бестужева-Рюмина. На вопрос Следственной комиссии: «Кто сочинял говоренные вами в собраниях славян возмутительные речи», — Бестужев заявил: «Я говорил две речи. Обе моего сочинения» (ВД, IX, 117, 124). Едва ли есть основания считать это показание стремлением Бестужева-Рюмина уменьшить количество произнесенных им речей. Следствие приняло уже в то время такой характер, что сокращение речей с трех до двух ничего бы не изменило в судьбе Бестужева-Рюмина, и ему не было никакой нужды говорить в данном случае неправду, рискуя быть изобличенным в таком, сравнительно незначительном, вопросе и тем самым вызвать недоверие ко всему показанию в целом.

Путаница произошла вследствие ошибки Горбачевского (в «Записках») в установлении числа собраний «Славян» в период обсуждения вопроса о слиянии с Южным обществом. Горбачевский утверждает, что их было пять: одно у П. И. Борисова и Пестова, на котором Бестужев-Рюмин произнес речь о Южном обществе, и четыре на квартире Я. М. Андреевича. На одном из них Бестужев-Рюмин не присутствовал: на нем читался «отчет» Борисова и был избран посредник; это происходило на третьем, по счету Горбачевского, заседании. На втором Бестужев-Рюмин познакомил присутствующих с «Государственным заветом»; на четвертом обсуждался «Устав», выработанный Спиридовым; на пятом, заключительном, совещании была принята «присяга». На двух последних собраниях Бестужев-Рюмин снова произнес речи. Такова схема Горбачевского.

Показания прочих членов Общества о количестве заседаний очень противоречивы, но ни в одном из них не говорится о пяти. В большинстве

показаний упоминаются лишь три заседания у Андреевича. Некоторые называют последнее заседание «вторым у Андреевича», очевидно учитывая желание Комиссии выяснить роль Бестужева-Рюмина и потому не принимая в расчет того собрания, на котором он не присутствовал. Андреевич первоначально говорил также лишь о двух, добавив, что на одном из них не было Бестужева-Рюмина (ВД, V, 381). Очевидно, из каких-то соображений он хотел умолчать о том собрании, на котором выступал с отчетом Борисов. Наконец, сам Бестужев-Рюмин совершенно определенно утверждал, что видел «Славян» только три раза: один раз — на квартире Пестова и два — у Андреевича (ВД, IX, 85).

Основное расхождение между свидетельством Горбачевского и показаниями его товарищей проявилось в вопросе о времени избрания двух посредников. По Горбачевскому, это происходило на предпоследнем совещании; по показаниям Борисова, Бечаснова и самого Спиридова — на последнем, то есть в том собрании, на котором была произведена присяга. Последнее собрание в изложении Горбачевского распалось на два.

Из этого уже совершенно последовательно вытекает, что и те две речи Бестужева, о которых упоминает Горбачевский, как о произнесенных на двух собраниях, составляли в действительности лишь одну. Это соответствует и личному показанию самого Бестужева о двух произнесенных им речах (одна — у Борисова и другая — у Андреевича). Правда, А. И. Тютчев показывал, что и на первом собрании у Андреевича Бестужев также читал речь (ВД, V, 439), — но это замечание стоит одиноко и противоречит всем остальным показаниям. На этом собрании Бестужев читал выдержки из «Государственного завета», сопровождая их соответственными комментариями. Возможно, что перед началом чтения Бестужевым было сказано вступительное слово, но написанной речи у него на том собрании не было. Показание же Тютчева вообще очень путанное.

Эти две речи могут быть озаглавлены следующим образом: «Речь о Южном обществе» (формулировка И. И. Горбачевского) и «Речь к членам Общества Соединенных Славян» («Речь ко всем», как назвал ее тот же Горбачевский). Содержание первой приведено у Горбачевского: Бестужев говорил «о силе своего Общества, об управлении оным Верховною думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, Гвардейского корпуса и многих полков 3 и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в себе формы республиканского правления для России и получившая одобрение многих знаменитых публицистов английских, французских и германских, принята была единодушно и членами Южного общества». М. В. Нечкина, основываясь на показаниях других участников этого собрания, вводит ряд дополнительных подробностей: Бестужев-Рюмин указал, что своевременная подготовка конституции обеспечит безболезненность переворота; перечислил силы южан, указал на большое количество членов и сочувствующих в Москве и развил теорию о двух разновидностях революций: французской и испанской¹⁸³.

Сообщению о Южном обществе было предпослано, — пишет М. В. Нечкина, — «удачное введение». «Широкими штрихами» Бестужев-Рюмин «очертил бесправие в армии, тяжкое положение солдата и офицера, угнетенного начальством, на которое нельзя жаловаться, напомнил о крайнем бесправии крестьян, о недостатках системы правления, о несправедливости высших властей», о «необходимости перемены правления» и т. д. Восторженный Бечаснов запомнил несколько ярких цитат из речи Бестужева-Рюмина: «Довольно уже страдали!»; «стыдно терпеть угнетение»; «все благородномыслящие люди решились свергнуть с себя иго»; «все унижены и презрены слишком, а в особенности офицеры»; «благородство должно одушевлять каждого к исполнению великого предприятия — освобождения

несчастливого своего отечества, слава для избавителей в позднейшем потомстве, вечная благодарность отечества» (ВД, V, 279). Возможно, что Бечаснов в данном случае не вполне точен, и цитируемые им выражения находились не в первой, а во второй речи Бестужева-Рюмина. В показаниях о второй речи Бечаснов вновь приводит те же выражения.

Реконструкция Нечкиной очень живо и ярко воспроизводит сущность речи Бестужева-Рюмина и позволяет почувствовать ее общий дух и стиль. Но в этой реконструкции имеются и некоторые неточности. Состав Южного общества был назван Бестужевым-Рюминым не в этой речи, а во время беседы по поводу «Государственного завета», и сделано это было им весьма неохотно, под сильным нажимом присутствующих. Явная неточность—и в упоминании о двух типах революций. Нечкина полагает, что Бестужев-Рюмин горячо говорил об этом и в первой и в последней речи. Едва ли возможно, чтобы в своих речах он дважды обращался к одной и той же теме; по Горбачевскому, упоминание об испанской революции было сделано Бестужевым на собрании у Андреевича¹⁸⁴.

Была ли эта речь импровизированной или представляла собой подготовленный и написанный доклад? Нечкина склонна считать ее импровизированной; свое изложение первой речи она предваряет такими словами: «Бестужев имел агитаторские способности, чувствовал их в себе, любил говорить»¹⁸⁵. Но сам Бестужев не делал различия между обеими своими речами, называя и ту, и другую сочиненной им (ВД, IX, 117). Из некоторых показаний видно, что эта речь была прочитана. Бечаснов добавляет даже такую подробность, что Бестужев начал говорить «севши за стол» (ВД, V, 279). Тютчев явно путает (как это видно из его изложения самой речи) собрание у Борисова и первое собрание у Андреевича, но и он также подчеркивает, что Бестужев читал речь (ВД, V, 439).

Содержание второй речи известно по воспроизведению ее самим Бестужевым-Рюминым. Но оно не дает полного представления об этой замечательной речи. На допросе Бестужев-Рюмин о многом умолчал и скрыл самое существенное, но даже и в этой краткой передаче чувствуется ее страстный революционный пафос, и становится вполне понятным пламенное волнение и горячий энтузиазм, которыми были охвачены слушатели.

В действительности эта речь была и более страстной и более решительной по тону и содержала развернутую программу действий, о чем совершенно умалчивал на следствии Бестужев-Рюмин. В его передаче остается в стороне и основная цель выступления: добиться соединения двух организаций и признания руководящей роли Верховной думы. В этой же речи были намечены и ближайшие задачи по подготовке восстания. Речь Бестужева-Рюмина была и анализом современного положения (с цитатами из записки Штейнгеля), и призывом к объединению, и планом революционной борьбы. Андреевич показывал, что Бестужев требовал решительного «действия на солдат»: необходимо,— говорил он,— указывать на «несправедливость нынешнего правительства, выставляя на вид пользу от перемены оного и открывая, сколь важен пост солдата», и объяснять, что «согласием и решимостью своею они могут облегчить состояние свое и своих соотечественников» (ВД, V, 404—405). Бестужев-Рюмин приводил примеры тех методов, которые следует применять при агитационно-пропагандистской работе среди солдат. Нужно ссылаться,— говорил он,— и на свой пример, то есть указывать, что и сами (офицеры, ведущие пропаганду) решаются принести жизнь свою на жертву для освобождения их от рабства. По Бечаснову, смысл речи Бестужева-Рюмина сводился к необходимости требовать с оружием в руках конституции (ВД, V, 281). А. С. Пестов характеризует ее как речь «о выгодах республиканского правления и о будущем блаженстве» (ВД, V, 340). Тут же Бестужев-Рюмин впервые открыто поставил перед «Славянами» вопрос о царубийстве.

ВОССТАНИЕ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

Картина маслом Р. Р. Френца, 1930 г.

Музей революции ИМАРС при ЦК КПСС, Ленинград

Он говорил, по свидетельству Бечаснова, «о необходимости уничтожить всю царствующую фамилию» и выражал надежду, что «каждый из членов будет столько иметь величия духа и отважности, что для освобождения отечества от ига не содрогнется нанести удар, хотя бы и самому государю» (ВД, V, 299). Бечаснов запомнил и одно из выражений Бестужева об уничтожении царской фамилии: «Надобно самый прах их по земле рассеять» (ВД, V, 286). Это выражение процитировано и автором «Донесения». Горбачевский, так же как и Бечаснов, говорит о звучавших в речи Бестужева призывах к самопожертвованию для блага своих сограждан. Очень сдержанное и глухое показание об этой речи дал Спиридов. Сославшись на плохую память, он ограничился лишь ее общей характеристикой, сказав, что она была направлена «к воспламенению умов» (ВД, V, 113, 129).

О впечатлении, произведенном на слушателей этой речью Бестужева-Рюмина, ярко свидетельствуют показания Бечаснова, воспоминания Горбачевского¹⁸⁶ и особенно показания Андреевича. После этой речи, рассказывал на суде Андреевич, «он, Андреевич, в знак согласия целовал крест и объявил готовность свою на все, чего оное Общество ни потребует для блага народа; решился мстить тому, кто причиною тиранства, слез и притеснений, и действовал сообразно с наставлением Бестужева» (ВД, V, 405). Это настроение, по его свидетельству, охватило всех собравшихся, которые также «клялись мстить своему мучителю, кто бы он ни был, хотя бы даже в царствующей особе заключалась причина их угнетения». В том же собрании, — добавлял Андреевич, — было положено «уверять в доверенности и решимости войск», идти весной на Москву и там «при собрании целого народа объявить конституцию» и нынешний образ правления «совсем уничтожить» (ВД, V, 405). Ясно, что все эти формулировки и решения повторяют ход мыслей Бестужева и частично воспроизводят даже его подлинные выражения.

IX. ЛИТЕРАТУРА ДНЕЙ ВОССТАНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ И НА ЮГЕ

Революционно-политическая литература декабризма завершается тремя замечательными памятниками, созданными в дни самих восстаний в Петербурге и на Юге. Это так называемый «Манифест 14 декабря» («Манифест к русскому народу»), «Воззвание к народу» М. П. Бестужева-Рюмина и «Памятная записка» («План действий») П. И. Борисова. Из них известен полностью только второй («Воззвание к народу»), «Памятная записка» известна лишь по пересказу Горбачевского¹⁸⁷.

«Манифестом к русскому народу» в научной литературе о декабристах именуется манифест, составленный накануне восстания, который было предположено обнародовать от имени Сената. Текст его утрачен; сохранилась лишь черновая запись, обнаруженная в бумагах Трубецкого. Подробному анализу политико-идеологической сущности этого документа и истории его возникновения посвящено несколько страниц в недавнем исследовании М. В. Нечкиной, но ряд вопросов, касающихся текста манифеста, остается не вполне выясненным.

Текст, найденный у Трубецкого, не имеет ни обращения, ни заключительной части и содержит лишь перечень основных мер, которые должны быть внесены в манифест Сената, и перечень мероприятий, исполнение которых возлагалось на Временное правительство (ВД, I, 107—108). В сущности, текст Трубецкого нельзя даже назвать черновой записью — это, скорее, беглый конспективный проект. Так считает и Нечкина: этот текст «являлся для него <Трубецкого> лишь конспектом будущего».

документа»¹⁸⁷. Исследовательница полагает, что «окончательное оформление» его Трубецкой откладывал «до выяснения всех обстоятельств предстоящих переговоров»¹⁸⁸. Аксенов доказывает, что *существовал полный выработанный текст манифеста*; этот текст должен был находиться у Пущина и Рылеева, которым было поручено предъявить его Сенату¹⁸⁹.

Действительно, трудно допустить, чтобы восставшие не заготовили заблаговременно того документа, с предъявления которого для подписи Сенату и должно было начаться самое восстание. Трудно допустить, что окончательный текст манифеста предположено было составить после переговоров с Сенатом: в Сенат шли не для переговоров и выработки каких-либо предварительных условий, а для того, чтобы силой, опираясь на стоявшие под окнами сенатского здания войска, принудить сенаторов подписать предъявленный им текст манифеста. Переговоры, редактирование и переписывание текста отняли бы слишком много времени, что, конечно, не могло входить в расчеты вождей восстания и грозило бы сорвать план в самом начале его осуществления. Поэтому следует признать, что текст манифеста существовал и находился у Рылеева, который его и уничтожил.

Автором манифеста принято считать одного Трубецкого (Н. Ф. Лавров), хотя Нечкина¹⁹⁰, а вслед за нею и Аксенов¹⁹¹ отмечают, что «текст манифеста отражал мнение не одного Трубецкого, а был результатом длительных переговоров и обсуждения соответствующих вопросов в Тайном обществе». Однако никем из писавших по этому поводу не учтено категорическое сообщение самого Трубецкого, сохраненное Е. И. Якушкиным. Рассказывая последнему подробности допроса его Николаем I, Трубецкой упомянул и о найденном у него тексте манифеста. «Это была программа 14-го, которую мы составили *вместе с Рылеевым*» (курсив наш. — М. А.)¹⁹². Но в предварительных обсуждениях текста манифеста принимали участие и другие. Батеньков признавался, что в манифесте можно найти и «нечто ему принадлежащее»; автор же «Донесения» считал участие Батенькова весьма значительным и важным. В письме к С. М. Семенову Пущин писал: «Мы работаем ежедневно с Трубецким и мы все время вместе». М. Ф. Орлов расшифровывал это выражение в письме Пущина, как обсуждение конституции или манифеста¹⁹³. Он высказал свое замечание как догадку. Но он хорошо знал, над чем работали Трубецкой Рылеев, Пущин и другие участники этих совещаний. Ведь, кроме писем, доставленных в Москву Свистуновым, московские члены Тайного общества, несомненно, имели и дополнительные сведения о подготовке восстания.

Кроме того, известно, что над составлением манифеста трудились и В. И. Штейнгель и Н. А. Бестужев. Написанные ими тексты они уничтожили. Нечкина и Аксенов полагают, что Бестужев и Штейнгель писали введение к манифесту. Но почему манифест и вводная часть к нему писались раздельно? Текст, написанный Бестужевым, видел и читал Торсон: «Н. Бестужев перед 14-м числом показывал <ему> проект манифеста, по которому, устраняя наследника престола, предлагалось собрание членов для положения мер». В другом показании он добавляет, что виденный им текст был черновым проектом («черновое обнародование») и что автором его был Николай Бестужев¹⁹⁴.

Не ясно, какое отношение имела работа Бестужева к тому, что писал Штейнгель. Если у них были параллельные поручения, должен бы был неминуемо возникнуть вопрос о согласовании их участия и о выработке на основе представленных ими проектов окончательного текста. Между тем нет никаких намеков на какую-либо координацию ими своих действий. Штейнгель, уходя с совещания у Рылеева, сказал, что идет «дописывать

манифест»; об этом эпизоде сообщил на следствии Трубецкой, но вне какой-либо связи с тем манифестом, писать который он считал своей прерогативой (ВД, I, 105). Возникает предположение: не было ли намечено составление *двух манифестов*, как это было предусмотрено планом общего революционного выступления, составленным на юге и привезенным в Петербург Трубецким. Этот план оказал несомненное влияние на выработку плана 14 декабря. В полном соответствии с ним революция начиналась обращением с манифестом к народу от имени Сената, который должен быть принужден к этому силой. Как отмечает и Нечкина, по плану южан, наряду с обращением к народу от имени Сената, должно быть выпущено и обращение от Синода. Из показаний М. И. Муравьева-Апостола и Пестеля выяснилось, что после «первого действия революции» предполагалось «собрать Синод и Сенат и заставить их силою, если нужно будет, издать два манифеста, *первый* от Синода, всему русскому народу присягнуть Временному правительству, которое должны были составить директоры Общества»; другой манифест от Сената, коим надлежало «дать понятие народу», что Временное правительство обязывалось ввести новый порядок, «дабы отвести подозрение, что директоры хотят себе присвоить власть» (ВД, IV, 185, 219). Наличие такого плана подтвердил и Оболенский (ВД, I, 260).

Штейнгель же, как полагает на основании анализа его показаний Семеvский, писал свой манифест от имени Сената и Синода. На допросах он утверждал, что «сам разорвал» написанное на квартире Рылеева, «ни выражений, ни оборотов не помнит, знает только, что он <манифест> был следствием плана Рылеева и что в нем положена была мысль <...>, что когда великие князья не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать свое правление»¹⁹⁵.

Существовал еще один документ. На одном из совещаний по выработке плана восстания Штейнгель предлагал «объявить возведение на престол» Елизаветы Алексеевны и даже заготовил проект манифеста: «Приказ войскам». Текст его приведен в «Донесении»¹⁹⁶. Штейнгелю потому и было поручено написать манифест, что у него уже был готов один вариант, который можно было использовать при составлении нового текста. Формулировка мысли о праве народа самому «избрать свое правление» была заимствована из этого текста. Отсутствие соответствующих материалов не позволяет окончательно решить вопрос о содержании и характере манифестов, которые писали Бестужев и Штейнгель, и взаимоотношений их текстов с манифестом, выработанным на заседаниях у Трубецкого.

Есть ряд известий о важных и ответственных политических письмах, отправленных руководителями восстания на Юг и в Москву в дни, непосредственно предшествовавшие 14 декабря: письма Трубецкого к Сергею Муравьеву и М. Ф. Орлову и письмо И. И. Пущина к С. М. Семенову. Письмо к Муравьеву было отправлено с братом последнего, Ипполитом Муравьевым-Апостолом; к Орлову — со Свистуновым. Ипполит Муравьев выехал из Петербурга вместе с Свистуновым и после ареста последнего счел необходимым письмо Трубецкого уничтожить. Вероятно, он перед этим выучил его наизусть, так как при встрече с братьями подробно изложил его содержание.

На следствии Трубецкой сводил содержание своего послания к невинной и незначительной информации о петербургских настроениях после смерти Александра I. Он говорил даже, будто выражал беспокойство за возможные последствия, если «правительство не примет хороших мер для приведения войска к присяге»; наконец, будто он желал, чтобы Муравьев не преувеличивал его роли в том, «что провозойти могло» (ВД, I, 42, 50). Снимая все оговорки и интерпретации, можно легко понять, в чем

состояло основное содержание этого послания, написанного и отправленного накануне уже назначенного выступления. Это было письмо петербургского «диктатора» к вождю другой революционной организации. Помимо точной информации (не о петербургских настроениях, конечно, а о плане восстания), оно содержало, несомненно, требование немедленного выступления на Юге.

О назначенном восстании Трубецкой сообщал и М. Ф. Орлову, приглашая его приехать в Петербург (ВД, I, 58—59). Можно считать более

В. И. ШТЕЙНГЕЛЬ

Автолитография О. Ойстеррейха, 1823 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

или менее установленным, что Орлов вызывался в Москву для участия во Временном правительстве. Как очень убедительно доказано М. В. Нечкиной, это письмо было написано и отправлено с ведома всей думы¹⁹⁷. Одновременно же было отправлено и то письмо Пущина к Семенову, о содержании которого сообщал Орлов¹⁹⁸. Адресованное Семенову, оно не было личным письмом к нему, а посланием к московским членам Тайного общества с извещением о ходе подготовки к восстанию и о шансах на успех. Быть может, в нем содержалось и другое, о чем умолчал Орлов: в частности, указание на необходимость определенных действий со стороны москвичей, и потому-то Фонвизин и поспешил с ним к Орлову. Вечером 14 декабря Рылеев предлагал Оржицкому срочно выехать на юг

с извещением об измене Трубецкого и Якубовича (ВД, I, 164). Возможно, что уже было заготовлено соответственное письмо.

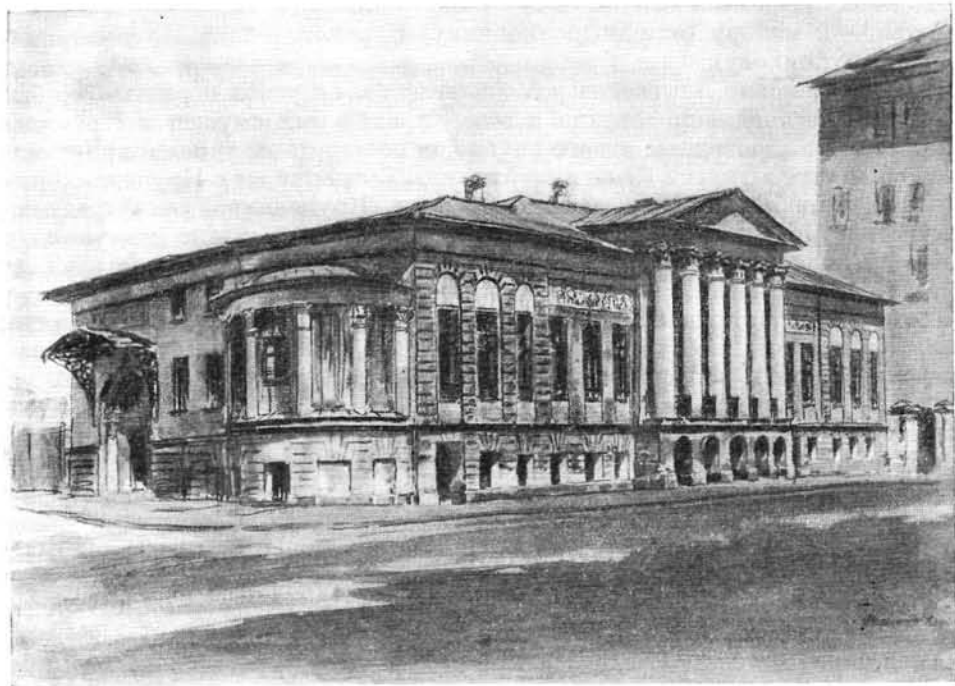
Литературно-политическими памятниками южного восстания являются, главным образом, письма участников движения, написанные, по выражению одного из них (П. И. Борисова), «при известии о близкой революции» (ВД, V, 59) и уже вне всякой заботы об осторожности и конспирации, когда «опасность заставила забыть все правила» (ВД, V, 49). По своему содержанию, это — письма и небольшие записки-инструкции, призывы к выступлению, информации и пр. Если бы они полностью сохранились (до нас дошло лишь самое незначительное число их), мы располагали бы ценнейшими материалами для более точного восстановления истории южного восстания и для характеристики его деятелей. Так, например, только из кратких упоминаний о записках, принадлежащих И. И. Иванову и И. В. Кирееву, выясняется подлинный героический облик этих энтузиастических рядовых революции (ВД, V, 38, 51, 88 и др.).

С гибелью названных документов историческая наука лишилась первоклассных источников, а вместе с тем, оказались утраченными и ценнейшие литературные памятники, яркие образцы революционно-романтического стиля эпохи. Примером их могут служить дошедшие до нас отрывки писем Бестужева-Рюмина или Петра Борисова. О письме последнего (1 января 1826 г.) к Тютчеву, Громницкому и Лисовскому (это письмо можно рассматривать и как воззвание) Горбачевский позже так вспоминал: он написал «в весьма сильных выражениях, напомнил им священные узы, их соединяющие, клятву, данную Южному обществу, общую опасность, законы чести, — одним словом — все, что только могло пробудить в них самоотвержение и решить трудный выбор между смертью и позором»¹⁹⁹. Сам Борисов показывал на следствии, что в этих письмах он «изобразил грозу, собирающуюся над главами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбуждая в солдатах революционный дух, идти в г. Новград Волынский и т. д.» (ВД, V, 38).

Основной фонд литературно-политических памятников южного восстания устанавливается следующим образом: письма Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, письмо Поджио к Волконскому, написанное сразу же по получении известия об аресте Пестеля, и письма «Славян» — П. и А. Борисовых, Горбачевского, Андреевича, Иванова, Киреева. В состав этого фонда входит, занимая в нем одно из центральных мест, «Памятная записка» «Славян», составленная с их «общего согласия» Петром Борисовым.

Хронологически этот цикл открывается письмами Бестужева-Рюмина к «Славянам» и письмом А. В. Поджио к Волконскому. Содержание последнего письма (от 22 декабря) раскрывается из показаний Волконского, которые подтвердил и Поджио. Поджио заклинал Волконского и Давыдова спасти во что бы то ни стало Пестеля. Он писал, что их общая гибель уже стала неизбежной, коль скоро Общество раскрыто, что всех ожидают казни и нет оснований надеяться на милосердие, когда уже «начались гонения». Он напоминал Волконскому его собственные слова, сказанные им когда-то об обязанности каждого выполнить свои обязательства по отношению к товарищам. «Выполните же свой долг, — заканчивал он письмо, — а я выполню свой». К письму была приложена специальная записка, составленная Поджио и содержащая изложение плана Пестеля, выработанного последним еще в 1824 г. План этот предусматривал возможное соединение сил «в случае начатия действия»: «соединить полки 19-й дивизии с Вятским полком, напасть на Тульчин и арестовать главную квартиру <2-й армии>»²⁰⁰.

Из писем Сергея Муравьева-Апостола этого периода наиболее примечательно письмо его к Бестужеву-Рюмину от 25 декабря 1825 г. (из Чуднова в Васильков), о котором стало известно из показания Грохольского (ВД, VI, 308—311). Оно содержало подробную информацию о восстании в Петербурге и наказ Бестужеву-Рюмину ехать в Киев для переговоров с Ренненкампом, о котором у них уже была переписка. Письмо Муравьева не застало в Василькове Бестужева-Рюмина; письмо принял М. А. Щещилло, распечатал и прочитал вслух в присутствии Ф. М. Башмакова, А. С. Войниловича, И. И. Сухинова, В. Н. Петина, А. Д. Кузьмина и В. Н. Соловьева. С. И. Муравьев-Апостол утверждал, что письмо

ДОМ НА УГЛУ УЛИЦЫ КАРЛА МАРКСА (РАНЕЕ СТАРОЙ БАСМАННОЙ) И БАБУШКИНА ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ, ОТЦУ ДЕКАВРИСТОВ С. И. и М. И. МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ

Акварель Э. Б. Бернштейна, 1950 г.

Литературный музей, Москва

имело исключительно информационный характер и не заключало в себе никаких поручений Бестужеву²⁰¹. Показание Муравьева-Апостола подтвердил и Бестужев-Рюмин. Очевидно, они оба хотели выгородить Ренненкампа. Очень важным инструктивным письмом являлось письмо С. И. Муравьева-Апостола (от 30 декабря 1825 г.) к А. Ф. Вадковскому, на которого вожди восстания возлагали большие надежды, так как он должен был поднять 17-й Егерский полк (ВД, VI, 322).

В истории южного восстания до сих пор остается неразъясненным до конца вопрос о киевских письмах Сергея Муравьева-Апостола, то есть о письмах, которые он послал, немедленно после выступления, в Киев с Мозалевским. Поездка Мозалевского должна была иметь огромное значение, так как была связана с планом «захвата первоклассной крепости и административно-экономического центра всего Юго-Западного края» (ВД, VI, 327—328), — и тем не менее она до сих пор представляется

неясной и даже в некоторых отношениях загадочной. Яркий и красочный рассказ о ней находится в «Записках» Горбачевского. Необходимо учесть, что после окончания тюремного заключения Мозалевский в течение ряда лет (с 1839 по 1850 г.) жил на поселении в Петровском заводе вместе с Горбачевским, и, конечно, все, что относится в «Записках» Горбачевского к Мозалевскому, написано со слов последнего, и ответственность за точность их должна быть возложена на него же. Из рассказа Мозалевского, воспроизведенного Горбачевским, следует, что Муравьев дал ему несколько экземпляров «Катехизиса» для распространения в Киеве и три письма. Одно из них было к какому-то генералу, фамилию которого ни Горбачевский, ни Мозалевский не называют, второе — к какому-то (также остающемуся неизвестным) члену польского Тайного общества и третье — к майору (или подполковнику) Курского полка Крупенникову (или Крупникову).

Первое письмо, по рассказу Мозалевского, он успел передать, но был встречен весьма неприветливо, и генерал явно был смущен и стремился скорей его выпроводить; второе письмо он доставить не успел и при аресте разорвал его, а «куски бумаги проглотил». Свидание же с Крупенниковым весьма подробно изложено у Горбачевского. Крупенников очень радушно встретил Мозалевского, подробно расспрашивал о плане восстания и обещал полное содействие. Самому же Мозалевскому он посоветовал немедленно возвращаться, что тот и выполнил, но вскоре же был арестован. Однако, как установлено, никакого майора Курского полка Крупенникова, или Крупникова, не существовало (см. ВД, VI, 384). На следствии Мозалевский заявил, что он не мог найти майора Крупенникова, или Крупникова, письмо же, адресованное к нему, утерял (ВД, VI, 21, 148). Бывшие с ним нижние чины Алексей Федоров, Аким Софронов, Павел Прокофьев и унтер-офицер Иван Харитонов показали, что они действительно прибыли в расположение Курского полка, усиленно розыскивали там майора Крупенникова (Крупникова, Крупенкина), но получили сведения, что майора с такой фамилией в полку нет (ВД, VI, 21—23). Их показания дополняются и подтверждаются свидетельствами писарей Курского полка Кузьмы Карпова и Степана Кошелева, которых Мозалевский расспрашивал о Крупенникове (ВД, VI, 23—24). Таким образом, выясняется с полной очевидностью, что письмо Муравьева не было доставлено, и никакой товарищеской беседы Мозалевского с Крупенниковым не было. Внесенный в воспоминания Горбачевского рассказ Мозалевского нужно считать недостоверным и вымышленным. Столь же недостоверным представляется рассказ и об остальных письмах, которые якобы передал ему Муравьев²⁰².

Довольно значительное количество инструктивных писем, воззваний, приказов было написано и разослано в эти дни и накануне их М. П. Бестужевым-Рюминым. Главнейшими и характернейшими из них являются его письма к Горбачевскому. Горбачевский до восстания дважды писал Бестужеву-Рюмину. В одном из его писем заключалось уведомление о произведенном среди «Славян» денежном сборе в пользу Башмакова (ВД, V, 225); в другом, адресованном Бестужеву-Рюмину и С. И. Муравьеву-Апостолу, содержался известный «рапорт» об успехах Общества и настроениях солдат. Это письмо имело и личную приписку к Бестужеву-Рюмину с упреком за длительное молчание, в частности — за отсутствие ответа на первое письмо Горбачевского (ВД, V, 225). Бестужев-Рюмин ответил Горбачевскому вскоре по получении известия о смерти Александра I, и письмо его, посланное через Андреевича, дошло до Горбачевского и П. И. Борисова 20 декабря 1825 г. О содержании этого письма сохранился ряд показаний: Бестужева-Рюмина, Горбачевского, Андреевича, Киреева. Горбачевский сначала уверял, что это письмо содержало только бла-

годарность за присланные деньги для Башмакова; позже он вынужден был признать, что в нем было также приглашение «к дальнейшим действиям» (ВД, V, 221, 223). Борисов добавляет, что в этом письме находилось известие о скором начале действий (ВД, V, 223). Сам Бестужев-Рюмин так изложил содержание письма: «Я чрез Андреевича писал Горбачевскому, что Общество должно быть благодарно Славянам за их труды; чтобы они старались обуздать рвение бригады до удобного времени, но чтобы поддерживали существующий дух» (ВД, VI, 222). Более подробно излагают содержание этого письма Горбачевский в «Записках» и Бечаснов в «показании», воссоздавая не только общий смысл его, но и самый стиль: Бестужев приглашал Горбачевского и Спиридова приехать вместе с П. И. Борисовым 15 января 1826 г. в Киев и просил «ускорить дело и употребить все усилия к приготовлению нижних чинов». «Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества. Может быть, в феврале или марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы». Ценные штрихи сохранил в своем показании и Бечаснов. Бестужев писал, — показывал он, — что «нет надобности напоминать нам (то есть округу) благороднейшего обета и поддерживать дух, ибо это (говорит) предоставляется душам робким и низким, но что нас он знает как людей благороднейших — при чем извещает, что в распоряжениях Думы произошла перемена и что действия откроются скорее, нежели ожидали, а потому он уверен, что мы разделим со всеми труды и славу» (ВД, V, 281).

Ответом на это письмо и была написанная в ту же ночь «Памятная записка» П. И. Борисова, в составлении которой участвовали, кроме него, Горбачевский, Андреевич и Бечасный. Она содержала отчет о реальных силах революции в 8-й артиллерийской бригаде и указывала необходимые мероприятия, которые должен был выполнить Муравьев-Апостол для обеспечения успеха выступления; в числе их было требование немедленного «по восстании» объявления «скорого освобождения крестьян». Сохранилось известие о письме Бестужева-Рюмина к Спиридову от 27 декабря 1825 г. В нем Бестужев извещал, что Общество открыто, и требовал, чтобы «через 8 дней все были готовы» (ВД, IX, 109, 119). Дошло ли это письмо до Спиридова, не ясно, так как Артамон Муравьев, которому Бестужев поручил передать его, утверждал, что он «записку сию» сжег (ВД, IX, 109). Одновременно Бестужев-Рюмин отправил письмо Жукову с призывом поднять гусарский полк принца Оранского (ВД, IX, 173, 175).

Разработанным планом восстания являлись и письма Иванова и Киреева к П. И. Борисову. Борисов уверял на следствии, что письмо Киреева содержало лишь информацию о непрерывных арестах и намерении «Славян», «для избежания наказания, умереть» (ВД, V, 56); о записке же Иванова он отказался дать подробные показания, ссылаясь на то, что она была «худо написана»; но сам Киреев признал, что он писал о необходимости поддержать Муравьева-Апостола, двинувшегося на Житомир (ВД, V, 94). Горбачевский характеризовал это письмо как «исполненное рвения к благородному делу и совершенную надежду на несомненные успехи»²⁰³. Самый же план, поддержать который предлагал Киреев, был изложен в письме Иванова, что подтвердил и Иванов. Он признал, что в его письме был совет «поднять войска, отправиться на Житомир, Киев и овладеть Бобруйской крепостью». План этот был выработан на совещании артиллерийских офицеров в Житомире²⁰⁴. Иванов просил Петра Борисова известить о принятых решениях Громницкого, Лисовского, Тютчева. Однако, кроме того, он и сам писал Громницкому. Одновременно он извещал о принятых решениях офицеров Троицкого полка — Ярошевича и Киселевича. Но вопрос об этих письмах крайне запутан. Показания Лисовского и Громницкого о них

абсолютно противоречивы. Вероятнее всего, что письма были написаны (косвенный намек на это находится и в показании Иванова), но Громницкий не передал их по назначению и уничтожил²⁰⁵. Ответом же П. И. Борисова на письма к нему Иванова и Киреева и было его январское письмо-воззвание, которому суждено было стать лебединой песнью южных революционеров.

Х. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Из всех видов литературного наследия декабристов наиболее изученным является их поэтическое творчество. Существуют собрания сочинений виднейших представителей декабристской поэзии—Рылеева, Одоевского, Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, В. Ф. Раевского; ряд декабристских антологий²⁰⁶, и, наконец, непрекращающиеся архивные разыскания продолжают вводить в русскую литературу и новые имена и новые тексты. В качестве примера можно указать на замечательную находку считавшихся безвозвратно утраченными агитационных песен Рылеева и А. А. Бестужева²⁰⁷. Немало таких находок содержат и настоящие тома «Литературного наследия». Но, наряду с этим, остается еще значительное число неразысканных стихотворений, поэм, драматических произведений, свидетельства о которых сохранились в разных источниках. Не установлен, в сущности, даже и самый фонд имен декабристов-поэтов. Достаточно просмотреть основные декабристские антологии, чтобы убедиться, как различно решают их составители этот вопрос. Так, например, Б. С. Мейлах в свой сборник не включает Грибоедова и Лорера; если отсутствие имени последнего может быть объяснено некоторой небрежностью составителя, то по отношению к Грибоедову такой пропуск является сознательным решением вопроса о составе декабристской поэзии. И в сборнике «Поэзия декабристов» и в антологии «Декабристы» (В. Н. Орлова) отсутствуют стихи Н. Н. Оржичкого и Петра Колопина, хотя последний является видным деятелем начальной поры декабристского движения. В антологии В. Н. Орлова совершенно не представлен А. П. Барятинский; Мейлах, правда, включает его стихи в свой сборник, но именует его «случайным поэтом». Все эти примеры свидетельствуют, что вопрос о декабристской поэзии еще недостаточно разработан в литературоведении. Неправоммерно и предлагаемое некоторыми исследователями деление декабристских поэтов на «собственно поэтов» и поэтов «случайных», то есть таких, для которых поэтическое творчество явилось лишь «фактом их личной биографии»²⁰⁸. Подобную точку зрения следует считать антиисторической. В таком случае из истории русской политической поэзии пришлось бы вычеркнуть и знаменитую песню М. А. Бестужева («Что ни ветр шумит»), и стихотворение Сергея Муравьева-Апостола и много других столь же «случайных» произведений. Не в том дело, «случайны» они или «органичны» в биографии какого-либо деятеля, написаны профессиональными поэтами или поэтами-дилетантами, составляют часть богатого поэтического наследия или являются единственными, одиночными созданиями, а в том, что они представляют собою поэтическое выражение политической мысли декабризма.

Видное место в фонде декабристской лирики занимают стихи политического содержания (сатиры, эпиграммы, пародии, памфлеты, агитационные песни и т. д.), яркими образцами которых могут служить нозли Пушкина или «подблюдные песни» А. А. Бестужева и Рылеева. От этой части декабристского наследия уцелели лишь скудные остатки, однако наши сведения о ней могут быть все же восполнены различными сохранив-

шимися свидетельствами. А. И. Михайловский-Данилевский сообщает, что на каждом собрании «Зеленой лампы» читались стихи против государя и против правительства; это сообщение находит опору в известном послании Пушкина к В. В. Энгельгардту (1819) с упоминанием о разговорах «открытым сердцем» «насчет небесного царя, а иногда насчет земного».

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

Рисунок декабриста А. М. Муравьева, 1821 г.

Исторический музей, Москва

Такого рода стихи сохранились в незначительном количестве; не дошли и те стихи Пушкина, которые он позже записал для Милорадовича и которые, несомненно, читались им на собраниях «Зеленой лампы». Архив «Зеленой лампы» не дошел до нас. По сообщению П. А. Ефремова, часть бумаг «Зеленой лампы» (в том числе и протоколы) находилась в руках М. И. Семевского. Ныне эти бумаги сосредоточены в Рукописном отделе Института русской литературы, но протоколов среди них нет. Были сведения, что материалы эти находятся в имении Н. В. Всеволожского,

однако поиски их оказались безрезультатными. В сохранившейся части архива преобладают стихотворения лирические, дидактические и стихи умеренного политического направления (Н. В. Всеволожского, А. А. Токарева и других). Видимо, наиболее острые в политическом отношении стихотворения были кем-то изъяты из этих бумаг и уничтожены вместе с протоколами²⁰⁹.

Общественное значение этой рукописной литературы прекрасно определено Николаем Тургеневым. «В странах, подчиненных деспотизму, — пишет он в своих мемуарах, — общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы, вроде той, которая обращалась во Франции перед 1789 г. в форме сатирических стихов и песен. Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроения умов в России. Тогда появилось довольно много произведений этого рода, замечательных как по силе сатиры, так и по высоте поэтического вдохновения. Маленькие шедевры, дотоле небывалые, показывали, что дни, когда они расцвели, были эпохой оживления, надежд и, надо прибавить, здравого смысла и глубокой мысли»²¹⁰.

Помимо «Зеленой лампы», были и другие собрания, организованные членами Тайного общества, на которых читались вольнолюбивые стихотворения. И. Н. Горсткий сообщал о собраниях у Ильи Долгорукого (пушкинский «осторожный Илья»). «У него, — показывал на следствии Горсткий, — Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали...»²¹¹. Горсткий упоминает и о вечерах у Никиты Муравьева, где также бывали лица, не принадлежавшие к Обществу. Известно из других источников, что в эти годы Пушкин посещал семью Муравьевых. Несомненно, он присутствовал и на тех вечерах, о которых упоминает Горсткий, и там также читал свои стихи. Революционные стихи и песни звучали и на случайных собраниях того времени: на литературных обедах, на вечерах, где встречались представители разнообразных кругов общества и различных политических убеждений. Н. И. Греч рассказывает: «Эти вольные разговоры, пение революционных, а сатирических песен и стихов было дело очень обыкновенное (...) После шампанского давай читать стихи, а там и петь рылеевские песни. Не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренне смеялись»²¹². Греч особенно подчеркивает, что сатиры и песни не имели революционного характера, но это утверждение сделано исключительно ради самореабилитации. Ему не хотелось напоминать о своем былом, хотя и очень кратковременном, сочувствии «либеральному» движению эпохи. Однако он сам противоречит себе, упоминая о рылеевских песнях. Существенную поправку вносит в рассказ Греча Е. А. Бестужева. Сообщив М. И. Семевскому несколько стихов и песен двадцатых годов, в том числе таких, как «Мы добрых граждан позабавим» и пародию на официальный монархический гимн с призывом кинуть царей под престол, она добавила: «Это пел и Ростовцев, пели и другие»²¹³ (то есть и не декабристы). К этим свидетельствам нужно еще добавить известный рассказ А. Мицкевича о «жестоких песнях», распевавшихся на собраниях русских заговорщиков²¹⁴.

Сведения об этих стихах и песнях имеют, по большей части, общий, суммарный характер: по вполне понятным причинам, ни содержание их, ни имена авторов не раскрываются. Известно, что к числу авторов таких стихотворений принадлежал и Грибоедов, о чем сохранилось прямое свидетельство Д. И. Завалишина; по его словам, стихотворения Грибоедова не уступали по своей политической остроте стихам Пушкина²¹⁵.

Особенно популярна на этих собраниях была песня П. А. Катенина «Отечество наше страдает», ставшая впоследствии декабристской марсельезой. С этой песней декабристы выходили на работы, заставляя мар-

шировать под ее звуки и своих конвоиров, ее же распевали они во время перехода из Читы в Петровский завод. Из этого «гимна» до нас дошло лишь несколько строк, которые, по забавной иронии судьбы, сохранил на страницах своих мемуаров злобный реакционер Ф. Ф. Вигель²¹⁶. «Гимн» Катенина был вольным переложением «гражданского гимна», написанного де Буа и принадлежавшего к числу популярнейших песен французской революционной армии. Трудно допустить, чтобы Катенин ограничился только переводом одной строфы. Остальной текст пока не найден.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в числе авторов такого рода стихов и песен были, помимо Пушкина, Рылеева и А. Бестужева, Одоевский и другие поэты декабристского лагеря, но их ранние стихи, в значительной части, до нас не дошли. Очень неполно сохранились ранние стихотворения Рылеева, в частности — не дошли до нас те сатирические стихи, которые он писал, находясь в Дрездене, приведшие его к разрыву с генералом Н. Г. Репниным²¹⁷; не сохранились и его многочисленные стихи и эпиграммы 1813—1814 гг., о которых сообщал в своих воспоминаниях о Рылееве Косовский (см. в настоящем томе, стр. 242).

В 1823 г. были очень популярны сатирические стихи Ф. Ф. Вадковского, направленные против императора и великих князей; стихи эти стали известны правительству, и Вадковский в наказание был переведен из гвардии в армию²¹⁸.

Почти целиком утрачены стихи А. И. Одоевского, написанные им до 14 декабря. Из его лирики этого периода известно в печати лишь одно стихотворение — «Луна», датированное 1824 г. А между тем его творчество в эти годы было весьма интенсивно. 19 марта 1824 г. он писал своему двоюродному брату, В. Ф. Одоевскому: «Стихи пишу и весьма много бумаги мараю не только в продолжение года, но даже ежедневно, смотря по вдохновению. Но этого не довольно: люблю писать стихи, но не отдавать в печать, как Хвостов и как пропасть бессмысленных, которым кстати было бы и быть бессловесными». И далее он сообщает, что у него написано с десятков од, столько же посланий, пять или шесть элегий и начала двух поэм. О последних он добавляет, что они, «по обыкновению», «лежат под столом полуразодранные и полусожженные». Это личное признание очень категорично, но оно свидетельствует лишь о количественной стороне утраченного наследия Одоевского, о содержании же его творчества за эти годы оно не дает представления. «Луна», если она действительно относится к этому времени, недостаточно характерна и типична²¹⁹.

Ярким памятником, позволяющим судить о душевной настроенности юного Одоевского, является «Молитва русского крестьянина», известная нам лишь во французском прозаическом переводе. Русский стихотворный подлинник неизвестен. Одно стихотворение Одоевского под заглавием «Безжизненный град» было найдено при аресте у Трубецкого. Первоначально он приписал это стихотворение умершему поэту Загорскому, но позже был вынужден назвать имя подлинного автора (ВД, I, 22). Текст этого стихотворения Одоевского до нас не дошел, так как оно разделило судьбу других жертв приказа Николая I об уничтожении «преступных стихов». Судя по тому, что оно было уничтожено, и по тому, что Трубецкой первоначально хотел скрыть имя его автора, можно не сомневаться в революционном характере этой пьесы. В. Г. Базанов сближает «Безжизненный град» с «Балом», усматривая в «сатирической фантастике» последнего образ «дворянской светской России», которая предстает как «пантомима трупов, наружно подражающих действительной жизни»²²⁰. Но если даже и признать правильную данную интерпретацию, все же трудно видеть в этом стихотворении «ключ» к содержанию «Безжизненного града». Слишком уже приглушена в нем

ФРАНЦУЗСКИЙ ГРЕНАДЕР

Рисунок декабриста В. С. Норова,
1812—1813 гг.

Исторический музей, Москва

политическая тенденция и к тому же, как следует из анализа Базанова, завуалирована в символических образах. «Безжизненный град» имел, несомненно, более четкое политическое содержание, смысл которого не нуждался в такой сложной расшифровке. Сведения о ранних произведениях Одоевского пополняются сообщениями К. С. Сербиновича, который в своем «Дневнике» упоминает, — к сожалению, только по заглавиям, — о двух стихотворениях поэта: «К товарищам» (1823) и «К юности» (1824)²²¹.

Утрачены и многие памятники додекабрьского творчества Грибоедова. Мы уже упоминали о его политических стихотворениях, но они представляют собою лишь незначительную часть созданного Грибоедовым в двадцатые годы. Среди погибших бумаг Грибоедова (при его аресте и затем при разгроме русского посольства в Тегеране после его убийства) находилось, по рассказам современников, не малое количество начатых и законченных его произведений. Погибла историческая драма из эпохи борьбы русских с кочевниками «Сергак и Итляр». Андрей Муравьев сообщает, что в августе 1825 г. Грибоедов читал ему в Крыму отрывки трагедии, из которых он запомнил «одну лишь сцену между половцами»²²². Очевидно, как полагает современный исследователь, «драма эта была написана Грибоедовым полностью». Сохранившийся отрывок позволяет утверждать, что данная драма представляла собою героическую трагедию: «Общему героическому тону этого произведения соответствует стилистический его облик, свидетельствующий о внимательном изучении Грибоедовым «Слова о полку Игореве». Также и самая тема уцелевшего фрагмента (воспоминания стариков о былой славе и надежды на мужество сынов) навеяна „Словом“, которое рассматривалось декабристами как самый выдающийся памятник национальной героической поэзии»²²³.

Бесспорно, к преддекабрьскому периоду относится и замысел драмы о 1812 г., в центре которой судьба крепостного, совершившего героиче-

ские подвиги в войне с врагом и вынужденного после окончания ее вернуться снова под палку господина. От нее сохранился только план и одна сцена. В прежних собраниях сочинений дошедшие до нас фрагменты датировались периодом 1822—1828 гг. М. В. Нечкина рядом остроумных и бесспорных соображений отвела слишком ранние сроки и предложила считать в качестве исходной даты период 1824—1825 гг., то есть время наибольшей связи Грибоедова с кругом декабристов²²⁴. Замысел этой пьесы теснейшим образом связан с размышлениями декабристов о судьбе народных масс после 1812 г. А. А. Бестужев писал Николаю I из крепости: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. „Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа“»²²⁵. О том же писал Николаю I Каховский; эту же тему затрагивали в своих «Записках» И. Д. Якушкин и В. Ф. Раевский. К этим хорошо известным свидетельствам следует присоединить яркое и страстное показание члена Общества Соединенных Славян Я. М. Андреевича. Называя истоки своего «вольномыслия», Андреевич вспоминал «рыдания бедных жителей», и «стон несчастных солдат», которые «так храбро и отлично дрались в кампании 1812 года, когда отечество было почти порабощено неприятелем». «Такое ли возмездие получили <они> за свою храбрость!— восклицал он.— Нет, увеличилось после того еще более угнетение» (ВД, V, 385).

Мысль о несоответствии народного подвига с тяжелым положением народа под крепостным игом лежит и в основе драмы Грибоедова. Поэтому точку зрения Нечкиной о времени зарождения данного замысла можно считать вполне оправданной; возражение вызывает лишь предположение исследовательницы о работе над этой пьесой Грибоедова в 1826 г. Едва ли после разгрома движения, в период наступившей беспощадной

СОЛДАТ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК
ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ
Рисунок декабриста В. С. Норова,
1812—1813 гг.

Исторический музей, Москва

реакции, Грибоедов мог вернуться к этому замыслу, особенно же учитывая трудности своего личного положения. Поэтому следует ограничить период работы Грибоедова над пьесой о 1812 г. целиком преддекабрьским временем.

Нет никаких прямых свидетельств о том, как далеко продвинулась работа Грибоедова над его трагедией, но едва ли за все время он написал только одну сцену. Вероятно, среди погибших в 1825 г. бумаг Грибоедова находились и другие фрагменты драмы о 1812 году.

К додекабрьскому периоду относится и разработанный Грибоедовым план исторической трагедии «Федор Рязанский», о чем сообщил тот же Андрей Муравьев. Интерес к этой теме слегка проясняется одной из записей Грибоедова в «Desiderata» (1824—1825): «Мы мало знаем историю Муромских князей. Едва известен князь Федор Глебович, о котором история упоминает под г. 1355, и князь Андрей, бывший на Донской битве в 1380, и только в нескольких словах объявляют в 1392, что великий князь завладел их княжеством. Стоило бы потрудиться над пояснением этого исторического мрака и определить розысканиями родословными последование владетелей и пространство области, которая вначале составляла часть Рязанского княжества»²²⁶.

Во время первого пребывания на Кавказе Грибоедов работал над поэмой «Путник» (или «Странник»), от которой уцелел только один фрагмент, печатаемый под заглавием «Кальянчи». Об этой поэме известно из примечания Кюхельбекера к стихотворению «Памяти Грибоедова». Грибоедов назван в нем «певцом Ирана»; это выражение, — разъяснял Кюхельбекер, — относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с «Чайльд-Гарольдом» Байрона: «в ней превосходно изображена Персия». Этой поэмы, нигде не напечатанной, не следует смешивать с другой, о которой упоминает Булгарин. Кюхельбекер имеет здесь в виду трагедию «Грузинская ночь», написанную уже после 1825 г. и в целом виде до нас также не дошедшую²²⁷. Содержание трагедии известно из пересказа Булгарина: сюжет ее заимствован из грузинских народных преданий, построена она на фольклорном материале и пронизана ярко выраженными антикрепостническими тенденциями.

До сих пор не выяснено, была ли эта трагедия закончена. Булгарин говорил лишь о плане трагедии и отдельных написанных сценах, но ближайший друг Грибоедова, С. Н. Бегичев, утверждал, что «Грузинская ночь» была в 1828 г. закончена. Вопрос этот приходится считать открытым²²⁸.

Из утраченных произведений Грибоедова додекабрьского периода известно еще о существовании шуточной трагедии «Дмитрий Дрянской», относящейся к его студенческим годам; в ней — в форме народной поэмы о битве русских с татарами на Куликовом поле — было изображено столкновение русских и немецких профессоров. В поэме был выведен и Каченовский, который усыплял сражающихся чтением своего журнала²²⁹. П. А. Вяземский сообщал в письме к А. И. Тургеневу об эпиграммах Грибоедова на помещика Ржевского, привезшего в Москву для продажи «две дюжины крепостных танцовщиц»²³⁰. Вяземский переслал эпиграммы Тургеневу для дальнейшего распространения. Этим и объясняется отсутствие данных эпиграмм в составе бумаг Остафьевского архива; все сведения о них ограничиваются лишь цитируемым письмом. Написаны эти эпиграммы были зимой 1823 г.

Нечкина полагает, что существовало стихотворение Грибоедова 1819 г., посвященное А. П. Ермолову, однако это предположение остается недоказанным. Сохранились стихи Грибоедова, посвященные Одоевскому; датировка их колеблется между 1826 и 1828 гг. Как убедительно доказывает Нечкина, это были не первые стихи, посвященные Одоевскому:

П. И. ПЕСТЕЛЬ

Портрет работы его матери Е. И. Пестель, 1813 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

«Из текста стихов видно, что Грибосдов не раз писал стихи, касавшиеся Одоевского, но ни одни, кроме этих, не дошли до нас»²³¹.

Из стихотворений В. К. Кюхельбекера утрачены главным образом стихи лицейского периода, в том числе и его стихотворные переводы на немецкий язык были из сборника «Древнерусские стихотворения» (Сборник Кириши Данилова). Какие точно были переводил Кюхельбекер — неизвестно. Сам он сообщает только о переведенной им в 1815 г. былинке «Сорок калик со каликою»²³². В 1820—1821 гг. Кюхельбекер принимал деятельнейшее участие в литературной жизни Петербурга и Москвы, в частности — он неоднократно выступал с чтением своих стихов и прозы в «Вольном обществе любителей российской словесности» (у «соребнователей»). В протоколах Общества за 1820—1824 гг. отмечены частые выступления Кюхельбекера. По большей части, читанные им в «Вольном обществе» произведения напечатаны в журналах того времени: в «Соребнователе просвещения и благотворения», в «Сынс отечества», «Мнемозине» и других изданиях. Неясен лишь вопрос о четырех стихотворениях, относящихся к 1820—1821 гг.²³³ Может быть, некоторые из них были опубликованы под другим заглавием²³⁴.

В 1823 г. Кюхельбекер написал трагедию «Любовь до гроба или гренадские мавры». О ней писал Жуковскому Вяземский: «Он <Кюхельбекер> жил у меня два дня в деревне, читал ее <трагедию> и много других стихотворений. В трагедии, право, много хорошего, а в особенности лирическая часть. В корале, занимающем в ней важное место, встречаются даже и красоты возвышенные. По крайней мере, вот впечатление, оставшееся во мне по выслушании трагедии <...> творение это недюжинное и заслуживает одобрения... Вообще, талант его, кажется, развернулся»²³⁵.

Еще до ареста Кюхельбекером была написана историческая драма «Шуйские», но он работал над ней и позже, в Сибири. Заглавие ее передается Кюхельбекером различно: «Шуйский», «Шуйские», «Падение дома Шуйских». В 1839 г. он писал Наталье Григорьевне Глинке: «Вы переслали мне рукопись Шуйские; тут есть теплота, есть еще молодость, которых уже нет в позднейших работах того же автора; только есть и длинноты: трагедия много выиграет, если из нее выкинуть стихов 150 или более разглагольствия. Чисто германское лицо графини де ла Гарди немного чересчур сбивается на шиллеровские женские лица; но оно-то и Михаил Шуйский придают всему созданию какой-то отлив теплоты, который должен нравиться молодым людям, а молодые люди составляют же часть и самую значительную читающего мира»²³⁶. В другом письме к ней же он писал, что в этой драме есть «жар истинный, но есть что-то такое, чего нет в позднейших моих созданиях: хоть не молодость, все же отголоски этой молодости. Ляпунов в художественном отношении выше, но тот, кто написал Шуйских, был мягче и лучше автора Ляпунова»²³⁷. Рукопись эта не сохранилась.

Крайне скудны сведения о поэтических произведениях А. А. Бестужева, созданных до 14 декабря, хотя из разных источников мы знаем о его напряженной литературной деятельности в эти годы. Он выступает как критик, как беллетрист-прозаик, как переводчик и как поэт.

О размерах и характере деятельности А. А. Бестужева достаточно полное представление дают упомянутые выше протоколы «Вольного общества». Из этих же протоколов можно установить, что в 1822 г. Бестужевым был сделан не дошедший до нас перевод баллады Вальтера Скотта «Аллен-э-Даль»²³⁸. В «Записках» М. А. Бестужева находится подробный рассказ об юношеской пьесе Александра Бестужева «Очарованный лес»: «„Очарованный лес“ был довольно большая пьеса, в пять актов, составленная им для кукольного театра, который мы устроили общими силами. Все, что только он мог заметить особенного в „Днепровской русалке“,

„Князе-невидимке“, „Волшебной флейте“ или „Тысяче и одной ночи“, все было пересоздано и помещено в его Очарованном лесу. Тут были храбрый князь и очарованная княжна, его стремянной и ее наперсница; шут — вроде Кифара, и трус — вроде Тарабара; добрая волшебница и Зломир, русалка и чорт, заколдованный замок и очарованный лес. Несмотря на всю эту чертовщину, надо было отдать брату достойную похвалу его умению поддержать сказочный интерес пьесы, не спутываясь в лабиринте волшебных вымыслов, и искусному расположению хода сценических явлений»²³⁹. М. А. Бестужев не сообщает точной даты этой пьесы, но так как он называет ее «вторым литературным произведением» А. А. Бестужева после «дневника», который тот вел десятилетним мальчиком (то есть в 1807—1808 гг.), и написана она была во время пребывания его в Горном корпусе, эту юношескую пьесу можно датировать примерно 1810 г. «Истреблена» она была, по сообщению М. А. Бестужева, в 1825 г.

Поэтическое наследие других членов Тайного общества и участников восстаний, имена которых мы приводили выше, сохранилось в очень скудном виде. От периода до 14 декабря до нас дошло знаменитое французское стихотворение С. И. Муравьева-Апостола («Je passerai sur cette terre»), дошли детские и юношеские стихи Н. И. Тургенева и случайно уцелевшие в «следственном деле» два стихотворения Д. И. Завалишина. Едва ли стихотворение С. И. Муравьева-Апостола было, действительно, единственным. Не сохранились юношеские стихотворения Г. С. Батенькова. Вероятно, существовали какие-то поэтические опыты ранних лет З. Г. Чернышева, Н. И. Кривцова, Ф. Ф. Вадковского, но об этом можно лишь догадываться, — никаких прямых сведений у нас нет. О существовании стихов члена Южного общества Е. Е. Лачинова мы знаем лишь из юношеского послания к нему Рылеева, в котором Лачинов именуется «питомцем муз», то есть поэтом:

Изящного любитель,
Питомец муз молодой,
Прямой всего ценитель,
Певец мой дорогой!

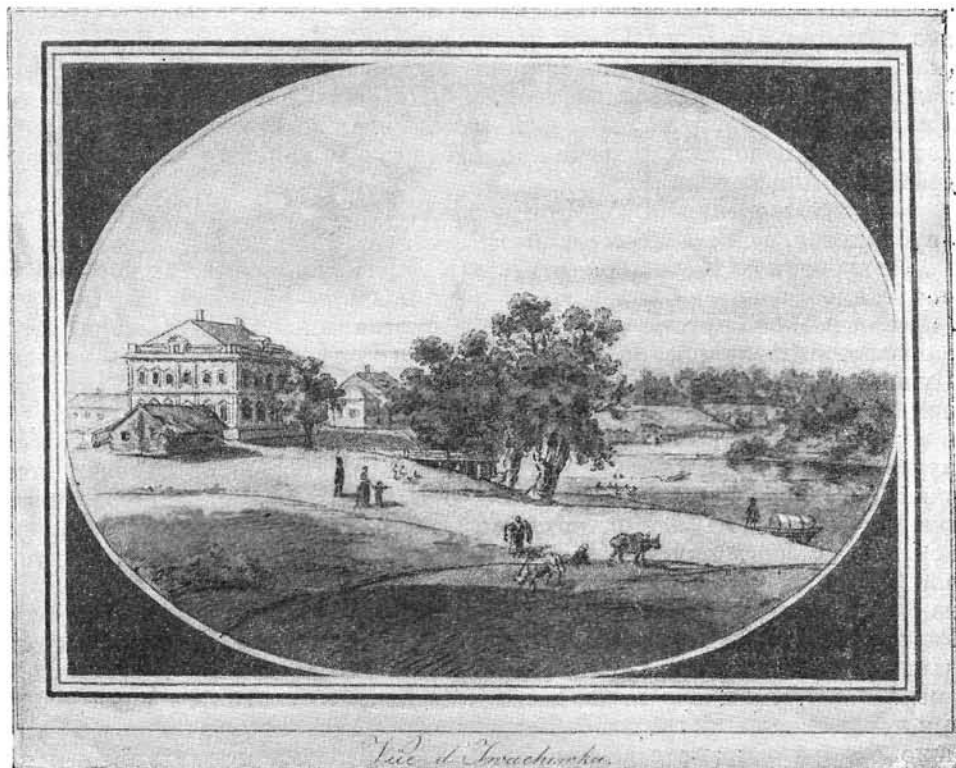
— обращается к нему Рылеев²⁴⁰. Лачинов известен как автор мемуаров, как автор статей по экономическим вопросам, но ни одно из его поэтических произведений до нас не дошло. В опубликованных главах его автобиографических записок приведено несколько коротеньких стихотворных отрывков; из этого можно заключить, что он продолжал писать стихи и после 14 декабря.

Не сохранилось ни одного стихотворения В. П. Ивашева. О его творчестве до 14 декабря существуют лишь два глухих упоминания. Во-первых, его собственное показание, в котором он сообщает о занятиях словесностью во время учения в Пажеском корпусе²⁴¹; во-вторых, послание (на французском языке) к нему А. П. Барятинского, в котором Ивашев именуется поэтом. Из этого же послания Барятинского видно, что Ивашев переводил на русский язык (стихами) фривольные сказки Лафонтена. Можно даже установить, что именно перевел он из Лафонтена²⁴².

Из поэтических произведений М. А. Бестужева сохранилась только написанная в Петровском заводе песнь «Что ни ветер шумит...» (1835), принадлежащая к числу важнейших памятников декабристской поэзии. О своих ранних опытах, — равно как и об опытах брата Петра, — он сам рассказал в своих «Записках»: «Из всего того, что марали мы, т. е. три младшие их брата — а марали мы не мало, а особенно мы с братом Петром, — не суждено было ничему явиться на свет божий. Когда появление

поэм Байрона вскружило всем головы, я много написал пьес в подражание ему: тут были и замки, и ливонские рыцари, и девы, и новгородцы»²⁴³. Ни одно из этих произведений до нас не дошло, нет никаких следов их и в архиве Бестужевых. Очевидно, они были уничтожены в 1825 г.

В журналах двадцатых годов печатались стихотворения Н. Н. Оржицкого и П. И. Колошина, — они (за немногими исключениями) остаются неразысканными²⁴⁴. Большая часть произведений названных декабристов, по всей вероятности, вообще утрачена.

ИВАШЕВКА

Анварель декабриста В. П. Ивашева, начало 1820-х гг.

Исторический музей, Москва

Сохранилось известие о стихах Г. А. Перца. Ф. Н. Глинка на допросе показал, что однажды Перец принес ему стихотворение, «говоря, что оно его сочинение и что оно мистическое <...> Я, прочтя его стихи, отдал их обратно, сказав: „Я не могу поправить чего я не понимаю“ (тогда я не знал еще особенностей и оборотов, усвоенных так называемому мистическому роду). В другой раз, — продолжает Глинка, — принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов (те другие написаны были не тою, что прежде, рукою), и в них уже было более ясностей, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско»²⁴⁵.

Из этого сообщения неясно, все ли бывшие у Глинки стихи принадлежали Перцу или последний приносил ему, кроме собственных стихов, и чужие. Неясно также, были ли стихи Перца действительно «мистическими» или мистическая форма была лишь внешним прикрытием для

какого-то иного содержания. Глинка же, говоря о своем непонимании мистического языка, явно неискренен, ибо он в том же показании сообщает, что «всегда имел склонность к чудесному». Литературный талант в Переде Глинка отвергал, считая, что тот не овладел «механизмом стихов» и решительно отказал ему в приеме в «Вольное общество», чего домогался Переде.

В ранних дневниках Николая Тургенева записано несколько его детских и юношеских стихотворений, но есть указание на существование еще одного, уже более зрелого, написанного им в 1817 г. О нем известно из письма к Тургеневу С. С. Уварова, которому было послано это стихотворение. «Благодарю Вас за стихи и за письмо, — писал Уваров. — Последнее нравится мне более. Стихи прекрасны, но qu'est ce que cela prouve? * (как говорил Даламбер о Заире). Мы живем в столетии обманутых надежд. Трудно родиться на троне и быть оного достойным»²⁴⁶. Письмо Уварова позволяет догадываться о содержании стихотворения Тургенева: оно имело политический характер и в какой-то мере касалось действий Александра I.

Из стихотворений М. А. Дмитриева-Мамонова известно только одно — опубликованное В. И. Семевским²⁴⁷.

Ко времени до 14 декабря относится не разысканное до сих пор шуточное стихотворение «Песня по поводу кончины полковника Адамова» («Песня о Мальбруке»), направленное против «палочных командиров» и написанное по инициативе В. Ф. Раевского и при некотором участии Пушкина. Об этом подробно рассказал И. П. Липранди. На одном из дружеских собраний «Раевскому, — пишет Липранди, — всегда в весело-мрачном расположении духа, пришла мысль переложить известную песню Мальбрука по поводу смерти подполковника Адамова. Раевский начал, можно сказать дал, только тему, которую начали развивать все тут бывшие и Пушкин, которому, хотя личности, долженствовавшие войти в эту переделку, и не были известны, а не менее того он давал толчок, будучи как-то в особенно веселом расположении духа. Но, несмотря на то, что, может быть, десять человек участвовали в этой шутке, один Раевский поспятился за всех: в обвинительном акте военного суда упоминается и о переложении Мальбрука. В Кишиневе все, да и сам Орлов, смеялись; в Тирасполе то же делал корпусный командир Сабанеев, но не так думал начальник его штаба Вахтен, который упомянут в песне, а в Тульчине это было принято за криминал. Хотя в начале песни этой в рукописи не было, но потом, записанная на память и всегда верно, она появилась у многих и так достигла до главной квартиры через Вахтена»²⁴⁸. Составлена она весной 1821 г.

Много стихотворений, почти исключительно политического содержания, было обнаружено при аресте декабристов: у Трубецкого были найдены, как уже сказано, стихи Одоевского; у Матвея Муравьева-Апостола — агитационные песни Рылеева и Бестужева, у многих — запретные стихи Пушкина. Кроме того, у ряда лиц были найдены их собственные стихотворения: у В. Ф. Раевского, Завалишина, Бяратинского, Андреевича, Иванова, Шимкова, Паскевича. Из этих, захваченных при аресте, стихов сохранились лишь стихотворения Раевского: они находились не в делах Следственной комиссии, учрежденной для разбора дел декабристов, а в делах Главного аудиториата военного министерства, что и спасло их от истребления, произведенного по приказу Николая I.

Совершенно случайно уцелели одно стихотворение Бяратинского и два стихотворения Д. И. Завалишина. Следственная комиссия уделила большое внимание стихам Завалишина. Впервые стало о них известно из показа-

* что это доказывает? (франц.).

ний В. А. Дивова, которые затем были подтверждены А. П. Арбузовым и Александром Беляевым. Они показали, что Завалишин осенью 1825 г. приносил и читал им стихи, «в которых покойный государь изображен злодеем, императорская фамилия преступною» (ВД, III, 340). Завалишин говорил: «...все считают его <Александра I> добродетельным, но когда увидят тем, чем он его представлял в стихах, то обольщение исчезнет» (ВД, III, 376). Целью Завалишина было, — сообщил Следственной комиссии А. П. Беляев, — показать «возможность законности уничтожения монархической власти, ибо, говорил он <Завалишин>, сия власть кажется священной законным существованием, но когда же ее увидят не законною, но похищенною (как одно место, сколько помню, его стихов показывало), тогда уничтожить ее, он говорил, легко» (ВД, III, 376). Арбузов прибавил, что Завалишин часто и охотно декламировал эти стихи, сопровождая их подробным комментарием, «...читал их несколько раз не с мнимым, но истинным фанатизмом, делая на каждое упоминаемое в оных обстоятельство хронологическое словесное подробное объяснение, утверждая в несомненной истине всего сего» (ВД, III, 375). О комментировании Завалишиным этих стихов говорил и Дивов. Завалишин уверял его, что «сказанное в них <стихах> совершенно справедливо и что кротость и доброта государя есть только обманчивая наружность» (ВД, III, 378). По словам Дивова, Завалишин не называл себя автором, но братья Беляевы «по дурному стихосложению» догадались, что эти стихи были им сочинены (ВД, III, 340—341). А. П. Беляев и Арбузов категорически приписывали эти стихи Завалишину, ссылаясь на его собственное заявление. По их показаниям, стихи Завалишина знал также и Петр Бестужев, переписавший их в ту же тетрадь, где было списано у него «Горе от ума»; Бестужеву было известно, по их словам, и имя автора. Однако сам Петр Бестужев дал по этому поводу очень уклончивое показание, не раскрывая содержания стихов и не упоминая имени автора; такое же сдержанное показание дал в отличие от своего старшего брата Петр Беляев. Арбузов же сообщил Комиссии несколько строф из стихотворения (или «песни», как говорил он), начинающегося словами:

Я в первый раз взял в руки лиру.

Стихи эти сохранились в деле Завалишина (ВД, III, 383). Содержание их — призыв «славянского племени» освободиться самому и освободить всех рабов:

Ах, скоро ль кончится терпенье
И долго ль будем в рабстве жить?
Свободы нашей похищенье
Ах, долго ль будем мы сносить?

Другое стихотворение, по словам Арбузова, было направлено против дворян. Смысл его он формулировал весьма своеобразно, но совершенно правильно: «...дворяне хотя имеют рабов, но сами не что иное, как рабы, и что должны тем сильнее чувствовать свое рабство, что они должны сами освобождать своих крестьян или по крайней мере улучшать их участь. Дабы когда придет время переворота, рабы их не вспомнили прежнее свое угнетение и не искали бы отомстить за оное» (ВД, III, 383)²⁴⁹.

Завалишин после долгих заперательств и очных ставок (одна из них была с Рылеевым, которому он хотел приписать эти стихи) вынужден был признать свое авторство, а затем сообщил и текст второго стихотворения («Я песни страшные слагаю»); оно также сохранилось в деле Завалишина.

Полагают, что сохранившиеся в следственном деле тексты воспроизводят те стихи, которые читал Завалишин и о которых так откровенно показывали на следствии его товарищи; но они не вполне идентичны тому содержанию, которое изложено в их показаниях: в них нет никаких упоминаний о царе и его пороках, нет и никаких разоблачений его личности, нет конкретных исторических фактов, которые, по утверждению Арбузова, комментировал Завалишин, заверяя их подлинность.

Ссылка А. П. Беляева на упоминание в стихах о незаконном похищении престола довольно отчетливо раскрывает смысл приводимого Завалишиным «события»; ясно, что в данном случае речь шла об убийстве Павла I. Это прекрасно поняла и Следственная комиссия, не потребовавшая от Беляева никаких дальнейших пояснений. Выражение же Арбузова — «хронологические события» — указывает, что стихотворение Завалишина представляло собою некую хронику царствования, изложенную под определенным углом зрения, то есть как разоблачение ряда поступков Александра I. Следственной комиссией стихи эти охарактеризованы как «наполненные самыми преступнейшими, неимоверными клеветами на покойного императора и на всю августейшую фамилию» (ВД, III, 402).

Таким образом, возникают два предположения: или данные строфы находились в одном из сохранившихся стихотворений и сознательно не были сообщены ни Арбузовым, ни Завалишиным, или существовало еще стихотворение об Александре I. Но, так или иначе, нужно признать, что стихи Завалишина, о которых шла речь на следствии, до нас не дошли или дошли в крайне не полном виде, весьма далеко от их подлинного содержания.

О характере и содержании прочих захваченных при арестах стихотворений мы знаем лишь из достаточно однообразных характеристик судей и следователей: стихи Паскевича означали «неистовое вольномыслие»²⁵⁰; как «вольномысленные» были охарактеризованы стихотворения Андреевича (ВД, V, 377); «вольнодумческий образ мыслей <...> насчет религии» был обнаружен и в стихах Бярятинского (ВД, IV, 42); по всей вероятности, атеистическое содержание имели и стихи Иванова. Следственной комиссией они были охарактеризованы как «дерзостнейшее вольномыслие» и излияние на бумаге «богопротивных и в трепет приводящих мыслей»²⁵¹. Сам Иванов категорически отрицал свое авторство, заявив, что получил эти стихи от М. П. Бестужева-Рюмина и автор их ему неизвестен. Однако убедить в этом Следственную комиссию ему не удалось; последняя сочла нужным даже особо отметить «упорство» и «неискренность» Иванова, которые должны «послужить к усугублению вины» его²⁵².

Более конкретными сведениями располагаем мы о стихотворениях Андреевича; у него было найдено два стихотворения: одно — какая-то песня, но, несомненно, как можно судить по формулировке вопроса на следствии, революционного содержания; другое — посвящение Сергею Муравьеву-Апостолу (ВД, V, 358, 382).

Недостаточно изученный и мало известный широкому кругу читателей, Яков Максимович Андреевич представляет собою, по справедливому замечанию Нечкиной, одну «из самых ярких фигур среди Славян». По своему революционному темпераменту, по пылкости и страстности, по беззаветной преданности революционному делу он напоминает вождей Васильковской управы, и не случайно из всех «Славян» он ближе всех сошелся с ними. Нечкина характеризует Андреевича как «пламенного романтика», «каких так много было среди бунтарей александровской армии»²⁵³. На допросах он держался смело и мужественно. Он гордо заявлял своим судьям, что вряд ли «истребится пламя, вожженное в сердце человека»; он говорил, что армия патриотов многочисленна и что для того, чтобы «погасить» сердца всех, «горящих любо-

роте палки и стремиться завоевать доверие солдат, которые, действительно, видели в нем своего неизменного защитника. Наиболее характерно в показаниях Андреевича признание о зарождении у него идей «вольномыслия»: «Находясь всегда под кровом угромого рока, редко наслаждаясь веселостями, в мрачные часы жизни своей посещая уединенные места, предаваясь совершенно одним только размышлениям о жизни человека, представляя своему воображению все бедствия оною, напрягая рассудок к исследованию причин, гнетущих его, не раз я восклицал к небу, что вольность — „сей священный дар неба“ <цитата из Радищева> — одно благо на земле для человека» (ВД, V, 372). Он говорил далее, что много размышлял о том, как принести пользу отечеству, и находил достойные примеры в великих образцах греческих и римских героев. Эти признания дают возможность отчетливее представить себе и смысл его стихотворения, посвященного Сергею Муравьеву. В своем показании Андреевич подчеркнул, какое значение имела для него встреча с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом, в которых он увидел воплощение своих мечтаний, навеянных образами античных республиканцев²⁵⁴. Он не побоялся выступить перед судьями в защиту чести и достоинства С. И. Муравьева-Апостола и провозгласить страстную и пламенную апологию вождю южного восстания. «Он не был бесчестен, — заявлял Андреевич, — он не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью»; он был «просвещен, любим всеми»; Андреевич почитал его «за благородные качества» и стремился «с ним быть знакомым». Андреевич уверял, что ему отраднее страдание, так как он страдает вместе с «другом человечества, который для общего блага не щадил не только своего имущества, но даже жизни» (ВД, V, 387).

«Я вспомнил, — говорил он, объясняя происхождение своего стихотворения, — римлян, которые из любви к своему отечеству решались на все: вспомя их благородную решимость, вообразил Муравьева таковым; написал оные стихи» (ВД, V, 382). Более мы ничего не знаем о стихотворении Андреевича; оно уничтожено, и с ним погиб, быть может, один из самых ярких и интереснейших памятников декабристской поэзии.

Найдены были стихи и у Шимкова — члена Общества Соединенных Славян; он показал, что стихи эти, действительно, писаны его рукой, но «не его сочинения». Он якобы нашел их «однажды вечером» около своей квартиры, в Белой Церкви. Два из них он полагал принадлежащими Пушкину, так как на них стояла подпись: П. ш. н., два же других «были без всякой подписи, все они были на полулисте написаны, которого часть была оторвана». Так как листы «были ветхи и испачканы», то он переписал их «собственною рукою», лист же сжег²⁵⁵. Это не вполне искусное объяснение, конечно, легко открывает автора. Самые же стихи не сохранились, разделив участь всех поэтических произведений, находившихся в делах Следственной комиссии. Содержание их было, очевидно, в духе запретных произведений Пушкина. По характеристике Следственной комиссии, они были «наполнены мерзостными ругательствами».

В бумагах Иванова были найдены стихи, принадлежавшие, как установила Следственная комиссия, штабс-ротмистру Белорусского гусарского полка, Михаилу Паскевичу (или иначе: Пашкевичу). Паскевич членом Общества Соединенных Славян не состоял, но дружил с многими из «Славян» и бывал на их собраниях; он был знаком с М. П. Бестужевым-Рюминым и передал ему стихотворение, второй список которого оказался в бумагах Иванова. Стихи эти не являются оригинальным произведением, а представляют собой перевод с французского; их содержание — речь Лувеля, убийцы герцога Беррийского, произнесенная им перед покушением («Нет преступления в уничтожении тирана»). В «Алфавите декабристов» эти стихи охарактеризованы как «отрывки, исполненные ужаса, где

убийца, готовясь на злодеяние, говорил для своего одобрения» (ВД, VIII, 146). В показаниях Паскевича приведены и две строфы французского оригинала²⁵⁶.

Большое число поэтических произведений было создано декабристами за время пребывания в Петропавловской крепости. Тюремное заключение и каторга явились вообще для некоторых из заключенных своеобразным импульсом к поэтическому творчеству. По вполне понятным причинам, до нас дошли только весьма немногие стихи, созданные в каземате Петропавловской крепости. Сохранились знаменитые тюремные стихи Рылеева²⁵⁷, несколько стихотворений Одоевского, «Тюремные стансы» («Stances

СРАЖЕНИЕ ПРИ КУЛЬМЕ 17 АВГУСТА 1843 г.

Рисунок декабриста В. С. Норова

Исторический музей, Москва

dans un cachot») Бярятинского²⁵⁸; известны сатирические куплеты Вадковского о Следственной комиссии; из стихов Норова уцелел небольшой отрывок, удержавшийся в памяти Завалишина; из стихотворений Чернышева до нас дошел лишь сделанный в Сибири французский перевод стихотворения Чиждова «Журавли», из стихов же, написанных в крепости, не сохранилось ни одной строчки. Существует «тюремная тетрадь» Ф. Н. Глинки, в которой между прочим находится и первый вариант известного «Узника» («Не слышно шуму городского»).

В достаточно полном, но не исчерпывающем виде дошли до нас тюремные стихи Батенькова. В Отделе письменных источников Исторического музея сохранилась в копии его «Тюремная песнь», содержащая свыше сорока строф. В примечании к ней Батеньков писал: «Это была полная, законченная песнь. Не было средств записать ее. Составленная на память, невозвратно забыта. Здесь представляются отрывки. Есть и другие песни, но изменяет во многом воспоминание. Здесь только ответ на вопрос, как можно человеку жить в тесном заключении, одному, почти четверть века, в цветущие лета жизни». По своему содержанию эта «песнь» является

философской поэмой, в которую влетены исторические рассуждения о России ²⁵⁹.

В семейном архиве Кривцовых хранились стихотворения С. И. Кривцова, написанные им в крепости; они находились в распоряжении М. О. Гершензона и частично им опубликованы ²⁶⁰.

Из дошедших до нас стихотворений крепостного периода на первое место должен быть поставлен стихотворный перевод (на французский язык) одной из «мелодий» Томаса Мура («Музыка»), выполненный М. П. Бестужевым-Рюминым. Об этом подробно рассказывает Н. В. Басаргин: «Вошедший ко мне сторож мой знаками дал мне знать, что выводят Бестужева, и вдруг я услышал его голос: „Adieu, chers camarades! Je vais entendre ma sentence; je vous laisse un bout de papier comme souvenir“ *. Это был на четвертушке перевод его Муровой мелодии: La musique. Мне его отдал после него сторож наш». В примечании Басаргин добавил: «При отправлении моем в Сибирь этот клочок бумаги затерялся, и мне было очень жаль, что я не сохранил его» ²⁶¹.

Об Одоевском подробно рассказывают М. А. Бестужев и Д. И. Завалишин. «Вся его тюремная жизнь,— писал об Одоевском М. А. Бестужев,— вылилась в поэтических звуках. Не было самого обыденного обстоятельства, которое он не перенес <бы> в область фантазии». Это замечание имеет в виду главным образом сибирскую тюремную жизнь поэта, но, по свидетельству же М. А. Бестужева, Одоевский много сочинял и в Петропавловской крепости: «Мысли его витали в областях фантазии, а спустившись на землю, он не знал, как угомонить потребность деятельности его кипучей жизни. Он бегал, как запертый львенок, в своей клетке, скакал через кровать или стул, говорил громко стихи и пел романсы. Одним словом, творил такие чудеса, от которых у наших тюремщиков волосы подымались дыбом. Что ему ни говорили, как ни стращали — все напрасно. Он продолжал свое, и кончилось тем, что его оставили» ²⁶².

Завалишин рассказывает о стихах, которые импровизировал Одоевский в пасхальную ночь «при звуке пушечной пальбы» ²⁶³.

Эти стихи известны: «Воскресенье. В. Ю. Ланской». Кроме того, сохранилось еще два стихотворения Одоевского, написанных в крепости: «Сон поэта» и «Утро». Остальное до нас не дошло.

Завалишин же рассказывает о стихах Норова: «Больше всего жаль было Норова. Он был изранен и сильно страдал от ран. Но как ни тяжелы были физические условия для всех, как ни сильны страдания многих, но не было и тени того, что называется унынием. Норов беспрестанно напевал какие-то стихи: то русские, то французские». Завалишин запомнил один отрывок из русских стихов и одну строчку — из французских:

Сгибнут герои
В дальних странах;
Земля чужая
Скроет их прах.
Не озарятся
Солнцем родным,
Не примостятся
К предкам своим,
Но не чужие
Будут и там.
Там им родные
Все по душам.

* Прощайте, дорогие товарищи, сейчас я услышу свой приговор; оставляю на память вам клочок бумаги (франц.).

Возможно, что часть этой «казематской лирики» сохранилась и до сих пор. Еще в 1910-х годах М. О. Гершензон, разбирая семейный архив Кривцовых, видел «в груде листков», перелазивших С. И. Кривцовым из крепости родным, помимо стихов самого Кривцова и «стихотворения, писанные чужими почерками и разными чернилами, но, несомненно, возникшие в крепости»²⁶⁴. Но либеральному историку и участнику ренегатского сборника «Вежи» остались чужды и революционный пафос декабристской поэзии и интимные переживания узников; он пренебрег этими драгоценными документами, ограничившись лишь презрительным замечанием об их эстетической стороне.

Из многочисленных образцов этой «казематской лирики» он привел только стихотворный отрывок какого-то неизвестного декабриста. Последние строки его звучали так:

Теперь печальных чувств в расстроенной свободе,
Сужденный навсегда оставить край родной,
Пришел последнее «прости» сказать природе,
Чтоб встретить первую луну в стране чужой.

Сам Гершензон с осуждением писал о редакторе «Русской старины», который в 1889 г. пренебрежительно отнесся к «толстой» тюремной тетради Батенькова. Советский исследователь вправе применить это осуждение Гершензона к нему самому, читая его рассуждения о «наивной и прекраснородушной поэзии» узников Петропавловской крепости и его бестактные сравнения этой лирики с чем-то, «похожим на чирикание птички в клетке».

Более подробно, но далеко не с исчерпывающей полнотой, рассказал Гершензон лишь о стихах самого С. И. Кривцова. Он сохранил и названия некоторых из них: «Послание к Зах. Чернышеву», «День заключения», «На измену дружбы», «Похвала трубке». Некоторые из стихов С. И. Кривцова имели, по определению Гершензона, сентиментальный характер, другие — шуточный. О последних упоминает и Завалишин; он привел даже отрывок одной шуточной импровизации Кривцова, произнесенной при объявлении ему решения Следственной комиссии о предании его суду:

Нас в крепость посадили.
И, право, по делам,
Вперед, чтоб не шутили,
Не верили людям

и т. д.²⁶⁵

К группе «шуточных» Гершензон отнес и стихотворение, подробно описывающее «крепостное житье заключенных». Гершензон не понял и не оценил подлинного значения этих памятников тюремной поэзии декабристов и лишил, таким образом, историю русской жизни и литературы ценных памятников.

В одном стихотворении (мы называем его условно «Послание к родным»), очень близком по содержанию и настроению к «Тюремным стансам» Барятинского, Кривцов писал о переживаниях, вызванных сознанием нанесенного им тяжелого удара своим родным. «Может быть, я уже невозвратно погиб для вас, — говорит в этом стихотворении Кривцов, — но я не знаю за собой преступленья; я мог заблуждаться, но душа моя — чиста. Душа моя и теперь пылает святой любовью к отчизне, я не знал тщеславья, когда ставил себе целью добродетель...» и т. д. Для этого стихотворения Гершензон не нашел другого слова, кроме «сентиментальное», и проглядел то, что составляет его основное содержание: высокий гражданский

и патристический пафос. Исключительный интерес представляет стихотворение Кривцова «На измену дружбы», также причисленное Гершензоном к образцам «сентиментальной лирики». Он приводит его в прозаическом изложении: «Все друзья лишь до черного дня. В веселье все тебя любят, но лишь только разъяренная фортуна обратит на тебя свой суровый взгляд, все тотчас покинут тебя и всякий будет думать только о том, как бы поскорее спасти себя самого...»²⁶⁶. По своему содержанию это стихотворение должно быть поставлено в одном ряду с известным письмом Грибоедова к Бегичеву, навеянным поведением некоторых его товарищей по процессу²⁶⁷.

Весьма интенсивным было поэтическое творчество декабристов в период каторги и ссылки. Из многочисленных упоминаний в мемуарах и переписке хорошо известна разнообразная умственная деятельность декабристов в Чите и Петровском заводе. Уже в Чите было организовано «Литературное общество», председателем которого был избран П. А. Муханов. На заседаниях читались и обсуждались научные доклады, критические статьи, поэтические и прозаические сочинения. На одном из таких заседаний Н. А. Бестужев прочел свое «Воспоминание о Рылееве». В Чите же был составлен литературный альманах «Зарница», который предполагалось издать в Петербурге или в Москве «в пользу невольничко-заключенных». Сохранилось письмо Муханова по этому поводу к П. А. Вяземскому²⁶⁸. Сборник, конечно, издан не был, и только присланные Вяземскому стихотворения Одоевского оказались напечатанными, без подписи автора, в «Литературной газете» (1830) и в «Северных цветах» на 1831 год.

В ЦГИА хранятся разрозненные бумаги Муханова, среди которых находится несколько стихотворений Одоевского, самого Муханова и других поэтов²⁶⁹. Возможно, что это остатки материалов, предназначавшихся для альманаха, который составлялся под его руководством. Сохранившиеся наброски стихотворений Муханова позволяют думать, что существовали и другие его стихотворения, написанные в Сибири.

Крупнейшим поэтом периода каторги и ссылки декабристов был Одоевский. Из шестидесяти стихотворений, входящих в состав его «Полного собрания сочинений», только пять или шесть произведений написано не в Сибири; из сибирских же стихотворений лишь пять написано на поселении, все остальные — в Чите и Петровском заводе. Сам он очень редко записывал свои стихи; подавляющее большинство его стихотворений известно нам в записях его друзей: Розена, Лорера, М. А. Бестужева, И. И. Пущина, А. П. Беляева. Поэтому даже трудно представить себе, какое огромное количество стихов Одоевского погибло. Розен писал: «Одоевский сочинил поэму „Князь Василько Ростиславович“ и множество стихотворений на разные случаи. Лира его всегда была настроена. Часто по заданному вопросу отвечал он экспромтом премилыми стихами; в такие минуты играл румянец на его ланитах и глаза сверкали огнем». Он же добавляет, что Одоевский никогда не писал своих стихов на бумаге, но «сочинял всегда на память и диктовал другим»²⁷⁰. А. П. Беляев говорит о «многих тысячах» стихов Одоевского, пропавших без вести²⁷¹.

Очень много стихов Одоевского погибло у Розена, о чем последний сообщал Назимову 13 июля 1881 г.: «Раздавал я их всем, кто просил, да не все возвратили их, и вот уже три месяца стучусь, пишу — и все не могу получить»²⁷². Стихи Одоевского тщательно собирал на каторге Артамон Муравьев; у него была даже для этой цели особая тетрадь, «памятная многим товарищам»; тетрадь эта утрачена²⁷³.

Сам Одоевский писал отцу из Елани (в 1833 г.): «Через четверть часа я возвращаюсь, чтоб снова усестись на постели и читать какое-нибудь

произведение, которое мне полюбилось, например, летописцев моей родины, или принимаюсь размышлять о плане какой-нибудь поэмы или трагедии, которую, может быть, начну, но которой никогда не кончу, по милости разборчивой совести: еще никогда она не была довольна ни одним моим эпическим или трагическим планом и почти ни одной моей пиесой. А если я теперь когда-нибудь сочиняю их, стараюсь забыть: это для меня тем легче, что я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу, как вы давным-давно знаете это»²⁷⁴. На поселении — и в Елани и в Ишиме — вокруг Одоевского не было стольких заботливых друзей, как на каторге,

БЛАГОДАТСКИЙ РУДНИК. ГОРА, В КОТОРОЙ РАБОТАЛИ ДЕКАБРИСТЫ

Рисунок Вл. Федоровича, 1925 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

чтоб бережно записывать и сохранять его стихи и экспромты. В Елани он был совершенно одинок, потому-то так скудно число дошедших до нас стихотворений Одоевского этой поры.

Из времени сибирского поселения сохранились лишь его послания, то есть стихотворения, имеющие определенных адресатов и потому находившиеся в руках последних (послания отцу, Янушкевичу, записи в альбомах и т. д.).

Все эти сообщения и рассказы имеют слишком общий характер и дают представление преимущественно о количественной стороне утраченного наследия поэта. Но можно установить и некоторые конкретные факты. Известно о потере третьей песни поэмы «Василько», написанной в Чите (1829—1830). Первые две песни напечатаны в «Русской старине» 1882 г., по хранившемуся у А. П. Беляева рукописному списку, сделанному И. И. Пуциным. Беляев напечатал ее, как некое прибавление к своим воспоминаниям, как «памятник общеказематской жизни с дорогим другом и талантливым поэтом»; в следующей книжке (№ 3) он сообщил и четвертую часть, но третью часть он утерял. Содержание ее восстанавливается из письма Беляева к М. И. Семевскому, в котором он сообщил содержание

утраченной песни: «в ней заговор о погублении Василька, разговор с Святополком, вступление Василька с дружиной в Киев, посещение им храма, раздача милостыни, наконец, явление его во дворец к Святополку и, по клевете Давида, напугавшего Святополка, его арестование и отправление за город»²⁷⁵.

Более всего пострадала революционная лирика Одоевского, образцом которой является бессмертный ответ Пушкину. Вопреки утверждениям старого буржуазно-либерального литературоведения, революционные мотивы являлись преобладающими в его творчестве, что совершенно опровергает недопустимое именование его «случайным декабристом». Наоборот, Одоевский явился наиболее ярким выразителем декабристских настроений после 14 декабря; об этом свидетельствует «Ответ Пушкину», об этом же красноречиво говорят разнообразные известия о многих его произведениях, не дошедших до нас. «Звучные и прекрасные стихи Одоевского, — писал один из его товарищей по ссылке, — относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашею любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов»²⁷⁶. Одним из таких памятников революционной лирики Одоевского было стихотворение, прочитанное им, по рассказу Лорера, при открытии «каторжной академии». Это были стихи, посвященные Никите Муравьеву «как президенту Северного общества»²⁷⁷.

Стихотворение это не сохранилось. Из сообщения Лорера неясно: являлось ли оно посланием к Никите Муравьеву, или было только посвящено ему. Лорер далее прибавляет, что Одоевский «отлично» читал эти стихи и слушатели были растроганы «до слез». Не было ли это стихотворение посвящено истории Северного общества и судьбам его участников? Такой сюжет делал понятным и посвящение его Никите Муравьеву и реакцию слушателей.

По свидетельству Завалишина, тогда же Одоевским были написаны стихи о наводнении 1824 года. Завалишин именует их «дифирамб на наводнение». По словам мемуариста, Одоевский «изъявлял сожаление, зачем оно <наводнение> не потопило все царское семейство, наделяя его при этом самыми язвительными эпитетами»²⁷⁸. Принято думать, что это стихотворение сохранилось, но ошибочно включалось в собрание сочинений Лермонтова («Наводнение»). Оно было обнаружено в провинциальном рукописном сборнике, составленном в пятидесятых годах местным собирателем и краеведом Н. И. Второвым; первые же четыре стиха были известны и ранее по автографической записи Лермонтова в одной из его тетрадей²⁷⁹. Против приписывания данного стихотворения Лермонтову выступил анонимный критик «Весов», органа воинствующего декадентства, озаглавив свою заметку «Подложный Лермонтов». Не приводя, в сущности, никакой аргументации и исходя исключительно из субъективной эстетической оценки, неизвестный автор обрушивался на редакцию «Былого», готовую якобы приписать великому поэту «любые вирши, лишь бы в них были выпады против самодержавия»²⁸⁰. Эта тирада целиком изобличала подлинный смысл «тревоги» автора за наследие и имя Лермонтова, вследствие чего никто из лермонтоведов не нашел нужным с этой заметкой считаться, и данное стихотворение неизменно включалось во все полные собрания сочинений Лермонтова, хотя, — ввиду отсутствия полного автографа и невыясненности происхождения второвского списка, — в раздел «dubia».

Но в 1925 г. вывод автора реакционной заметки в «Весках» подхватил Н. О. Лернер, который также категорически отверг авторство Лермонтова. По его мнению, данное стихотворение является именно тем «дифирамбом», о котором рассказывал Завалишин. Что же касается

автографа первых четырех строк, то,—полагал Лернер,—Лермонтов мог записать начало этого стихотворения со слов самого Одоевского или со слов кого-либо из товарищей последнего²⁸¹. Соображения Лернера были безоговорочно приняты всеми исследователями. Из состава сочинений Лермонтова это стихотворение было исключено и введено в собрание сочинений Одоевского,—впервые в издании 1934 г., где оно помещено в отдел «приписываемых». Последующие исследователи уже не сочли нужным

АРТ. З. МУРАВЬЕВ

Портрет маслом неизвестного художника, 1820-е гг.
Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

считаться с осторожной оговоркой редактора И. А. Кубасова. Категорически присоединился к мнению Лернера и В. Г. Базанов, не приведя, однако, никаких новых соображений в защиту этой гипотезы. Базанову авторство Одоевского представляется уже «безусловным»²⁸².

Нам кажется, что вопрос этот более сложен и нуждается в дальнейшем исследовании. Решение об исключении этих стихов из состава стихотворений Лермонтова и о передаче их Одоевскому было принято слишком поспешно, без полного учета всех известных обстоятельств и даже без достаточного анализа самого текста стихов о наводнении.

Стихи Одоевского, о которых рассказывает Завалишин, были посвящены конкретному факту: наводнению 1824 г.; в данном же стихотворении изображено не наводнение, а революционное восстание. В нем нет никаких намеков на конкретный факт наводнения в 1824 г., а образ воли, грозящих гибелью дворцу, является только метафорическим изображением народного восстания. Царь сначала смотрит насмешливо на разбушевавшуюся стихию; довольный собою, он ждет, что море «спрячется как-раз»; когда же царь увидел, что «дружины вольные» не внемлют, он понял, что «прошла пора», когда «мятежников» можно было «разогнать» пушечной стрельбой. Что общего между этой картиной и картиной наводнения 1824 г.?

Эти стихи не о наводнении, а о революции: в них говорится о тщетной надежде победить восставший народ, хотя бы временно и удалось «рой мятежных» разогнать. Царя не радует прошлая победа, она не успокаивает его, его страшит призрак нового восстания, и он с тоской и смятением сознает свою обреченность. Что общего между этим стихотворением и рассказом Завалишина, кроме слова «наводнение»? Эти стихи навеяны не петербургским наводнением 1824 г., а восстанием 1825-го, о чем совершенно четко свидетельствует упоминание о ядрах, разогнавших «вольные дружины»:

Он <царь> понял, что прошла пора,
 Когда мгновенный визг ядра,
 Лишь над толпою прокатился
 И рой мятежных разогнал;
 И тут-то царь затрепетал

и т. д.

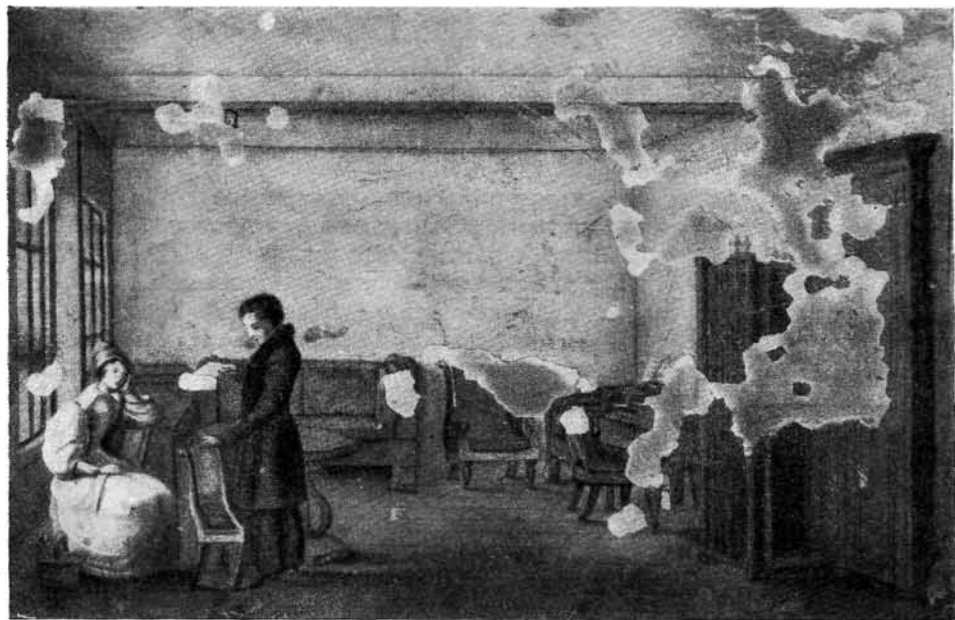
Нет в этом стихотворении ни каких-либо «язвительных эпитетов» по адресу царя, ни, тем более, пожеланий гибели его семейству. В данном контексте последние были бы совершенно неуместны. Стихотворение Одоевского, если только Завалишин правильно передает его содержание, было написано в ином плане и не может быть отождествлено со стихотворением второвского сборника. Если бы стихотворение Одоевского было, действительно, посвящено восстанию 14 декабря, Завалишин не преминул бы особо подчеркнуть это обстоятельство. Ведь весь смысл его тирады заключался в «изобличении» неискренних революционеров, которые то калялись, то изображали себя революционерами. К их числу он несправедливо относил и Одоевского. Как тут было не упомянуть о такой важной детали, как прославление 14 декабря, если бы оно действительно находилось в упоминаемых им стихах Одоевского. Все эти соображения приводят к мысли о невозможности отождествлять упоминаемые Завалишиным стихи о наводнении со стихотворением, обнаруженным в сборнике Второва и четыре первых стиха которого сохранились в автографе Лермонтова. Это — два различных произведения; подлинное же стихотворение Одоевского пока не разыскано.

Сохранились еще упоминания о многочисленных эпиграммах Одоевского, которые, по утверждению Завалишина, были посвящены чуть ли не всем его товарищам²⁸³. В тетради Артамона Муравьева они «насчитывались десятками», из них известна только одна: дружеская эпиграмма на самого Артамона Муравьева, извлеченная П. Е. Щеголевым из письма Завалишина²⁸⁴. С. В. Максимов сообщил о песне, «придуманной Одоевским» на голос русской песни «Во саду ли, в огороде», «специально приложенной к молотье ручными жерновами — невинному, но и нелегкому занятию», — прибавляет Максимов²⁸⁵.

Очень мало сведений о стихотворениях Одоевского, написанных на Кавказе. Огарев свидетельствует, что Одоевский и на Кавказе сочинял

стихи, которые не записывал, а лишь «читал наизусть людям близким». В числе этих «близких» был и Огарев, вспоминая позже: «...в голосе его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться». Всякие попытки записывать стихи с его слов Одоевский категорически отклонял. «Мне кажется, я сделал преступление, — признавался Огарев, — ничего не записывая, хотя бы тайком»²⁸⁶.

Известно, что существовало стихотворение, посвященное М.Л. Огаревой, жене поэта; упоминание о нем сохранилось в письме доктора Майера

В. П. и К. П. ИВАШЕВЫ В ТУРИНСКЕ, 1835—1839 гг.

Картина маслом неизвестного художника на крышке пинатулли, сделанной, по преданию, самим В. П. Ивашевым из его навалов

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к Сатину: «Г-жа Огарева обещала прислать мне Жюслэна; но не сделала этого. Если Вы находите это удобным, передайте ей прилагаемое четверостишие, посвященное ей Одоевским»²⁸⁷. Накануне смерти Одоевский читал «импровизированные стихи насчет молодого неопытного доктора»²⁸⁸.

Этими фактами исчерпываются наши сведения об утраченных произведениях Одоевского.

Отрывочны и недостаточно четки сведения о других поэтах-декабристах. Сохранились известия о не дошедших до нас баснях (без точных заглавий) и переложениях псалмов и евангельских текстов П. С. Бобрщева-Пушкина. Розен называл имя Бобрщева-Пушкина рядом с Одоевским и считал его «вдохновенным поэтом». «Он сочинил замысловатые басни, звучными стихами передал псалмы и чудное послание апостола Павла о любви». Товарищи Бобрщева-Пушкина были очень высокого мнения о его баснях; Завалишин утверждал, что они «заняли бы с честью место во всякой литературе». Несколько басен из этого периода сохранено Розеном, Лорером и Н. А. Бестужевым и опубликовано по их записям²⁸⁹. Оценку басен друзьями Бобрщева-Пушкина приходится признать весьма превеличенной.

Очень ценили декабристы творчество В. П. Ивашева. Розен ставил его в один ряд с Одоевским и П. С. Бобрищевым-Пушкиным. Он сообщает, что в Петровском заводе Ивашев написал большую поэму «Стенька Разин»²⁹⁰. Это лаконичное известие — единственное; ни о содержании этой поэмы, ни о ее характере и поэтических достоинствах нет никаких сведений; о ней не упоминает никто из других декабристов. Нет упоминаний о ней и в подробных биографических рассказах об Ивашеве его внучки О. Булановой²⁹¹. Ивашеву же принадлежала сатирическая песня о походе Дибича в Польшу, из которой приведено несколько начальных стихов в «Записках» Завалишина:

Дибич слово царю дал
Сладить с поляками —
Свое слово он сдержал
И поляков откатал
Своими боками...²⁹²

В Петровском заводе было написано знаменитое стихотворение М. А. Бестужева «Что ни ветер шумит», ставшее популярнейшей песней декабристов. Оно навеяно гибелью черниговцев и их вождя Муравьева-Апостола. Это стихотворение вызвало ряд подражаний. Известный сибирский общественный деятель, М. С. Знаменский (ученик декабристов), вспоминал о «печальной песне», которую любил напевать М. И. Муравьев-Апостол. В этой песне, — свидетельствует мемуарист, — «говорилось о судьбе его казненного брата»:

Уж как пал туман на Неву-реку,
Крепость царскую, Петропавловскую,
Не проглянуть с небес красну солнышку,
Не развеять тумана ветру буйному...²⁹³

Сохранилось несколько стихотворений Ф. Ф. Вадковского; об одном из них, написанном в Петропавловской крепости, мы уже говорили. Можно думать, что существовали и другие. В бумагах И. И. Пущина, вошедших позже в состав архива Якушкиных, находилось стихотворение Вадковского «Желание», написанное в условно-фольклорном стиле и формулирующее основные положения политической программы декабристов; позже этот листок был утерян и только благодаря находке другого списка (среди бумаг Зимнего дворца) удалось его опубликовать. Несомненно Вадковскому же принадлежит и находившаяся в архиве Якушкиных (из того же собрания Пущина) «Песня» («Мать ты наша родимая, ты святая Русь»). По содержанию, по основной мысли и особенно по общей для них фольклорной стилизации, оба эти стихотворения представляются идентичными и, безусловно, принадлежат одному автору. Это предположение подтверждается и фактом их совместного хранения в одной папке. В той же папке было еще одно стихотворение Вадковского, озаглавленное «Странная история». В нем, по свидетельству Е. Е. Якушкина, «в юмористической форме рассказывалось о свержении самодержавия». Оно было утрачено одновременно с оригиналом «Желания»²⁹⁴.

В связи с именем Вадковского следует упомянуть и о его музыкальных сочинениях. Он был выдающимся музыкантом-исполнителем (скрипачом) и композитором. О его музыкальном даровании подробнее всего рассказано в воспоминаниях Л. Ф. Львова²⁹⁵. Из его композиций сохранилась лишь музыка к стихотворению Одоевского «Славянские девы»²⁹⁶. Запись этой мелодии находилась в руках Огарева, который дал высокую оценку музыкальному дарованию Вадковского²⁹⁷.

Ряд музыкальных композиций был написан Пестелем. По сообщению С. Д. Толстой (внучки поэта Баратынского), в семье Баратынских очень

долго хранилось несколько произведений Пестеля, из которых уцелел лишь один отрывок²⁹⁸. В ЦГИА находится стихотворение неизвестного автора, озаглавленное «Стихи на музыку Пестеля». Его содержание: мысли приговоренного к смерти узника, борца за свободу, встречающего свое последнее утро:

Заалел восток...
Зарей последнюю наслаждаюсь.

Узник с гордостью говорит о своем высоком жребии «за свободу пасть», он умирает с верой, что «вольной мысли власть» с ним не падет, что «беспощадный гнет» разбудит Русь —

Закалит ее,
Мысли в меч скует,
Поразит тот меч
Беззаконных власть²⁹⁹.

НОТНЫЙ АВТОГРАФ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Сверху помета неизвестной рукой по-французски: «Музыкальное раздумье, сочиненное П. Пестелем, 1825»

Местонахождение оригинала неизвестно

Очевидно, это стихотворение написано кем-либо из друзей Пестеля, знакомым с его музыкальными произведениями и создавшим на их основе стихи, навеянные его судьбой. Возникает гипотеза о принадлежности этих стихов Ивашеву. Из друзей Пестеля, принадлежавших к его ближайшему окружению, поэтами были Бярятинский и Ивашев. Но Бярятинский писал стихи только на французском языке; Ивашев же был не только поэтом, но и музыкантом. Несомненно, ему были хорошо известны и музыкальные произведения Пестеля.

Очень распространена была в казематах «шутливая поэзия»: политические куплеты, образцом которых может служить упомянутая выше песнь Ивашева о Дибиче, стихи о событиях повседневной казематской жизни, шутливые стихи о товарищах. Главными представителями этой поэзии были А. П. Бярятинский и В. Л. Давыдов. Ими обоими была составлена целая тетрадь таких стихотворений, имевшая заглавие «Плоды

тюремной хандры». Эта тетрадь хранилась у М. А. Бестужева, и в 1861 г. была им отправлена вместе с другими материалами М. И. Семевскому: «Я даже разоблачаю нашу жизнь тюремную, прилагая тут же „Плоды тюремной хандры“ — сумбур, особенно правившийся Ильинскому³⁰⁰ и почти для него написанный Давыдовым и Барятинским»³⁰¹. Семевский очень тщательно сберег все материалы, переданные ему Бестужевым, но эта тетрадка где-то затерялась: в архиве «Русской старины», в котором сосредоточены все находившиеся у Семевского бестужевские материалы, ее нет; содержание ее неизвестно. Есть основание предполагать, что в каземате был составлен ряд аналогичных сборничков или тетрадок. Примером может служить уцелевшая в бумагах Семевского небольшая тетрадка под заглавием «Литературная сведельщина».

Сборнички такого типа, по свидетельству М. А. Бестужева, выходили за пределы тюрьмы и становились известны довольно широким кругам общества: в тридцатые годы, в Кяхте, местный врач А. И. Орлов издавал рукописную газету «Стрекоза», в которую иногда переписывал стихи из рукописных казематских сборничков. Помещал в ней Орлов и сведения о жизни декабристов в Петровском заводе. Из одной неоконченной записи Семевского видно, что в газете Орлова принимали участие некоторые из петровских узников, в том числе и М. А. Бестужев. Помещались в «Стрекозе» и «шутливые басни» В. Л. Давыдова. Давыдову принадлежали острые политические стихотворения сатирического характера (из них сохранилось лишь несколько отрывков в записках и рассказах М. А. Бестужева), в том числе сатирическая поэма («в 20 или 30 строф») о Николае I — «Николосор», которую Бестужев характеризовал как «прекрасную, едкую шутку». Имя «Николосор» составлено, несомненно, из сочетания двух имен: «Николай» и «Навухудоносор». Эта поэма до нас не дошла и только три неполных строфы сохранились в памяти М. А. Бестужева³⁰².

Очень мало сведений имеется о товарищеских шутливых стихотворениях и эпиграммах. Завалишин сообщает, что главным героем шуточных стихотворений был Бечаснов, «с которым случались беспрестанно приключения». О нем писались целые поэмы: «Похождения Бечаснова в царстве гномов», «Похищенный цикорий»³⁰³ и пр. В бумагах Н. А. Некрасова находится несколько строк из какого-то стихотворения о Бечасном, сообщенного Некрасову кем-то из декабристов³⁰⁴ (по всей вероятности, Назимовым).

В ссылке писали стихи А. А. Бестужев, Н. Ф. Заикин, Ю. К. Люблинский, Н. А. Чижов. Из стихотворений Заикина известна лишь его запись в альбоме М. И. Муравьева-Апостола, сделанная в Витимске 1 июля 1829 г.³⁰⁵ Является ли оно единственным, случайным стихотворением или были и другие стихи, принадлежащие ему, — неизвестно. Очень мало сведений и о стихах Люблинского. По словам его дочери, Изабеллы Люблинской, тетрадку со стихами Люблинского взял в 1856 г. один из его иркутских знакомых (Давиденко) для опубликования в заграничной печати; стихи эти пропали³⁰⁶. В рассказе Люблинской чрезвычайно важно указание на то, что эти стихи предназначались не для русских журналов, а для заграничной печати, то есть для «русской вольной печати»; это дает возможность более определенно судить о направлении творчества Люблинского.

Очень скудны сведения о поэтической деятельности А. А. Бестужева во время пребывания его в якутской ссылке. Своим родным он писал, что усердно «сочиняет стихи»³⁰⁷. Кое-что из стихов этого периода опубликовано, но, видимо, это лишь весьма незначительная часть его «якутской продукции». Николай и Михаил Бестужевы не высоко ценили поэтическое творчество брата и неохотно делились сведениями о нем. В ответ на прямой

запрос М. И. Семевского, М. А. Бестужев писал: «Есть некоторые стихотворения, писанные в Якутске, но это — такой вздор, о котором не стоит упоминать, тем более, что поэзия не была его трактовая дорога и мы с братом Николаем постоянно убеждали его бросить гремящие и писать дельное»³⁰⁸.

В Якутске А. А. Бестужев усиленно занимался немецким языком и немецкой литературой. «До позднего вечера читаю Шиллера и Гёте», — писал он матери и сестрам. Сохранилось несколько небольших его стихотворных переводов из Гёте, — но переводы из «Фауста», о которых он сообщал в том же письме, до нас не дошли, за исключением одного четверостишия, сохранившегося в рукописи (опубликовано Г. В. Прохоровым)³⁰⁹. Очень возможно, что некоторые из стихотворений периода сибирской и кавказской ссылки затерялись на страницах различных изданий тридцатых годов.

В Рукописном отделе Института русской литературы хранится набросанный рукой Бестужева список его сочинений: «Сколько я помню — вот какие мои сочинения напечатаны были в разных периодических изданиях». Этот список составлен был, очевидно, для сестры в связи с планом издания его сочинений; в нем названо и несколько неизвестных стихотворений: «Взор», «Прогулки по Лене», «К Коринне», «Эпиграммы» и «Эпитафия»³¹⁰. Действительно ли все это было опубликовано и не разыскано, или же Бестужев ошибочно считал некоторые свои вещи напечатанными, — сказать трудно. Перечисленные выше стихотворения остаются пока неизвестными. Большая часть этих произведений относится ко времени его пребывания в Якутске.

Продолжал писать стихи, находясь на поселении, и Батеньков. 16 августа 1846 г. В. И. Штейнгель писал из Тары в Селенгинск М. А. Бестужеву: «Скажу тебе, что Батеньков написал мне письмо, наполненное юных чувств и истинной дружбы; так что я изумлен был, читая, как могла сохраниться в нем эта благородная живость, которую он так отличался 20 лет назад. И сколько тут умного, интересного <...> Есть что-то похожее на надежду возврата в словах его, но загадочно; а в заключение увлекся поэзией и написал две строфы стихов. В первой представляет картину Невы, во второй переносится в Сицилию, чтобы сказать „как все тихо, спокойно и прелестно на поверхности — и какой растет огонь внутри“. Как жаль, что не оставил у себя копии, отправив это письмо с оказией — к жене. Не знал, что будет другая оказия писать к тебе, а с почтой не хотел послать: заметным сделалось бы то, что, повидимому, не заметили»³¹¹. Письмо Штейнгеля к жене не сохранилось; не сохранились и упомянутые стихи Батенькова. Вообще из стихотворений Батенькова этого периода до нас дошли лишь скудные отрывки.

В ссылке развилось поэтическое творчество декабриста-моряка Н. А. Чижова, биография которого теперь стала более известной благодаря разысканиям Б. Я. Бухштаба. Из додекабрьской лирики Чижова ничего не сохранилось, в ссылке же им написан ряд поэм и стихотворений. Одно из них «Нуча», заимствованное из якутских преданий, было помещено за полной подписью автора в «Московском телеграфе» и вызвало большое неудовольствие администрации, в результате которого почти все творчество Чижова (за ничтожным исключением) оказалось утраченным. В связи с возбужденным делом по поводу печатания стихов без соответствующих разрешений, у Чижова, жившего тогда в Олекминске, был произведен обыск и отобрана тетрадка стихов, препровожденная в III Отделение. Ныне стихи эти опубликованы. При этой же тетрадке «была препровождена» собственноручная записка Чижова, содержащая перечень его произведений в стихах и прозе. Три стихотворения из этого списка в тетрадке отсутствуют и до сих пор не найдены: «Юным друзьям»,

«Водомет», «К ранней птичке». Тетрадь датируется 1827—1829 гг. В Тобольске Чижов очень подружился с автором «Конька-Горбушка» Ершовым, и они вместе написали ряд шутливых водевилей; в числе их был водевиль «Черепослов» (1837), позже в какой-то мере вошедший в литературное наследие Козьмы Пруткова. Подробности этого эпизода неизвестны, ибо водевили Чижова и Ершова не сохранились; не ясно, какова степень участия каждого из соавторов в создании этой пьесы. Но каково бы ни было участие Чижова, глубоко знаменателен факт творческой встречи поэта-декабриста с представителем нового поколения русских поэтов³¹².

XI. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА ДЕКАБРИСТОВ

Очень мало сведений о не дошедшей до нас художественной прозе декабристов: романах, повестях, рассказах, путевых и бытовых очерках и проч. Этот участок литературной деятельности декабристов вообще мало известен и почти совершенно обойден историко-литературной наукой. Досоветское литературоведение отрицало самую возможность постановки вопроса о декабристской художественной прозе, и даже творчество А. Бестужева рассматривалось обычно вне связи с общей проблематикой и идейной сущностью декабризма. Не был установлен и круг имен декабристов-прозаиков; его составляют, помимо широко известного Александра Бестужева-Марлинского, Николай Бестужев, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, П. А. Муханов. Повесть Н. А. Бестужева «Шлиссельбургская станция» является одной из жемчужин декабристской художественной прозы³¹³. Корнилович написал несколько исторических повестей³¹⁴. Кюхельбекеру принадлежит роман «Последний Колонна» и ряд рассказов³¹⁵. Муханов писал рассказы и очерки: бытовые и путевые. В якушкинском архиве сохранилось несколько рассказов Н. В. Басаргина³¹⁶. В этот перечень мы не включаем мемуаров, из которых некоторые принадлежат подчас к лучшим образцам декабристской художественной прозы, как, например, — помимо исключительного по историческому и художественному значению «Воспоминания о Рылееве» Н. А. Бестужева, — «Записки» И. И. Горбачевского, М. А. Бестужева, Н. И. Лорера и др.

Корпус произведений, составляющих «декабристскую беллетристику», в тесном смысле этого термина, будет значительно пополнен, если мы учтем ряд известий о не дошедших до нас — временно затерянных или утраченных — произведениях. На первом месте — неизвестная повесть Н. А. Бестужева, о которой он сам рассказал в «Воспоминаниях о Рылееве»: «Однажды я написал повесть, в которой изобразил мучения влюбленного человека, томление страсти, отчаяние неразделенной любви, и изобразил это довольно живо. Насчет литературных занятий Рылеев и мы с братом составляли нечто целое. Ни один из нас не делал плана, не кочал сочинения, не показав другому. При первом моем свидании с Рылеевым он спросил меня, кончил ли я начатую мною повесть, и на утвердительный мой ответ просил ее прочесть. Я начал с описания веселых происшествий, перешел к завязке, принимая мало-помалу выражение грусти, которую хотел изобразить; дошел до того места, где любовь, где совесть, разделяя сердце героя повести, лишают его совершенно спокойствия, ведут его постепенно к отчаянию; наконец <...> дошел до описания всех ужасов бессонницы, самозабвения и покушения на самоубийство...»³¹⁷

Заглавия этой повести Н. А. Бестужев не называет. Ни одна из напечатанных им повестей или из сохранившихся в рукописи не соответствует данному пересказу. Н. А. Бестужев подчеркивает, что она была закончена, но по каким-то причинам он не опубликовал ее, а затем она, несомненно, была уничтожена вместе с другими его бумагами в декабрьские дни 1825 г.

К числу крупнейших и, вероятно, невозстановимых утрат принадлежит исторический роман М. С. Лунина «Лжедмитрий», написанный им в 1816 г. (на французском языке) в Париже. Написана была только первая часть; по свидетельству Ипполита Оже, она была передана академику

М. С. ЛУНИН

Литография с портрета 1822 г. Принадлежала А. И. Герцену
Центральный [государственный архив Октябрьской революции, Москва

Шарлю Брифо, который «пришел от нее в восторг». Оже сохранил и слова Лунина о своем романе: «Я задумал исторический роман из времен Лжедмитрия: это самая интересная эпоха в наших летописях, и я поставил себе задачу уяснить ее. Хотя история Лжедмитрия и носит легендарный характер, но все-таки это пролог к нашей теперешней жизни. И сколько тут драматизма!»³¹⁸

В «Воспоминаниях» Оже вообще много неточностей, особенно когда он рассказывает о своем пребывании в России. Но вряд ли ему нужно было изобретать такую подробность, как сочинение Луниным исторического романа, — поэтому, думается нам, нет достаточных оснований для отвода его сообщения об этом эпизоде биографии Лунина.

Не сохранилось никаких следов беллетристических опытов Е. П. Оболенского. Но из показаний Ф. Н. Глинки выясняется, что в конце десятых или начале двадцатых годов Оболенский писал повесть из древнееврейской жизни. Для этой цели он изучал (по какому-то французскому источнику) древнееврейское законодательство. Об интересе Оболенского к древнееврейскому законодательству сообщал также в своем показании Назимов. Занимался Оболенский и переводами; в частности, он перевел с немецкого драму Ф. Раупаха «Князь Хованские»³¹⁹.

Большим успехом в среде декабристов-узников пользовались повести и рассказы П. А. Муханова. Декабристы очень ценили литературный вкус и критическое чутье Муханова и считали его одним из образованнейших в своей среде литераторов. Писать он начал еще до ареста. Весной 1825 г. он посетил Кавказ, желая перейти на службу к Ермолову; перевод этот не состоялся, но плодом путешествия явилась рукопись — «Поездка в Грузию и Карабах» (1825), два отрывка из которой были помещены в «Московском телеграфе». Муханов предполагал издать свою «Поездку» отдельной книгой, о чем он говорил Митькову, характеризовавшему ее как «либеральную книгу» (ВД, III, 148, 420). Любопытно сопоставить с этим показание Бестужева-Рюмина о поручении, данном Муханову при принятии его в революционную организацию: «Узнавать о злоупотреблениях правительства, а также о степени и причинах народного негодования в губерниях, кои он объезжал с своим генералом» (ВД, III, 143).

В альманахе «Уrania» (1826) был помещен, уже после ареста Муханова (за подписью ZZ), его бытовой очерк «Светлое воскресенье», направленный против «большого света» и проникнутый сочувствием к «простому народу». По свидетельству М. П. Погодина, у Муханова «такими очерками была заполнена целая тетрадь»³²⁰. С чтением своих повестей Муханов выступал в «казематском университете». А. П. Беляев запомнил заглавие одной из них — «Ходок по делам», написанной около 1830 г.³²¹

Часть бумаг Муханова хранится в ЦГИА, среди них черновые наброски отдельных очерков: «Три генеральши», «Журналы» («Что нужно, чтоб быть журналистом») и другие. В одной из тетрадей, на внутренней стороне переплета, рукой Муханова набросан список заглавий этих очерков, вполне подтверждающий сообщение Погодина. Эти заглавия следующие: 1. Первый выезд на бал. 2. Барские толки. 3. Житейские слезы. 4. Светлая неделя. 5. Три генеральши. 6. Ходок по делам. 7. Филантропия. 8. Сбор на бал. 9. Дядюшка³²².

Видимо, с чтением этих очерков и выступал Муханов в «казематской» аудитории. То, что Беляев именует повестью («Ходатай по делам»), в действительности входило в эту серию очерков. Из упомянутых выше набросков Муханова видно, что он работал над очерком из сибирского быта «Гришка — байкальский разбойник»; тут же записана сентенция, имеющая несомненное отношение к данному замыслу: «Не воля раба — воля господина». На отдельном листке записано: «На что вы смотрите на московские причуды, — ужели для них оставить полезное дело? — Екатерина II в письме к Еропкину». Не было ли это замечание эпиграфом к какому-либо очерку?

Очень много писал в прозе до своего ареста М. А. Бестужев. Некоторые из его прозаических вещей получили одобрение брата Александра, но он предпочитал «взыскательный суд» старшего брата, Николая. В 1824 г. он написал очерк «Наводнение в Кронштадте». «Я наблюдал его

с высокой обсерватории и под горячим впечатлением этого страшного зрелища сделал простое и вместе потрясающе верное описание. Оба брата нашли его стоящим печати». Но печатание не было разрешено морским министром, «так как в этом описании было много истины, а ее-то и хотели скрыть от государя», — вспоминал он. Позже материалы этого очерка вошли в повесть, написанную М. А. Бестужевым в Петровском заводе (1830) под тем же заглавием: «Наводнение в Кронштадте 1824 года». В казематах же Бестужев написал несколько повестей из морской жизни: «Случай — великое дело», «Черный день» и другие, заглавий которых он не приводит³²³. Лорер, вспоминая о двух повестях Бестужева, утверждает, что они были прочитаны еще в Чите, стало быть, в 1828—1829 гг.³²⁴ Возможно, что он ближе к истине, так как М. А. Бестужев в «Записках» неоднократно ошибается в хронологии, относя многие факты читинского периода ко времени пребывания в Петровском заводе. Свидетельство Лорера подтверждается и читинским письмом Муханова к Вяземскому с обещанием послать вслед за стихами «подводу с прозой».

Ни одна из названных М. А. Бестужевым повестей до нас не дошла. Повесть «Случай — великое дело» еще в шестидесятых годах находилась в Москве у Е. А. Бестужевой. К М. И. Семевскому она почему-то не попала и погибла вместе с той частью бестужевского архива, которая осталась в Москве у сестер после смерти М. А. Бестужева. Остальные повести были сожжены им в Селенгинске. Беловые рукописи хранились у Муханова, но он их уничтожил³²⁵. Черновые отрывки морских повестей М. А. Бестужева находятся в дошедшей до нас части его архива (ИРЛИ).

В значительно лучшем виде сохранилось наследие Александра Бестужева: некоторые ненапечатанные при его жизни рукописи хранятся в архиве Института русской литературы. В упомянутом выше списке отмечены в качестве напечатанных неизвестные нам «анекдоты»: «О лгуне», «О часовом», «Новый орден». В этом же списке названа «Сказка о происхождении якутского народа». Что представляет собою это произведение — историко-этнографический очерк или художественное изложение какого-либо якутского предания, — неизвестно. В письме С. Д. Нечаева к А. А. Бестужеву (1825) упоминается о повести последнего «Кольцо»³²⁶, — впрочем, из письма неясно, идет ли речь о написанной повести или только о замысле.

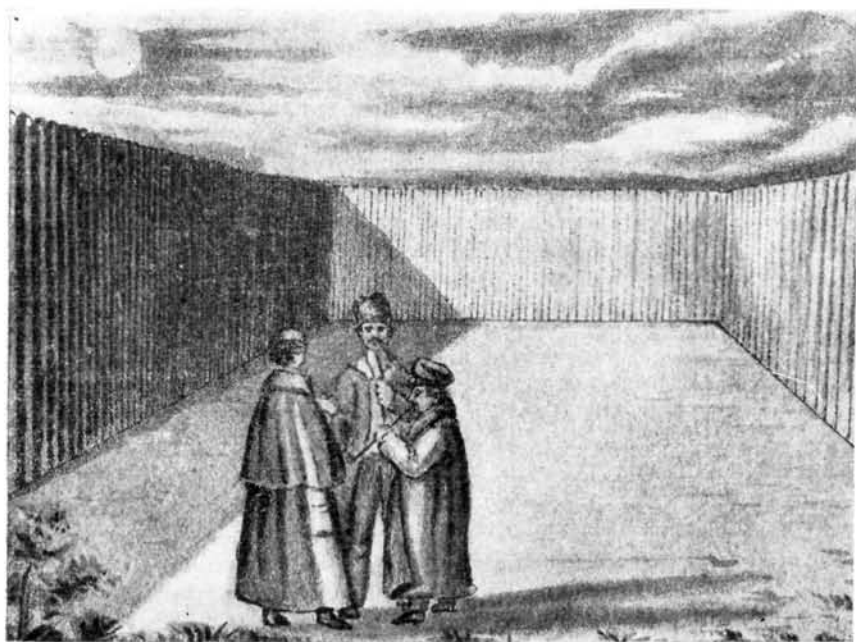
Своеобразно сложилась судьба младшего брата Бестужевых — Павла. Формально, конечно, он не является декабристом: он не был членом Тайного общества и не принимал участия в восстании 14 декабря; в момент восстания он еще находился в корпусе. Но восстание и роль в нем его братьев очень отразились на его дальнейшей судьбе: по первому же, и совершенно необоснованному, подозрению он был исключен из корпуса, арестован, а затем отправлен служить на Кавказ. Михаил Бестужев с полным правом говорил о «пяти братьях Бестужевых», «погибших в водовороте 14 декабря». Вспоминая о своих ранних литературных опытах, М. А. Бестужев попутно упоминает и «маранье» двух младших братьев: Петра и Павла. Эти юношеские и детские опыты не сохранились. Павел Бестужев обладал несомненным литературным дарованием, и старшие братья усиленно побуждали его к писательскому труду. Под настойчивым воздействием Александра Бестужева он написал очерк «Замечания на „Путешествие в Грузию“», который, однако, из корыстных соображений редактора, был напечатан под именем его брата³²⁷. Это обстоятельство оскорбило Павла и отвратило на некоторое время от литературной деятельности, — вернее, от общения с журналистами. Но в 1840 г. он написал два очерка: «Мы с вами квиты» и «Филиппу — прямо в правый глаз»³²⁸. Они были отправлены им в «Иллюстрацию», но напечатаны не были: рукописи их утрачены.

Не дошел до нас ряд прозаических вещей В. К. Кюхельбекера. Из Динабурга он сообщил Дельвигу (1830): «Я написал роман, который, вероятно, погиб <...> Название его „Деодат“»³²⁹. В списке своих произведений, посланном Жуковскому, он называет начало романа «Дети капитана Ле-Гранжа <или Ле-Гранта?»», а в списке, приложенном к завещанию, — «Смерть» (повесть, рассказ?). Все эти произведения неизвестны.

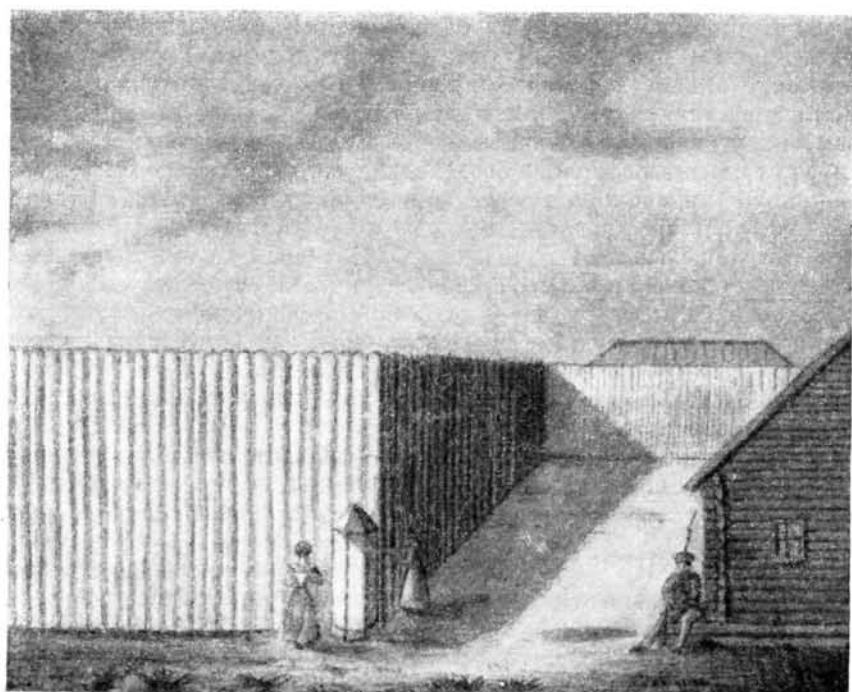
Совершенно утрачена проза Н. А. Чижова; в показании он говорил о своих произведениях, помещенных в журналах³³⁰, но из всех его декабрьских вещей известны лишь статья «О новой земле» (1823) — талантливо написанный научно-популярный очерк, излагающий результаты экспедиции Ф. П. Литке, участником которой он был, — и лирический очерк «Одесский сад. Воспоминания о Черном море» (1823). В списке, отправленном в III Отделение, перечислен ряд прозаических вещей Чижова: повесть «Еким Простота», «Письма с берегов Лены», «Гунисская пленница», «Отрывок из записок путешественника», «О любви к отечеству», «Мысли и замечания», «Поединок», «Кукольное царство. Автомат», «Прогулки по Лене», «Клад (повесть)»³³¹. Жанр этих произведений обозначен только в двух случаях — повести: «Клад» и «Еким Простота»; вероятно, повестью или рассказом является «Кукольное царство»; в остальных можно угадать различные виды литературных произведений: краеведческий очерк, критические замечания и т. д. Все это до нас не дошло, и только этот сохранившийся перечень заглавий свидетельствует о еще одном загубленном и нераскрывшемся даровании. В. И. Штейнгейлем в конце пятидесятых годов был написан «этюд» о путешествии по Алтаю, в котором он, между прочим, описывал свою встречу с заводскими крестьянами. Этот очерк до нас не дошел³³².

В число декабристов-писателей давно уже включено имя А. Д. Улыбышева, гораздо более известного в качестве музыкального критика и автора труда о Моцарте. Декабристом формально Улыбышев не является, но он был членом «Зеленой лампы», и прочитанные там его произведения «Сон» и «Письмо к другу в Германию о петербургском обществе» являются характернейшими памятниками декабристской публицистики и декабристской эстетики. Непосредственных организационных связей с Тайным обществом у него, видимо, не было или они остались неустановленными; в «Алфавите декабристов» Улыбышев упомянут лишь как член «Зеленой лампы». Он принадлежал к большому числу спасшихся от разгрома участников ранних политических кружков, но в отличие от многих из них он остался верен настроениям и идеям своих юных лет. Об этом свидетельствуют его рукописи, находившиеся в руках его биографов и частично дошедшие до нас. Он писал повести, рассказы, драмы. «Легче пьеница закоренелый откажется от кабака, чем писатель от чернил, — записал он в своем дневнике (1843), — вдруг страсть к литературному делу опять овладела мною. Стало что-то скучно без этого. Материалы к повести или роману были у меня давно готовы. Выбрал заглавие: „Последняя любовь. Быль-небылица“ и пустился в пляс. Такой вздор писать несколько легче, чем биографию Моцарта, да при том же я нахожу, что по-русски как-то само собою пишется. Язык чудесный и, по-моему, в миллион раз лучше французского...». Как полагал Гацисский (на основании других дневниковых записей), эта повесть должна была носить автобиографический характер, — тем более приходится сожалеть о ее утрате.

Особый интерес могли бы представить драмы Улыбышева. По словам Гацисского, «они всегда имели жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другие дурные стороны современного общества». В печать проникла (только после его смерти, уже как архивный документ) лишь одна драма: «Раскольники» (1850);

ГРУППА ДЕКАБРИСТОВ ВО ДВОРЕ ТЮРЬМЫ В ЧИТЕ
Рисунок (сепия) декабриста Н. П. Репина, 1827—1830 гг.
Музей Революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ У ЧИТИНСКОГО ОСТРОГА
Рисунок (сепия) декабриста Н. П. Репина, 1827—1830 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в ней резко ощущается декабристская закваска. Улыбышев поднимает в этой драме вопрос о народной (то есть простонародной, крестьянской) чести и народном достоинстве, о праве крестьянина защищать свою честь так же, как сделал бы оказавшийся в аналогичном положении дворянин. В ней же, впервые в русской художественной литературе, высказана мысль, что распространение сектантства в России вызвано произволом и развращенностью администрации и бессердечным эгоизмом дворян-помещиков. В Отделе рукописей ГПБ сохранилась комедия Улыбышева «Вдыхатель без денег», высмеивающая чиновничество³³³. Остальные драматические произведения Улыбышева затерялись; мы не знаем даже заглавий их; неизвестна и судьба бумаг его.

ХII. ДЕКАБРИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Вопрос о декабристской публицистике — о ее составе, содержании, характере, стиле — очень слабо освещен в декабристоведческой литературе, — изредка некоторые из этих тем затрагивались отдельными авторами, но всегда попутно, по частным поводам, и главным образом в связи с биографическими исследованиями. Однако декабристская публицистика имеет самостоятельное значение как определенная историческая и историко-литературная проблема.

При изучении ее возникают большие трудности: публицистическими элементами пронизано большинство произведений декабристов и не всегда легко выделить из круга декабристских писаний такие, которые могут быть названы собственно публицистическими. В существующих сборниках и антологиях термин «публицистика» обычно понимается в очень широких очертаниях, включая в свой объем наряду с собственно публицистическими произведениями М. Ф. Орлова и В. Ф. Раевского и уставно-организационные документы («клятвы» и «присяги»), и агитационно-политические произведения, и «записки» из крепости, и даже показания во время следствия. Дело, конечно, не в формальном распределении по жанрам, а в уточнении различных видов и методов деятельности декабристов и форм их литературного воздействия на общественное мнение. Одно дело — слово, призванное звучать в собраниях заговорщиков или предназначенное для организации масс, другое — когда это слово является вынужденным, созданным в условиях заключения, и предназначено для весьма ограниченного и узкого специфического круга «читателей». Публицистическое же произведение — литературно-общественное выступление, рассчитанное на широкую (не ограниченную и тем более не специфически замкнутую) аудиторию, хотя бы в некоторых случаях оно и было вызвано частным поводом и имело специального адресата, как, например, «Письмо к Гоголю» Белинского.

В декабристской литературе такими собственно публицистическими произведениями являются «Письма к Бутурлину» Орлова, его же «Речь в библейском Обществе», распространявшаяся в многочисленных списках, незаконченные памфлеты В. Ф. Раевского; «О солдате», «О рабстве крестьян», записки Н. И. Тургенева («О барщине», «О крепостном состоянии в России» и др.), предназначавшиеся для широкого распространения, «Письма из Сибири» М. С. Лунина, рассуждение «О повиновении высшей власти» М. А. Фонвизина, некоторые сочинения Ф. Н. Глинки, В. И. Штейнгеля и др.

Вполне понятно, что эта часть литературного наследия декабристов наиболее пострадала: сохранилось лишь то немногое, что уцелело в частных и государственных архивах. Соответственно этому очень ограниченным представляется и круг имен декабристов-публицистов; но это неболь-

шое число должно быть пополнено именами авторов некоторых не дошедших до нас произведений, значительная часть которых была известна лишь узкому кругу единомышленников и позже читателям «обязательным», то есть следователям, жандармам и т. п. В число декабристских писателей-публицистов, кроме упомянутых, следует включить еще В. Н. Лихарева, М. М. Спиридова, П. Ф. Выгодовского, П. И. Борисова, Я. М. Андреевича, И. Ф. Шимкова; может быть, к ним нужно присоединить и имя К. П. Чернова. Произведения названных лиц не сохранились, и все они, за исключением «Записки о военных поселениях» (1823) В. Н. Лихарева, принадлежат как раз к числу тех литературных памятников, круг воздействия которых был вынужденно ограниченным.

В. Н. Лихарев известен главным образом своей трагической судьбой и роковой ролью, которую он невольно сыграл в истории декабристского движения: именно, вследствие его неосторожности и излишней доверчивости удалось проникнуть в ряды Тайного общества провокатору Бошняку. Внутренний мир и духовный облик Лихарева остаются от нас скрытыми, но несколько уцелевших его писем да скупые строки о нем в письмах и мемуарах заставляют догадываться, что в лице Лихарева декабристское движение располагало крупной и далеко незаурядной интеллектуальной силой. Лорер восхищался его начитанностью, великолепным знанием многих иностранных языков, «благороднейшими свойствами его характера» и называл его одним из замечательнейших людей своего времени. Из его воспоминаний мы знаем о близкой дружбе Лихарева с Лермонтовым и об их последнем споре по поводу философии Гегеля, во время которого Лихарева поразила вражеская пуля. Рассказ Лорера о смерти Лихарева, как можно судить по письмам родственников последнего, не вполне достоверен, но весьма характерно и самое возникновение такой легенды о последних минутах Лихарева. Письма Лихарева к сестре показывают, что он не был случайным деятелем движения, но принадлежал к числу наиболее убежденных и искренних. «Я тебя умоляю, — писал он сестре из крепости, — никогда не называй меня несчастным, как называют меня другие. Несчастье, которое оплакивают во мне, неспособно меня убить, я горжусь своими кандалами. Я могу остаться с поднятым челом перед судом божеским и людским»³³⁴.

Имя Лихарева должно быть включено в круг имен декабристов-литераторов как автора названной выше «Записки о военных поселениях». По показанию В. Л. Давыдова, Лихарев сам вызвался написать такую «Записку»; по сведениям же Следственной комиссии, она была составлена им по прямому поручению Пестеля. Пестель, однако, отрицал свою инициативу, уверяя, что он этой «Записки» не видел и что вообще она не была закончена. Пестель сознательно изменяет ее заглавие, называя ее «Запиской о всех замечательных происшествиях, случившихся в военных поселениях» (ВД, IV, 168), то есть придавая ей ограничительное значение исторического сообщения. Следственная комиссия отвергла версию Пестеля и в «обстоятельства, принадлежащие к силе вины» Пестеля включила специальный пункт о поручении, данном им Лихареву (ВД, IV, 223). В «Алфавите декабристов» о Лихареве написано категорически: «...сочинил взгляд на военные поселения в духе Общества» (ВД, VIII, 115). Лихарев «собирался писать» государю и даже набросал проект письма. Он хотел «раскрыть» Александру, «насколько он обманут своими вероломными слугами и насколько страдают интересы народа»³³⁵.

Это показание позволяет отчетливее представить историю создания «Записки» Лихарева: первоначально он хотел ограничиться лишь пространным письмом к государю. Давыдов отговорил его, указав на явную бесплодность такого шага, и одновременно рассказал о нем Пестелю. Последний же решил направить замысел Лихарева по иному пути.

Писателем-публицистом, чьи произведения целиком погибли в рукописях, был М. М. Спиридов. Сын сенатора-писателя, внук по матери знаменитого историка XVIII в., князя Щербатова, заслуженный боевой офицер, участник Отечественной войны, Спиридов являлся даже в среде южных революционеров одним из самых блестящих и образованных деятелей. По замечанию М. В. Нечкиной, «по типу своему» он «более подходил к Южному обществу»³³⁶. Он был очень начитан и много занимался: писал и переводил. Н. Ф. Лисовский показывал, что у Спиридова среди разных бумаг были переводы «из непозволительных французских книг» и «собственные вольнодумные сочинения». Он же сообщил, что Спиридов все эти бумаги «сложил в ящик и закопал в землю» (ВД, V, 133). Сам Спиридов давал по этому вопросу несколько сбивчивые и путаные показания. Он утверждал, что «отдал их своему человеку, Григорью Максиму, с тем, чтоб он их спрятал или уничтожил» и что «он не хотел даже знать, куда он их девал». Когда же узнал, что бумаги зарыты в землю «у Кокошкина на квартире, где он жил», тогда приказал сжечь их. Позже выяснилось, что после ареста Спиридова его служители вынули бумаги из земли и бросили в топившуюся печь (ВД, V, 151). Таким образом, все сочинения Спиридова погибли; уцелели лишь сохранившиеся среди его книг «выписки из разных сочинителей о военном искусстве»; вероятно, среди них были и выписки из книг по истории средних веков; историческими науками он особенно интересовался и позже читал в «казематском университете» лекции по истории западноевропейского средневековья. В показаниях об уничтоженных бумагах Спиридов сообщил и названия своих сочинений, «скрыв, несомненно, наиболее резкие и опасные. Он назвал «Замечания на Государственный завет» (ВД, V, 148) и, кроме того, следующие сочинения: 1) «О воле и вольности человека», 2) «О власти отцовской», 3) «О незаконнорожденных», 4) «Правила жизни собственно для себя», 5) «Разные замечания», 6) «Глас патриота», 7) «О действиях всегда мерами добра, честности и правоты» (ВД, V, 135—136, 148).

Кроме выписок и оригинальных статей, в его бумагах были переводы из философских и исторических сочинений, — в числе последних: «Речь Мария при отправлении его на войну» против Югурты Саллюстия и «Речи Цицерона против Катилины» (ВД, V, 148). Характерен выбор этих произведений для перевода: оба они — не столько исторические сочинения, сколько публицистические.

К числу публицистических, поскольку можно судить по приведенным им заглавиям, принадлежали и собственные статьи Спиридова, некоторые из них можно назвать философско-публицистическими. Воссоздать содержание уничтоженных рукописей, конечно, немисливо, — для этого слишком мало данных, — но понять их смысл и направленность в некоторых случаях возможно. Самая тематика чрезвычайно показательна и типична для круга декабристских интересов. В статье «О воле и вольности человека», несомненно, была затронута проблема крепостного права; статья «О действиях всегда мерами добра...» включалась в круг острейших вопросов того времени, связанных с темами воспитания и обучения нижних чинов и, быть может, являлась теоретическим обоснованием системы, отрицавшей «палочные методы» обучения.

Очень актуальной была и тема «О власти отцовской»; на эту же тему была статья П. Ф. Выгодского, отобранная у него при аресте, этот же вопрос подробно освещался в сочинении Е. П. Оболенского «Об обязанностях гражданина». Тема статьи «О незаконнорожденных» также давно была поставлена лучшими представителями прогрессивной русской мысли (Шнин³³⁶, Пушкин). Правовому положению незаконнорожденных посвящено несколько параграфов в «Русской правде»; пункт 8 § 3 главы

пятой («О народе в гражданском отношении») гласит: «Дети незаконнорожденные ставятся наравне с подкидышами и детьми, коих родители неизвестны»; в §§ 9 и 10 трактуется о порядке «узаконения» незаконнорож-

П. Ф. ВЫГОДОВСКИЙ

Портрет маслом неизвестного художника

Был послан в 1845 г. Выгодовским из Сибири своему другу и задержан III Отделением
Центральный исторический архив, Москва

денных и об их правах на наследство. Возможно, что данная статья Спиридова составляла часть его критических замечаний на «Русскую правду».

Одна из статей Спиридова была озаглавлена «Глас патриота». Такое заглавие характерно для сочинений, которые подвергали острому критическому анализу современную русскую действительность; так могла быть озаглавлена любая из «записок», направленных Николаю I из крепости

(А. А. Бестужева, Якубовича, Каховского, Штейнгеля и др.). Статья «Правила жизни собственно для себя» свидетельствует, что Спиридов напряженно размышлял над этическими проблемами; в ряд с ней идут и его переводы философских и дидактических сочинений: «Самобеседование» Стерна и «Правила философии, политики и нравственности» Вейсса. Последняя книга была очень популярна в кругу передовой молодежи начала XIX в.; известно об увлечении ею круга друзей Пушкина в Лицее³³⁷.

Совершенно исключительна судьба литературного наследия П. Ф. Выгодского, как, впрочем, исключительна и вся его личная судьба. Выгодский — единственный в среде декабристов — крестьянин. Его настоящая фамилия — Дунцов (подлинное его имя не установлено), отец его был крестьянином Подольской губернии; 17-ти лет Дунцов бежал из родного села, раздобыл где-то чужие документы на имя дворянина Павла Фомича Выгодского, окончил школу ордена тринитариев и поступил канцелярским служителем в Ровенский нижний земский суд. Осужден он был по 8-му разряду и после годичного пребывания в Чите отправлен на поселение в Нарым³³⁸; но ему, подобно Лунину, пришлось испытать второе тюремное заключение и вторичную ссылку. В 1854 г. он написал жалобу на местных чиновников. Составленная в резких выражениях, она послужила поводом для нового ареста и создания нового дела. Выгодский был предан суду «за оскорбление должностных лиц», приговорен к наказанию плетью и ссылке в Вилуйск. Оскорбленные Выгодским чиновники не постеснялись расплатиться с ним полной мерой. В результате он, единственный из декабристов, не был амнистирован в 1856 г.; манифест избавил его только от телесного наказания. Вместо возможного возвращения на родину и приобщения к гражданской жизни, ему суждено было вновь пережить изгнание; он был отправлен в Якутскую область, где и умер. Выгодский был и писателем. Он владел французским языком, прекрасно изучил латинский язык и был очень начитан в философской литературе. Польским языком он, видимо, владел так же свободно, как русским³³⁹.

Вполне как писатель и мыслитель Выгодский сложился на каторге и в ссылке. При аресте в 1854 г. у него было отобрано 3588 листов рукописей разнообразного содержания. По отзыву следователей, они были «наполнены самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях, с превратными толкованиями священного писания и даже основных истин христианской религии»³⁴⁰. Все эти «дерзкие писания» уничтожены, в III Отделении сохранилась лишь «Выписка из бумаг государственного преступника Выгодского»³⁴¹. Эта «выписка» представляет собою весьма неискусно составленное сжатое обозрение рукописных сочинений Выгодского; из этого обозрения трудно понять, сколько было сочинений, какие из них являлись вполне законченными и какие лишь отрывочными замечаниями; не всегда ясно, что приведено составителем обозрения текстуально и что является изложением или пересказом; только изредка приведены точные заглавия отдельных сочинений, — и потому не всегда можно понять, идет ли речь об отдельном сочинении или о главах одной и той же статьи и т. д. Но общее направление и стиль определяются достаточно ясно. Перед нами — убежденный и непримиримый враг самодержавия и феодально-крепостнического строя, враг официального христианства, защитник интересов «рабочего народа» и крестьян («мужиков»). Если бы эти рукописи сохранились, история русской революционной мысли пополнилась бы рядом ярких, замечательных страниц.

Подлинные заглавия установить, как уже сказано, с полной ясностью нельзя. «Выписка» сообщает только два точных заглавия: одно — «О свободе свободных, свободы ищущих, и о рабстве работных, свободой поль-

зующихся»; другое — «Очки». Смысл этого странного заглавия раскрывается из сохранившегося в том же деле (л. 20) письма Выгодовского к Петру Ивановичу Пахутину: «Тамерлан сжег одни лишние книги Александрийской библиотеки; самая же главная уцелела, но она вся в иероглифах; чтобы ее читать, нужны *магические очки* или, вернее всего, за недостатком очков, вера и при ней надежда и любовь; духовные рычаги — основные начала разума человеческого, без них же на земле лабиринт; в нем мрак, тьма и минотавр». Это письмо датировано 20 января 1848 г.; очевидно, к тому же времени относится и данная статья. Содержание ее в целом — неясно, но, как можно судить по письму к Пахутину, в ней были затронуты кардинальные вопросы жизни и истории человечества. Из официального конспекта можно лишь установить, что Выгодовский писал в этом сочинении о разных предметах: об истории древнего Египта, о характере образованности древних народов, об увеселениях и плясках. Последняя тема трактовалась, однако, не столько в историко-этнографическом плане, сколько в политическом. Указывая, что пляски произошли от разных причин, Выгодовский подробно останавливается на принуждениях: «Кто пляшет по воле, а кто поневоле. Насилие и палка составляют такую музыку и гармонию, которая добывает из человека одни слезы и страдательные стенания». В качестве примера он приводил распоряжение «варшавского касика» (Паскевича): устраивать праздники и увеселения по случаю взятия Варшавы.

Статья «О свободе свободных» направлена против дворянства и его привилегий, создающих положение, явно и глубоко, с точки зрения автора, противоречащее духу подлинной христианской церкви. С большой долей вероятности можно восстановить еще одно точное заглавие. В «Выписке» сказано: «Что касается до писем, то таковых в рукописях Выгодовского весьма немного. Они писаны были им к брату (но неизвестно, отправлены ли были по принадлежности) и обнаруживают похвальные чувства Выгодовского к его матери и всем родным, но, вместе с тем, в них Выгодовский не упускал случая осуждать как действия начальственных лиц, так и другие предметы». Нет сомнений, что эти неотправленные письма представляли собой не реальные письма к брату, а письма-памфлеты типа «Писем из Сибири» или иначе — «Писем к сестре» Лунина, может быть и задуманные и составлявшиеся под прямым влиянием последних. Предположение о знакомстве Выгодовского с этим произведением Лунина вполне законно, ибо в числе переписчиков «Писем из Сибири» были П. Ф. Громницкий и И. И. Иванов — ближайшие товарищи Выгодовского по Обществу Соединенных Славян. Известно, что «Письма из Сибири» пересылались в разные пункты поселений декабристов, и, конечно, друзья Выгодовского переслали и ему экземпляр. Это произведение Выгодовского можно представить под условным названием «Письма к брату»; в одном из них (1851) находилось рассуждение об Иисусе Христе и тут же о гербе Российской империи.

Непосредственное влияние писем Лунина, — если, конечно, это не параллельная разработка одной и той же темы, естественно, занимавшей мысли сосланных политических деятелей, — можно видеть в статье Выгодовского «О политических изгнанниках». В ней он писал: «*Что на земле существует и красуется политическим бытием и жизнью, то заживо умерло вечной смертью, и наоборот, что только здесь лишено политического бытия и живота, а существует в уничтожении, отраженно от мира политического, в преследовании и страдании от него, то обрывается здесь в живой, славу и блаженство вечного живота.*»

Вероятно, самостоятельное значение, в качестве отдельной статьи, имел резкий и невероятно острый памфлет на Николая, который «удавил сперва пять человек на виселице, а потом уже отправился в Москву под

венец короноваться». Чиновник, составивший выписку из этой статьи, осмелился включить в нее и строки, в которых Николай I именовался «прохвостом», более похожим на «кавалергардского флангового», чем на «вождя-царя».

Заглавия прочих утраченных сочинений Выгодовского можно условно восстановить следующим образом: «О Ветхом завете», «О происхождении вселенной», «О самолюбии и честолюбии», «О трудах императорского Вольно-экономического общества». Все сочинения Выгодовского имеют ярко выраженный публицистический характер; в них затронуты явления из самых разнообразных жизненных сфер, трактуются вопросы экономические, исторические, космогонические и т. д., но все это лишь повод и материал для рассуждений общественно-политического характера, — его сочинения представляли собою страстные публицистические памфлеты.

Из различных материалов, находящихся в следственных делах, выясняется, что у некоторых декабристов существовали и частью были отобраны различные бумаги «вольномысленного содержания»; такие бумаги были найдены у Шимкова и у Андреевича, однако последнему удалось убедить судей, что это были переводы с французского, сделанные им ради упражнений в языке (ВД, V, 382). Захваченные бумаги, видимо, составляли лишь часть таких выписок и собственных сочинений. Горбачевский сообщил о «вольнодумческой прозе» П. И. Борисова (ВД, V, 192). Завалишин утверждал, что большое количество выписок и замечаний осталось после К. П. Чернова, члена Северного общества, убитого на дуэли Новосильцовым; эти «выписки» и «замечания» позволяли видеть, — по словам Рылеева, переданным Завалишиным, — в Чернове «не бездельную опору» для Тайного общества (ВД, III, 373). Очевидно, «замечания» Чернова также имели характер размышлений на общественно-политические темы. Публицистический характер имеет и заглавие одного из очерков Н. А. Чижова («О любви к отечеству»)³⁴².

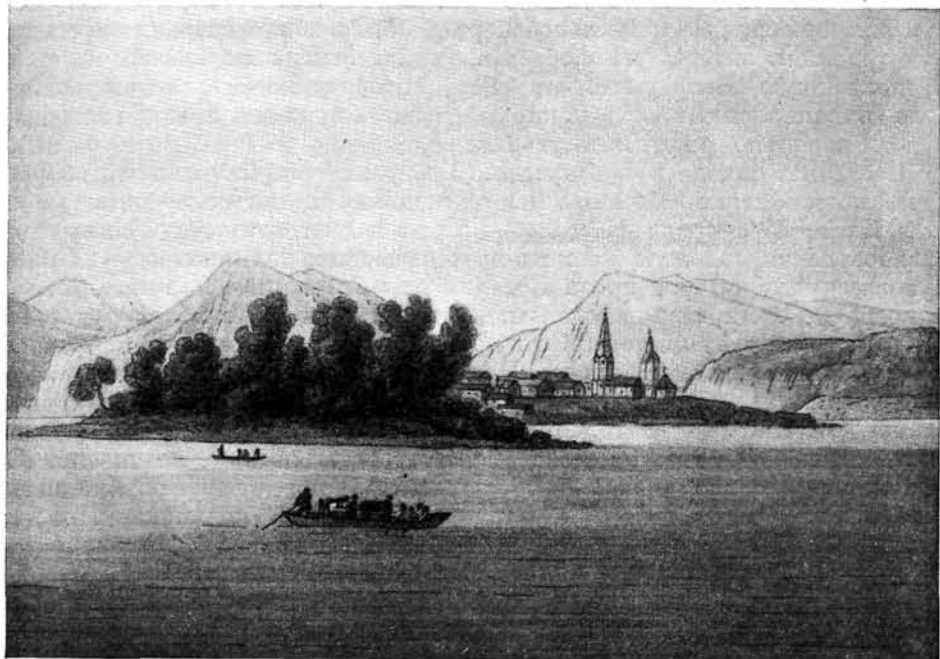
Статьи публицистического содержания читались и в заседаниях «Вольного общества любителей словесности». Протоколы сохранили упоминание о статье Ф. Н. Глинки: «Мысли о судьбе человека и гражданских обществ», прочитанной им в июне 1820 г. Как выдающееся событие эта речь была отмечена и в хронике «Отечественных записок»³⁴³.

В качестве публициста и журналиста выступал в 1829 г. Петр Бестужев. Из очень правдивых и точных воспоминаний кавказского старожилы Василия Андреева известно о рукописной газете «Ахалцихский Меркурий». Эту газету, по его рассказу, решили составить П. А. Бестужев и прикосновенные к делу о декабристах капитан Лашкевич и разжалованный из юнкеров Зубов. Они хотели «в рукописных листах раздавать эту газету беднежно по ахалцихскому гарнизону, чтоб развлечь себя и других чем-нибудь в скучной жизни». Паскевич разрешил издание и был им очень доволен, — первый номер «содержал несколько известий, разные анекдоты и события из минувшего похода, сведения о разных подвигах из турецких екатерининских войн на Кавказе, а также местные очерки». Второй номер имел такое же содержание, но на нем издание и прекратилось, так как вызвало неудовольствие со стороны некоторых лиц из командного состава³⁴⁴.

Создание этой газеты и участие в ней явились для П. А. Бестужева источником каких-то крупных неприятностей. В «Памятных записках» он писал: «... я <...> избрал терновую, опасную дорогу и, сделавшись от безделья журналистом, только взволновал в людях зависть, клевету и все смрадные и грязные лужицы в душах их. Рассудок снова оставил меня, и я навсегда сошел с литературной кафедры»³⁴⁵. Эти горькие строки помогают уяснить и несколько неясный рассказ В. Андреева о причинах

прекращения газеты. По словам автора мемуаров, некоторые были недовольны «затеей разжалованных», которым вообще неуместно «себя выказывать»; из «Записок» П. А. Бестужева видно, что кто-то был задет и обижен именно его заметками.

Товарищами П. А. Бестужева по изданию были капитан Лашкевич и бывший юнкер В. Я. Зубов; личность первого пока не выяснена, Зубов же был портупей-юнкером Иркутского полка. В. Андреев рассказывает о нем следующее: «Василий Зубов, имея порядочное состояние, получил по тогдашнему обычаю хорошее для того времени домашнее образование, имел природные способности и, увлекаемый эпохой Пушкина, пописывал еще юношею стихи, из которых некоторые были и у меня. В смут-

КРАСНОЯРСК

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ное время декабрьских происшествий он был на службе юнкером и, написав на смерть Рылеева элегию, послал ее при письме к своему приятелю, сказав, что „к прискорбию патриотов, 14 декабря не удалось“. Письмо было перехвачено, и Зубова прислали на Кавказ солдатом»³⁴⁶.

Из следственного дела о Зубове выясняется, что его стихи, «наполненные злобой против правительства», были взяты при обыске у студента В. А. Шишкова; в его бумагах были найдены и «непозволительные» и «дерзкие» стихи других авторов. Кроме того, по доносу провокатора Брандта (разжалованного из штабс-капитанов в нижние чины за соучастие в шайке контрабандистов), Зубов обвинялся в том, что будто бы «рубил бюст императора, приговаривая: „так рубить будем тиранов отечества, всех царей русских“»³⁴⁷. В 1831 г. он был произведен в унтер-офицеры; дальнейшая судьба его не известна; есть глухие известия, что он сошел с ума. Некоторые из его стихотворений опубликованы, но «Элегия на смерть Рылеева» не найдена.

Вышедшие номера «Ахалпихского Меркурия» в течение долгого времени сохранялись у В. Андреева, но затем погибли во время какого-то «страшного пожара».

ХIII. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

В борьбе декабристов с реакционной идеологией существенное место занимали их выступления в качестве критиков. Крупнейшими литературными критиками среди декабристов были А. А. Бестужев и В. К. Кюхельбекер, которым и пришлось взять на себя уяснение и формулировку задач и соущности эстетики декабризма. Знаменитые «обзоры» Бестужева в «Полярной звезде» и Кюхельбекера в «Мнемозине» создали определенную традицию литературных обзоров, с исключительным блеском и силой продолженную Белинским. Эта часть литературного наследия декабристов сохранилась наиболее полно, но и здесь приходится констатировать порою довольно ощутимые утраты.

В 1829 г., находясь в Якутске, Бестужев задумал издать сборник своих произведений. «Не возьмется ли какой из грамотеев, — писал он сестре Елене 25 февраля 1829 г., — издать в свет книжечку, совершенно разнообразием похожую на мать всех нынешних альманахов — „Полярную звезду“, в которой проза и стихи будут без исключения писаны мною и которую постараюсь я сделать как возможно занимательную. Там будут повести всех цветов (of all humore), критические взгляды и полезное с приятным на одной своре». В следующем письме родным (от 9 марта) он добавлял, что уже написал для этого альманаха «Рассуждение о романтизме» (*un traité sur le romantisme*), которое он предполагает «предпослать книге»³⁴⁸. Это «Рассуждение» полностью до нас не дошло. Сохранились только начальные страницы: они были опубликованы уже после смерти автора в альманахе Н. В. Кукольника «Новогодник» (1839)³⁴⁹.

Весьма благополучно обстоит дело с литературно-критическим наследием Кюхельбекера: многое утеряно, а часть до сих пор хранится в рукописях и не публикуется. Еще на лицейской скамье он составил на немецком языке книгу «О древней российской словесности», о чем появилось даже сообщение в печати («Письмо к издателю» А. А. Дельвига. — «Российский музей», 1815, №11); для этого издания он перевел стихами ряд былин, в том числе «Былину о сорока каликах». Ни книга в целом, ни отдельные переводы до нас не дошли.

В 1821 г. Кюхельбекер совершил свое памятное путешествие в Западную Европу. Путешествие его — крупная веха в истории пропаганды декабристских идей. Это была первая попытка завоевать общеевропейскую аудиторию и познакомить образованные круги Западной Европы с прогрессивным фронтом русской литературы. Кюхельбекер посетил Гёте, Тика, Тидге, Бенжамена Констана и других писателей и общественных деятелей³⁵⁰. Поэту Тидге он «много рассказывал» о русской поэзии и сделал для него подстрочный перевод нескольких стихотворений Державина, Жуковского и Пушкина. Тидге предполагал выполнить по прозаическим подстрочникам поэтические переводы и поместить их в одном из альманахов³⁵¹. Гёте Кюхельбекер познакомил со стихами Пушкина и обещал прислать ему статью о русской народной поэзии. Этот замысел остался неосуществленным. Легкие и изящные «отчеты» об этом путешествии («Отрывки из путешествий по Германии и полуденной Франции», «Отрывки из путешествия по Ливонии и Пруссии» и др.) печатались в виде писем к друзьям (главным образом, к Дельвигу) в различных жур-

налах. Впечатления от природы и быта страны сочетались в них с рассказами о встречах с писателями и общественными деятелями, а также с критическими и публицистическими замечаниями. Кюхельбекер успел опубликовать только часть своих «отрывков»; судьба остальной части — неясна.

В том же году Кюхельбекер начал читать курс лекций по истории русского языка в парижском «Атенеуме»; как хорошо известно, курс был прерван, по требованию русского посланника, в самом начале, а Кюхельбекеру предложено немедленно возвратиться в Россию. Нашумевшая лекция Кюхельбекера, считавшаяся утраченной, недавно обнаружена П. С. Бейсовым в бумагах А. И. Тургенева, находящихся в Ульяновском музее; она печатается в настоящем томе «Литературного наследства». В связи с находкой этой лекции возникает вопрос, была ли она единственной, прочитанной Кюхельбекером? Дочь Кюхельбекера говорит определенно о «лекциях»³⁵², о «лекциях» писал и Н. И. Греч. Сам Кюхельбекер в своих показаниях называет лекцию о языке «первой лекцией». Но нигде: ни в его письмах, ни в дневнике, ни в письмах других лиц, нет каких-либо упоминаний о последующих лекциях. Запрещение же было вызвано именно этой «первой лекцией», посвященной истории русского языка, изложенной с типично декабристских позиций. Может быть, в течение того времени, пока посол успел ознакомиться с донесением о лекции и потребовать прекращения дальнейших чтений, Кюхельбекер прочел еще одну лекцию. Но такое предположение является лишь гипотезой, которая помогает осмыслить противоречие в рассказах и свидетельствах: вопрос о числе прочитанных Кюхельбекером в Париже лекций остается открытым³⁵³.

Интенсивное участие принимал Кюхельбекер в литературной жизни по возвращении с Кавказа, в период с 1824 по 1825 г. Он сотрудничал в «Благонамеренном», в «Сыне отечества», вместе с В. Ф. Одоевским издавал журнал-альманах «Мнемозину». Он выступал как поэт, как публицист, как критик. А. Е. Измайлов в письме к П. Л. Яковлеву (от 16 ноября 1825 г.) сообщал о полемической статье Кюхельбекера против Булгарина, не пропущенной цензором: «Не пропустил он <Бируков> еще одной полемической пиесы Кюхельбекера против Булгарина»³⁵⁴. Быть может, не пропущенные цензурой полемические статьи Кюхельбекера находятся в делах Цензурного комитета. К этому же времени относится не дошедший до нас его разбор «Орлеанской девы» Жуковского (1824).

В 1825 г. московский книгоиздатель С. И. Селивановский задумал издание «Энциклопедического словаря»; в числе сотрудников был и Кюхельбекер. «Я написал большую статью для Селивановского», — сообщал он в письме к В. Ф. Одоевскому (осень 1825 г.)³⁵⁵. Либеральная репутация Селивановского и его связи с декабристами обратили на него внимание правительства, и, по личному распоряжению Николая I, в мае 1826 г. у него был произведен обыск³⁵⁶. При обыске были забраны уже отпечатанные, но еще не вышедшие в свет три тома «Энциклопедического словаря» и рукописи дальнейших томов. В результате Селивановский был оставлен «под секретным политическим надзором», а печатание «Словаря» приостановлено³⁵⁷.

Критическая деятельность Кюхельбекера продолжалась в тюрьме и на поселении. Его «дневники» — «Дневник узника» (1831—1836) и «Дневник поселенца» (1836—1845), по меткому замечанию Ю. Н. Тынянова, своего рода «журнал» — «журнал, писавшийся одним человеком» и «никем не читавшийся». Центральное место в этом журнале занимают критические замечания и литературная полемика. Иногда Кюхельбекеру удавалось вывести свои «критические размышления» за пределы тюрьмы: некоторые из его писем к родным из крепости являются прямым продол-

жением страниц дневника или его дополнением. Он надеялся, что кое-что из его письменных трудов попадет в печать. Так, он писал к Грибоедову и Пушкину: «Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлиссельбурге». Конечно, он пересылал их не ради простой информации. Одно из его писем было посвящено специально Карамзину. Он сам охарактеризовал это письмо, как «диссертацию о Карамзине»³⁵⁸. Письмо это утрачено.

В крепости же Кюхельбекер написал несколько историко-литературных работ, заметок и очерков. В составленном перед смертью списке своих произведений он упоминает об очерке «Гора и мышь»³⁵⁹, из которого он предназначал для печати извлечение о юморе. Этот очерк находился в течение долгого времени в одном частном собрании, дальнейшая судьба его неизвестна. В крепости же Кюхельбекер написал (1829) предисловие к своему переводу трагедии Шекспира «Ричард II» (см. в настоящем томе, стр. 404). И перевод и предисловие до нас не дошли.

Общественное и теоретическое значение своего дневника отчетливо сознавал и сам Кюхельбекер. В Сибири он сделал «выборку» из дневника отдельных замечаний, придав им систематический характер и озаглавив: «Заметки и мнения. Выписки из дневника отшельника». В списке сочинений, отправленных Жуковскому, он писал: «„Извлечения“ из моего дневника, которые только что начаты и, вероятно, составят пять или шесть больших томов. Эти извлечения состоят из замечаний о книгах, которые я читал в последние 20 лет, и местами из собственных размышлений; касаются они религии, философии, особенно Шеллинговой и Спинозовой; поэзии, эстетики, филологии и грамматики, особенно языков: русского, греческого и английского; истории и этнографии». Рукопись, которая была в 1875 г. в распоряжении редакции «Русской старины», состояла из 104 страниц, но уже и тогда часть листов была утрачена; эта неполная рукопись позже находилась в частном собрании.

Вероятно, из той же рукописи Кюхельбекер предполагал сделать извлечения для печати в виде отдельных очерков. 13 апреля 1836 г. он писал (из Баргузина) Гречу об имеющихся у него *готовых* статьях: «о юморе, о греческой дигамме, о Мерзлякове, Пушкине, Кукольнике, Марлинском и других; из иностранцев: о Шекспире, Шиллере, Гёте, Томсоне, Краббе, Муре, Вальтере Скотте; о некоторых немецких проповедниках». «К тому прибавлю, — писал он далее, — несколько легких статей, вроде той, которую я когда-то напечатал в „Мнемозине“ и называл, кажется, „Земля безглавцев“» (см. выше, стр. 459—460).

В «казематском университете» Одоевский прочел курс истории русской литературы. Беляев называет его «курсом русской словесности с самого начала русской письменности». По рассказу Розена, Одоевский «начал с разбора песни о походе Игоря, продолжал несколько вечеров и довел лекции до состояния русской словесности в 1825 г.». Розен добавляет, что Одоевский читал этот курс исключительно «на память», без каких бы то ни было записей и, хотя он держал в руках тетрадь, но она была «белая, без заметок, без чисел хронологических»³⁶⁰. Однако трудно представить, чтобы целый курс, охватывающий всю историю русской литературы, включавший и народную поэзию, и летописи, и литературу XVIII в., мог быть изложен таким способом. Очевидно, рассказчик имел в виду какую-нибудь одну лекцию, посвященную, быть может, современной поэзии, которую, действительно, Одоевский мог блестяще симпровизировать.

Николай Бестужев редко выступал как критик. В одной из самых ранних статей — «Ответы на вопросы, предложенные в первой книжке „Благонамеренного“» (1818, № 5), он выступил с требованием серьезной

и ответственной критики, близкой к науке и лишенной каких-либо пристрастий; среди рукописей сибирского периода сохранился неоконченный отрывок «Нечто о гекзаметрах»; очень много интересных критических замечаний о современной русской литературе — о ее направлении, характере, языке и т. п. — разбросано в его письмах³⁶¹. В казематный период был написан очерк «Живопись и коммерция», который упоминает М. А. Бестужев среди других произведений своего брата³⁶². Этот не дошедший до нас очерк был, вероятно, вызван известной статьей С. П. Шевырева «Словесность и коммерция» (1835). Для Бестужева были совершенно неприемлемы основные положения этого очерка Шевырева: провоз-

ВЫВОД ДЕКАБРИСТОВ НА ПРОГУЛКУ В ЧИТЕ
Аquareль декабриста Н. П. Репина, 1827—1830 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

глашение¹ артистичности искусства, приравнивание литературного гонорара к коммерческой спекуляции и т. п. Можно предположить, что статья Н. А. Бестужева явилась ответом на эти рассуждения. К сожалению, никаких подробностей, которые позволили бы ознакомиться с аргументацией автора, М. А. Бестужев не сообщает.

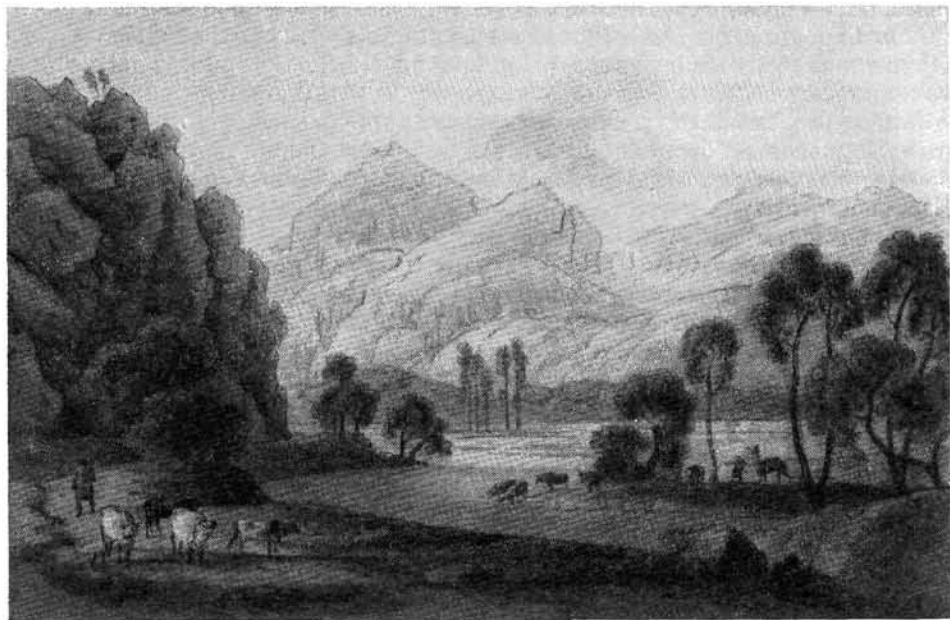
В якутской ссылке был написан критический очерк Н. А. Чижова «Несколько мыслей о русской поэзии» (1828—1829)³⁶³; о характере и содержании его нет никаких сведений.

В истории русской критики должно найти свое место и имя В. Ф. Раевского, чьи критические суждения и эстетические требования оказали заметное воздействие на формирование творчества Пушкина. Источником для суждений о литературной позиции Раевского и его критических высказываниях являются мемуарные рассказы о нем, некоторые его стихотворения, отчасти ответы на суде и незаконченный литературно-критический очерк «Вечер в Кишиневе»³⁶⁴. К ним присоединяются и не дошедшие до нас лекции Раевского по литературе, читанные им в кишиневской юнкерской школе, сущность и отчасти содержание которых выясняются из показаний его учеников-юнкеров на суде. Общее направление

лекций раскрывается уже из заголовка, под которым они фигурируют в следственном деле Раевского: «О правилах Раевского учения юнкеров поэзии, означающих в себе свободные мысли». Раевский дал по этому поводу короткое показание: «Правила поэзии составлял сам, а примеры выписывал из разных авторов». Из показаний юнкеров видно, что Раевский в преподавании литературы, в частности — учении о формах стихов, применял те же методы, что и при обучении грамматике, то есть, обильно насыщал изложение примерами, которые выполняли одновременно и пропагандистские функции. Вывод Военно-судной комиссии в Замостье по этому пункту обвинения был сформулирован следующим образом: «...по сему отделению Раевский оказался виновным в том, что он преподавал правила поэзии юнкерам, выбирая из них по большей части такие стихи, кои хотя и пропущены цензурой, но заключают в себе свободные мысли». Бейсов полагает, что одновременно Раевский работал над составлением «Курса поэзии», в котором он пытался систематически провести декабристский взгляд на литературу как на «одно из средств общественного, патриотического и революционного воспитания». Сохранились его заметки по античной литературе, содержащие краткие характеристики отдельных писателей. Они дают довольно ясное представление о том, как заостренно-политически и агитационно подходил к своей теме Раевский. О Лукреции, например, сказано: «Никогда человек с такою дерзостью (смелостью) не опровергал PROVIDENCE, как он. Он говорил о божестве с презрением и дерзостью. Во всех своих сочинениях он говорит, что бог не занимается и не вмешивается ни во что»³⁶⁵. Документы, приводимые Бейсовым, еще не дают права категорически говорить о создании Раевским специального курса по литературе. Вероятнее всего, что «Лекции по литературе» и «Курс поэзии» — это одно и то же: материал для уроков по теории и истории литературы в юнкерской школе. Но они ярко свидетельствуют о характере лекций, которые читал Раевский.

В тесной связи с критическими выступлениями декабристов находятся их филологические занятия. Декабристы питали повышенный интерес к вопросам языка. В их беллетристических произведениях, в критических, исторических и публицистических статьях, в письмах, мемуарах и даже в показаниях находится огромное количество высказываний по самым разнообразным вопросам жизни и развития русского языка. Таковы беллетристические произведения, статьи и письма А. А. Бестужева, дневник и критические очерки В. К. Кюхельбекера, дневники Н. И. Тургенева, письма Н. А. Бестужева, «записки» из крепости А. О. Корниловича и пр. и пр. Исходя из этих высказываний, можно установить круг лингвистических вопросов, занимавших декабристов. Декабристы творчески восприняли проблемы, впервые выдвинутые патриотическим сознанием Ломоносова и революционной мыслью Радищева. Происхождение русского языка, его национальная самобытность, связь с национальной историей и отражение в нем черт национального характера, место его среди других европейских языков, русская грамматика, характеристические черты русского языка (его красота, сила, гибкость, полноразличность, великолепная изобразительность, точность), словарный состав, основные элементы литературного языка, роль и значение древнеславянских слов, значение просторечия, научно-историческое и литературное значение областных наречий, место и удельный вес иностранных слов — все эти вопросы живо интересовали декабристов. С особенным вниманием останавливались декабристы на политическом значении русского языка. Публикуемая в настоящем томе парижская лекция Кюхельбекера служит наглядным примером декабристской трактовки вопросов истории русского языка.

В 1817 — 1818 гг., будучи преподавателем Санктпетербургского благородного пансиона, Кюхельбекер продиктовал своим ученикам специальный курс «Логика языка». Эти лекции очень долго хранились у одного из его учеников, Н. А. Маркевича, но затем были утрачены (см. в настоящем томе, стр. 508). Возможно, что в этом курсе уже были сформулированы основные положения парижской лекции 1821 г. Вопросами изучения русского языка Кюхельбекер продолжал весьма интенсивно заниматься и на поселении (см. выше, стр. 547—554).

ВИД РЕКИ СЕЛЕНГИ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

В каземате специально вопросами языка занимались П. А. Муханов, С. П. Трубецкой, А. И. Одоевский, Ф. П. Шаховской. Шаховской составлял краткую грамматику русского языка, отрывки из которой сохранились в его бумагах³⁶⁶. По сообщению А. П. Беляева, «русскую грамматику» составил Одоевский; Розен долго хранил написанные рукою Одоевского «главные правила русской грамматики». Беляев добавляет, что Одоевский «читал» свою грамматику в «казематском университете»³⁶⁷. Едва ли Одоевский мог читать в виде лекций самую грамматику; очевидно, речь идет о каком-либо историческом или теоретическом введении.

На поселении некоторые декабристы занимались изучением местных говоров, собиранием народных песен и преданий, которые они связывали с историческими и филологическими вопросами. О местной речи Кюхельбекер писал Пушкину в первом же письме из Сибири. Но записи Кюхельбекером слов, сказок и песен не сохранились, — на основе этих материалов им был составлен (в 40-х годах) очерк «Жители Забайкалья и Закаменья». В списке своих произведений Кюхельбекер поставил его в рубрику «Филология», тем самым явно обозначив его основной уклон и характер содержащихся в нем материалов. В том же списке указаны «Статьи по русскому языку»³⁶⁸; из них дошла только одна. Не дошел до

нас очерк о забайкальских и закаменских крестьянах. Не сохранились также и «дополнения к академическому русскому лексикону»³⁶⁹, которые составил в Сибири П. А. Муханов. Из фольклористических записей Штейнгеля сохранилась лишь небольшая тетрадка, содержащая несколько загадок, записанных им в Чите или в Петровском заводе³⁷⁰. Одна страничка с записью нескольких областных (селенгинских) слов оказалась среди рукописей Николая Бестужева; вряд ли эта запись была единственной³⁷¹.

Декабрист А. И. Черкасов, по возвращении на родину (в конце соколовых — начале пятидесятых годов), занимался собиранием памятников народной поэзии и народного языка (в Малоархангельском уезде Орловской губ.). Эти записи он отправил П. А. Бессонову, из которых тот использовал лишь незначительную часть, включив ее в сборник «Калики переходные»³⁷²; впрочем, возможно, что некоторые из записанных Черкасовым были напечатаны без обозначения имени собирателя в «Песнях, собранных Киреевским», подготовленных к печати тем же Бессоновым.

Декабристы уделяли большое внимание изучению сибирских народностей. А. А. Бестужев и Н. А. Чижов записывали якутские предания и интересовались народными обычаями обитателей берегов Лены; братья Бестужевы (Николай и Михаил) изучали быт и верования бурят; Горбачевский собирал предметы шаманского культа. Из этих работ сохранилось немного: несколько этюдов А. А. Бестужева и замечательный очерк Н. А. Бестужева «Гусиное озеро». Много ценных наблюдений этнографического характера рассеяно в мемуарах Розена, А. П. Беляева, М. И. Муравьева-Апостола. Первое место в этом ряду занимает очерк Н. А. Бестужева, давно уже признанный крупнейшим произведением краеведческого характера, вышедшим из декабристской среды. В «Гусином озере» Бестужев охватывает самые разнообразные стороны научного изучения: географо-геологического, ботанического, зоологического, экономического, но главную ценность его составляют этнографические наблюдения и характеристики. Особенно ценны наблюдения Н. А. Бестужева над социальным бытом бурят монголов³⁷³. Важнейшим источником для этнографического и экономического изучения Бурят-Монголии являются и письма обоих братьев из Селенгинска³⁷⁴. Незадолго до смерти Н. Бестужев начал писать специальный очерк о селенгинских бурятах. Законченная первая часть была им отправлена И. П. Корнилову, у которого эту рукопись видел М. И. Семевский. По словам последнего, она заканчивалась следующими строками: «Я говорил о добрых качествах наших туземцев, теперь скажу что-нибудь и о худых и причинах, откуда они происходят». Очерк был передан в редакцию «Отечественных записок», но не был напечатан, а затем где-то затерялся³⁷⁵. По сообщению А. А. Лушников (внука ученика Бестужевых), Н. А. Бестужевым был приготовлен историко-этнографический очерк «О заселении Забайкалья бурятами»³⁷⁶. Очевидно, Н. А. Бестужевым был задуман ряд исторических и этнографических статей о бурят-монголах, которые впоследствии, быть может, составили бы целостную монографию.

Занимался этнографическим изучением бурят-монгольского населения и края и Михаил Бестужев. Во время перехода из Читы в Петровский завод он записывал бурятские сказки; позже, на поселении, им был написан большой очерк о буддизме селенгинских бурят. Эту рукопись также видел М. И. Семевский, о чем сохранилось указание в составленном им некрологе М. А. Бестужеву. Упомянул он о ней и в заявлении Литературному фонду о пособии М. А. Бестужеву³⁷⁷. Этим трудом М. А. Бестужева обильно воспользовался (с согласия автора)

епископ Нил в сочинении «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (СПб., 1858), написанном, очевидно, в конце сороковых или начале пятидесятых годов, самая же рукопись Бестужева затерялась. Сочинение епископа Нила вызвало большую рецензию Н. А. Добролюбова; между прочим, он отметил подробное описание обрядовой стороны буддизма, сделав из этой части работы пространные выдержки: описание же священных обрядов и ламской иерархии сделано Нилом, главным образом, на основании практики гусиноозерского дацана, а стало быть, по материалам Бестужева³⁷⁸.

Исследованиями краеведческого характера в Забайкалье (точнее сказать: в Прибайкалье) занимался М. К. Кюхельбекер. В 1836 г. он послал две статьи Гречу для «Сына отечества». Одна из этих статей сохранилась и находится в ЦГИА, другая, содержащая, по характеристике автора, «не только общестатистические данные, но и живой быт народа», до нас не дошла (см. в настоящем томе, стр. 459—460).

Выше были упомянуты два сочинения Чижова: «Отрывки из записок путешественника» и «Письма с берегов Лены». Очень вероятно, что они имели этнографический характер или, во всяком случае, содержали немало этнографических наблюдений. О судьбе собранной Горбачевским коллекции предметов шаманского культа нет никаких сведений.

XIV. ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

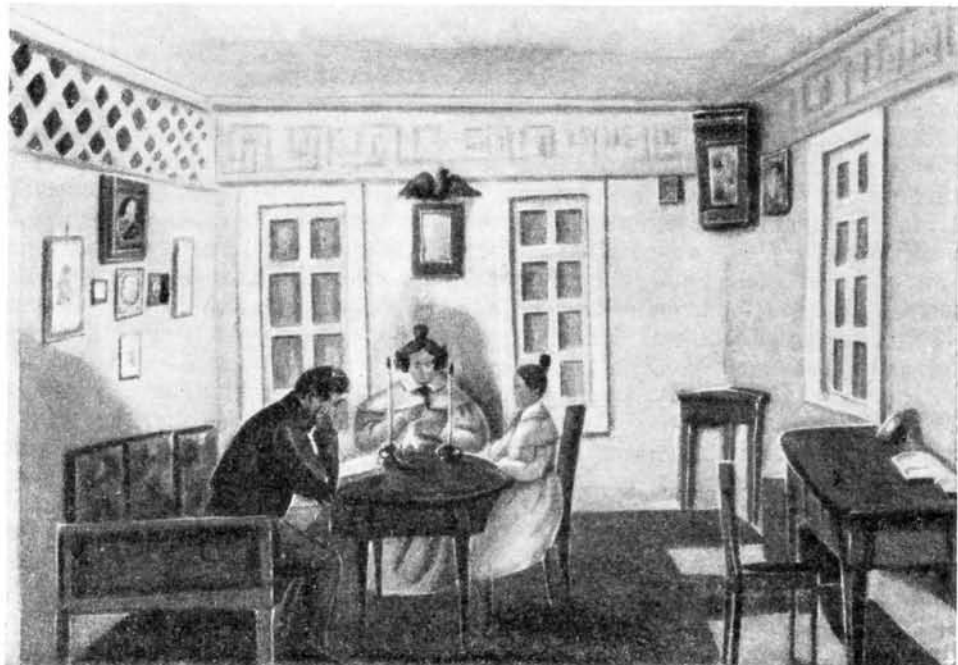
Очень важную и значительную часть литературного наследия декабристов составляют их исторические исследования. Из всех гуманитарных наук история вызывала в декабристской среде наибольший интерес: острая критика современной действительности и постановка вопроса о революционном ее изменении органически сочетались со стремлением как можно глубже познать и уяснить исторические процессы, образовавшие тот политический строй, разрушить который они считали себя призванными. «История должна быть не только для любопытства или умозрений, — писал Лунин, — но путеводить в высшей области политики»³⁷⁹. Исторические изучения в руках декабристов приобретали боевой характер, и как раз на историческом фронте, вокруг труда Карамзина, и разыгрался бой между идеологами феодально-крепостнического, самодержавного строя и молодой Россией в лице «лучших людей» дворянского класса.

Специально историческими размышлениями занимались из декабристов Никита Муравьев, А. О. Корнилович, Н. А. Бестужев, П. А. Муханов, И. Г. Бурцов, В. Д. Сухоруков, М. С. Лунин, М. М. Спиридов; из деятелей ранней поры декабризма — Павел Колошин; глубоким знатоком русской и западноевропейской истории был Пестель. Первое место среди декабристов-историков занимает Никита Муравьев, выступивший уже в 1816 г. с критическим обзором биографии Суворова («Рассуждение о жизнеописаниях Суворова»); за ним последовало критическое рассмотрение труда Карамзина: «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» (1818). В печати этот труд не мог появиться по цензурным соображениям, но он широко расходился в рукописном виде и стал одним из орудий литературно-политической пропаганды декабристов. Как правильно замечает Н. М. Дружинин, это был тот же способ распространения своих мыслей, каким в то время пользовались авторы многочисленных «записок». Разбор труда Карамзина ходил по рукам наравне с «речами» Орлова, «записками» и дипломатическими проектами Мордвинова, Н. И. Тургенева, Штейнгеля и эпиграммами Пушкина. Именно как историк Муравьев и был намечен для участия в предполагавшемся

журнале арзамасцев, а позже в журнале Н. И. Тургенева. На собраниях у сотрудников журнала Тургенева он читал какие-то, не дошедшие до нас и не известные даже по заглавиям «исторические пьесы». «Мысли об „Истории“ Карамзина» сохранились в рукописи, но, видимо, не полностью. М. И. Муравьев-Апостол сообщал, что эти замечания составляли «довольно толстую тетрадь»³⁸⁰. Для исследователя-историка декабристской мысли чрезвычайно важны были бы критические заметки на полях книги Карамзина, принадлежавшие Муравьеву. Он сам их очень ценил, долго берег и просил прислать в Сибирь; на основании этих заметок он приготовил исторические примечания к сочинениям Лунина. Утрачены они уже после смерти Муравьева. Особенность этих заметок состоит в том, что этот метод работы вообще очень характерен для Муравьева. Таким же способом, в виде заметок на полях разных книг (на этот раз уже в целях конспирации), он набросал в Петровском заводе свои мемуары.

Исторические занятия и разыскания Муравьев продолжал и в Сибири. В «казематском университете» он прочел ряд военно-исторических курсов — по стратегии и тактике. Это были, несомненно, варианты курса военной истории, который он читал слушателям Главного штаба³⁸¹ и который ныне хранится в ЦГИА. На поселении Муравьев работал над большим историко-экономическим трудом «О сообщениях в России» (другое название этого труда: «О канализации в России»). Труд этот был уничтожен автором во время паники, вызванной арестом Лунина; но сохранившиеся черновые записи дают возможность восстановить его содержание³⁸². По описанию Н. М. Дружинина, это было большое самостоятельное исследование о проведении широкой сети взаимно сообщающихся каналов. Сохранившиеся выписки из разных книг и справочников свидетельствуют об огромной подготовительной работе: материалы о существующих каналах в Западной Европе и Америке; сведения о различных путях сообщения в России, о скорости течения рек и их режиме; о населении, живущем по берегам рек, и его культуре; о количестве и характере грузов, отправленных по этим рекам, и пр. Опираясь на эти материалы, «он проектировал, — пишет Дружинин, — сложную систему торговых путей сообщения»; он проектировал «соединить морские порты, которые открывают России ближайшие торговые пути в западные и восточные страны... Н. Муравьев решил использовать не только крупные реки, но и мелкие, сближающиеся притоки; он задумал четыре основные системы каналов — между морями Балтийским (через Финский и Рижский заливы), Каспийским и Белым; одновременно он соединял Каспийский и Черноморский бассейны двумя системами донско-волжских и окско-донских каналов. Дополнением служили системы, имевшие внутреннее значение: одна из них соединяла водные пути Беломорского бассейна, другая связывала речные долины Оки и Волги». Вопрос о каналах Муравьев рассматривал в тесной связи с планом будущей организации железных дорог.

Как правильно указывает Дружинин, подробная экономическая и историческая мотивировка этого грандиозного плана не могла не опираться на анализ современного государственного порядка и приводила к выводам о необходимости его изменения. Но Дружинин односторонне оценивает смысл и значение этого замечательного для своего времени труда, ставя его в связь исключительно с ошибками прогрессивного земледелия, которыми увлекался тогда Муравьев, и с его попытками сибирского предпринимательства. Дружинин усматривает в этом труде «яркий продукт нового капиталистического мышления, который апеллирует к развитию производительных сил и к расширению рыночных оборотов». Но широкий замысел Муравьева питался и иными источниками;

Н. М. МУРАВЬЕВ НА ПОСЕЛЕНИИ

Изображен с дочерью Нонушкой и ее воспитательницей.
Акварель декабриста А. М. Муравьева, конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Литературный музей, Москва

Н. М. МУРАВЬЕВ НА ПОСЕЛЕНИИ

Акварель декабриста А. М. Муравьева, конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Центральный исторический архив, Москва

он вырос на почве патриотических декабристских концепций, из декабристских планов преобразования отсталой страны в великую и сильную, в военном и экономическом отношении, державу. Недаром Муравьев апеллировал в этом труде к старым идеям Петра и недаром критическая часть в нем приняла такие формы, что он вынужден был предать написанную работу сожжению. В наши дни особенно ясно опускается и широта надолго опередивших свое время замыслов Муравьева и их органическая связь с основными тенденциями революционной мысли начала XIX в., хотя сам он все более и более переходил на умеренные политические позиции.

Рядом с Н. М. Муравьевым стоит другой выдающийся историк — Н. А. Бестужев. Образцом его исторического мышления, исследовательского дарования и эрудиции являются два крупных памятника: трактат «О свободе торговли и вообще промышленности» (1832), в котором он проявил себя как историк и замечательный мыслитель-экономист, и более ранний — «Опыт истории российского флота» (1824). Этот труд, над которым Бестужев много и упорно работал, вышел не в том виде, как хотел его автор. В письме к М. Ф. Рейнеке (1852) он писал, что ему пришлось «противу воли» составить таким образом свой «Опыт истории»³⁸³. Изложение своего исследования Бестужев сделал в прочитанном им в Чите курсе по истории русского флота.

Выше уже был упомянут историко-этнографический очерк Бестужева о заселении Забайкалья; кроме того, у него были готовы (или почти закончены) еще две статьи по истории местного края: «Несколько надписей на Селенге» и «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье»³⁸⁴. Вторая статья, будь она своевременно опубликована, имела бы большое практическое значение, так как касалась одной из важнейших проблем степной жизни.

Прямым специалистом-историком и архивистом был А. О. Корнилович; он выступал и как исследователь, и как публикатор исторических документов, и как автор научно-популярных очерков по истории, и, наконец, как беллетрист — автор исторических повестей. Исторические исследования он сочетал с работами по статистике и географии. Он сотрудничал в различных журналах, в альманахе А. А. Бестужева и Рылеева, а в 1825 г. издал первый в России исторический альманах «Русская старина». Перечень его произведений приведен в «Библиографии» Н. М. Ченцова и пополнен А. Г. Грум-Гржимайло, значительно расширившим наши сведения о трудах историка-декабриста³⁸⁵. Но ни список Ченцова, ни добавления Грум-Гржимайло не исчерпывают всей литературной продукции Корниловича. Из разных источников, в частности — из протоколов Вольного общества, выясняется значительное количество не дошедших до нас его работ, — причем и эти сведения также явно не полны и не охватывают всего, что было создано Корниловичем в недолгий срок его жизни. Крупнейшей работой Корниловича была «История путешествий в России», несколько глав из которой было опубликовано в журналах и прочитано в заседаниях Вольного общества, некоторые главы не напечатаны и до сих пор не найдены: «Путешествие Брюса по России» (1822) и статья, посвященная общей характеристике Брюса, — «Гейнрих Петер Брюс» (1823?). Был ли этот труд доведен до конца или были написаны только отдельные главы, еще не подвергшиеся обработке для цельного труда, мы не знаем.

Другой работой Корниловича историко-географического содержания был «Историко-статистический атлас России» (Грум-Гржимайло именует его «Историко-статистическим журналом»); для этой цели в качестве предварительной работы Корнилович составил ряд сравнительных статистических таблиц: «Сравнительные таблицы по всем гу-

берниям и областям Российской империи с указанием самых подробных статистических данных о народонаселении, произведениях и промышленности в каждой из них» (1824—1825). Работал он также над составлением «Учебника географии», о чем сообщал в письме к П. А. Муханову (1823)³⁸⁶. Идея учебника была выдвинута Мухановым в связи с его назначением преподавателем общей и математической географии в младших и высших классах корпуса топографии и в училище для колонновожатых. Свои воззрения на задачи преподавания географии и на характер учебного пособия по этой науке Корнилович изложил в рецензии на учебник К. И. Арсеньева («Северный архив», 1825, ч. IV) и позже — в «Записке» из Петропавловской крепости.

Более всего занимал Корниловича круг вопросов, связанных с личностью и деятельностью Петра I, перед которым он благоговел и памяти которого, к негодованию Карамзина, посвятил свой альманах. В 1822 г. он читал в заседании Вольного общества статью «Характеры Петра Великого и его приближенных»; напечатана она не была. Еще ранее (1821) он прочел там же статью «О жизни царевича Алексея Петровича»³⁸⁷. Это была часть обширной работы, вполне законченной; как видно из дел III Отделения, она была запрещена цензурой. Нет сомнения, что в ней была дана попытка оправдать суровые меры Петра по отношению к сыну. Нужно заметить, что у декабристов было очень популярно уподобление этой меры Петра подвигу Люция Брута, осудившего на казнь своих сыновей за измену республике.

Из мелких не дошедших до нас исторических и историко-географических статей Корниловича назовем: «Критические замечания на рукопись „Путешествие в Бухару“ барона Мейендорфа»; публикация двух писем Головкина к Петру («Два подлинных письма гр. Гаврила Ивановича Головкина к Петру Великому») и «Отрывки, служащие объяснением некоторых мест нашей истории XVIII века» — сообщение на основе перевода мемуаров Миниха. Эти три работы относятся к 1822 г.³⁸⁸

В Петропавловской крепости, куда Корнилович был переведен из Сибири, он написал ряд «записок» по различным вопросам народного хозяйства, просвещения, общей политики и др.; а также перевел несколько книг. «Записки» сохранились, переводы не дошли; это были переводы из Тацита, Тита Ливия, исторического сочинения «Serbien und die Türkei im XIX Jahrhunderte»* и сочинения ван-Приндена «О звуковом методе обучения языку». Последняя книга его особенно заинтересовала, так как соответствовала его собственным мыслям о преподавании родного языка, о чем он писал в одной из крепостных «записок».

В 1832 г. Корнилович был назначен рядовым на Кавказ. В тяжелых условиях солдатской службы, в глухом, неустроенном местечке («Парские колодцы»), в сырых казармах, он неизменно продолжал работать: переводил Тита Ливия и Тацита (в частности — «Об упадке красноречия в Риме»)³⁸⁹ и тогда же составил свои воспоминания, написанные в виде исторического обозрения политической мысли в александровскую эпоху. Все это утрачено. Свой очерк о Корниловиче П. Е. Щеголев закончил следующими строками: «Мы можем только изумляться уродливости русской жизни и сожалеть о недюжинном человеке, который заслуживал лучшей участи. Талант, знания, опыт <...> все пошло прахом; легкий след его жизни остался лишь на страницах архивного дела». Но Щеголев был еще недостаточно знаком с биографией Корниловича, не знал многих печатных работ его и не знал о трудах, оставшихся в рукописи или погибших. Обзор его жизни в целом еще более убедительно

* Сербия и Турция в XIX столетии (нем.).

и красноречиво свидетельствует о том, что в лице загубленного Николаем I Корниловича русская культура понесла великую утрату.

Ближайшим товарищем Корниловича по специальности был П. А. Муханов. На следствии он показал о себе: «...преимущественно занимался естественными науками, историей и статистикой». Он преподавал в военных школах географию и историю и в 1824 г. обратился к начальнику Главного штаба с проектом издания «Военного журнала», который мог бы «некоторым образом заменить ценность иностранных книг и совершенный недостаток русских»³⁹⁰. Разработанная им «Программа Военного журнала», по всей вероятности, хранится в архиве Главного штаба. В журналах появилось несколько его публикаций, основанных на архивных и археологических материалах; но ряд его статей не увидел света по цензурным причинам. Для «Русской старины» Корниловича Муханов предназначил статью «Совет о сдаче Москвы», «где много будет, — писал он, — нового и достоверного, лишь бы цензура пропустила»³⁹¹. Опасения Муханова сбылись: цензура не пропустила. В том же письме (26 ноября 1824 г.) он сообщил о законченных им «Военно-статистических записках об южных губерниях».

Работам по статистике декабристы придавали огромное значение, видя в них документальные материалы для сочинений, разоблачающих правительственную политику, ведущую Россию к неизбежному экономическому обнищанию. Характерно, что В. Л. Давыдов, познакомившись с Бошняком и поверив в искренность его заявлений, советовал ему составить статистическое описание Костромской губернии³⁹².

В 1823 г. Муханов послал Булгарину статью под неясным для нас заглавием: «Описание колоний», в печати она не появилась; в том же году он читал в Вольном обществе перевод статьи «О числе поляков в Российской империи»³⁹³. Выбор последней темы для перевода и публичного чтения очень знаменателен: он обусловлен обострившимся интересом членов Тайного общества к «польской проблеме». В это время на юге уже начинались переговоры с деятелями польских революционных организаций, в связи с чем особенно важно было выяснить предварительный ряд географических и этнографических вопросов. Перевод этот не опубликован. Осталась ненапечатанной и подготовленная Мухановым публикация (1825): «Письма Ломоносова к Шувалову», предназначавшаяся для «Северного архива»³⁹⁴.

На каторге Муханов прочел товарищам курс русской истории, заменив вырванного из их рядов Корниловича; позже, на поселении, он приготовил для своих племянников (Шаховских) «Краткую русскую историю», которой «в одно холодное утро» поджег «сырые дрова». Конечно, сожжена она была не потому, что ему, действительно, нужна была растопка: Муханов свой опыт «русской истории для детей» предназначал для печати, но убедился в «безрассудстве своих замыслов»³⁹⁵.

Выдающимся военным историком и теоретиком был И. Г. Бурцов. Его исторические разыскания печатались в «Военном журнале» (1817 — 1819), «Отечественных записках» (1820), «Тифлиссских ведомостях» (1829) и, вероятно, в других изданиях. Списка работ его не существует; в «Библиографии» Н. М. Ченцова они вообще не указаны³⁹⁶. Из письма Дениса Давыдова к П. Д. Киселеву известно, что Бурцовым были написаны критические замечания на «Опыт партизанской войны». «Я не только что почти все исправил по его желанию, — писал Давыдов, — но даже целые периоды его включил в новое издание. Вот критик истинный»³⁹⁷.

В «казематском университете» ряд лекций историко-экономического содержания был прочитан А. Е. Розеном; они были посвящены истории освобождения крестьян от крепостной зависимости в прибалтийских

губерниях. Главное внимание Розена в этих лекциях было обращено на правовую и экономическую стороны реформы: освобождение «без наделов земли, без всяких выкупных договоров, но с общим правом приобретения земельной собственности по обоюдным соглашениям»³⁹⁸.

Исторические интересы декабристов были сосредоточены главным образом на вопросах русской истории. Об их специальных занятиях по всеобщей истории сведений очень мало. В «казематском университете» курс

И. Г. БУРЦОВ

Лубок неизвестного художника, 1833 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

средней истории (1830), как уже было упомянуто, прочел Спиридов; каких-либо подробностей о содержании и характере этого курса не сохранилось. Большое внимание привлекала древняя история, что стоит в тесной связи с характерным для декабристов культом античной республики.

Интерес к древней истории проявился в многочисленных переводах античных историков; переводами декабристы занимались и на каторге и на поселении, частью в самообразовательных целях, частью ради заработка. Наиболее настойчиво и упорно трудился над переводами древних исто-

риков Бригген, который перевел полностью «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря; он же переводил Саллюстия, а позже, по совету Жуковского, оставил его и принялся за перевод книги «Письма Мюллера к Бонстегену»³⁹⁹. О переводах Спиридова и Корниловича мы уже упоминали. Очень характерен выбор писателей для переводов: носитель древнереспубликанских идеалов Тит Ливий, разоблачитель императорского самовластия Тацит, враг аристократии Саллюстий. В этот же круг античных писателей включался и Цицерон, речь которого против Катилины воспринималась исключительно как выступление в защиту республики. «Записки» же Цезаря интересовали декабристов как классический памятник военного искусства.

Во время пребывания декабристов в Чите был выполнен большой коллективный труд — перевод знаменитого труда Гиббона «История заката и падения Римской империи», вызванный к жизни, впрочем, не столько историческими интересами, сколько полемикой между «материалистами» и верующими, о чем более подробно будет сказано далее.

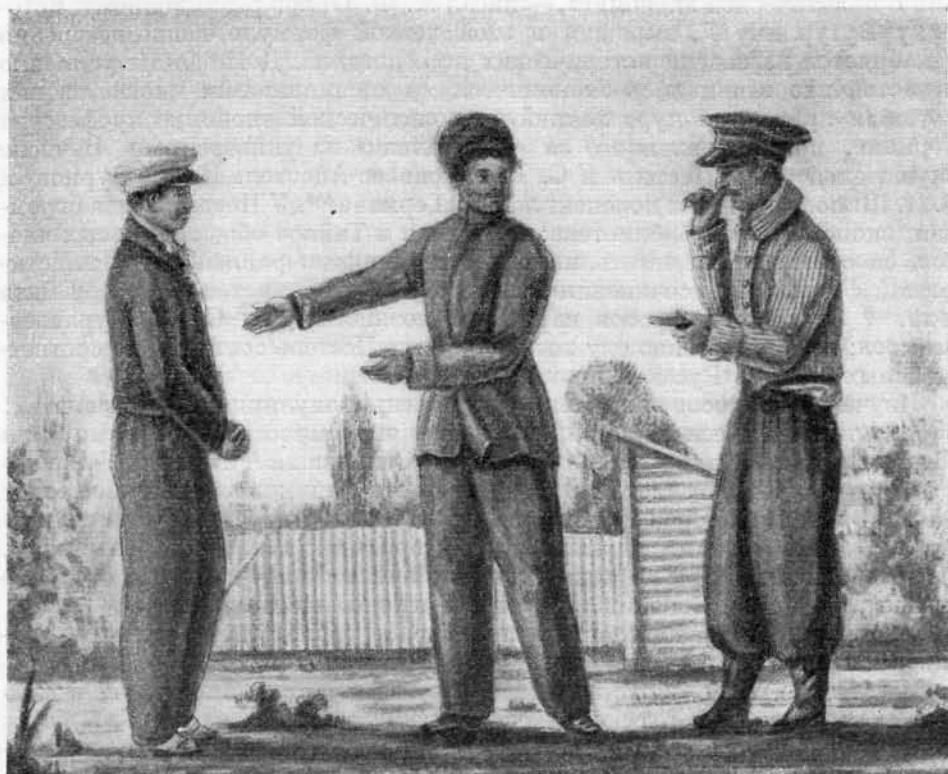
Из оригинальных трудов по древней истории, созданных декабристами, можно назвать лишь сочинение Лунина «О религиозных верованиях греков», написанное им в Акатуе. В письме (1843), которое ему удалось, минуя легальные пути, отправить Волконскому, он сообщал: «Мои занятия преуспевают в уединении и тишине тюрьмы. В течение двух последних лет я прилежу, главным образом, к греческому языку, при помощи книг, которые сестра моя прислала мне, как бы по внушению, из Берлина. Занятия мои имеют предметом религиозные верования (*les doctrines religieuses*) у Гомера <...> Но горе мне, если моя греческая мазня попадет в руки властей! Они будут способны сжечь меня живым, как колдуна, чернокнижника»⁴⁰⁰. Все бумаги Лунина акатуйского периода погибли.

Какими-то историческими исследованиями занимался в Сибири Батеньков. Пущин писал ему (1857): «Пора тебя обнять крепко и пожелать тебе успеха в твоих исторических разысканиях»⁴⁰¹. Комментатор полагает, что речь идет о переводах книги Токвиля («Старый порядок и революция») и труда Лебо. С. С. Волк понимает эти слова буквально, полагая, что Батеньков, действительно, вел какие-то «исторические разыскания»⁴⁰². Это замечание кажется нам вполне правильным; по всей вероятности в Сибири уже начал Батеньков свою работу по истории русского права, над которой трудился он и по возвращении из Сибири. «Имею, если не великое, то огромное, ежели не ученое, то кропотливое занятие над византийской историей и русским правом, поглощающее большую часть времени», — писал он Лучшеву в конце 1859 г.⁴⁰³ «Византийская история» — двадцатисемитомный труд французского историка Ш. Лебо (*Ch. Le Beau* или *Lebeau*) «*Histoire de Bas Empire*» (1756—1779); Батеньков успел перевести четырнадцать томов (хранятся в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Но труд его по истории русского права не сохранился. Перевод Токвиля был закончен, но не напечатан.

Усиленно интересовались декабристы и местной историей. Помимо Н. А. Бестужева, ею занимались Лунин, Якушкин, Н. М. Муравьев; в их бумагах сохранилось очень много выписок по истории Сибири. Штейнгель написал очерк «О сибирских сатрапах»⁴⁰⁴; Бригген, находясь в Пельме, собирал сведения о знаменитых изгнанниках, живших в этом городе. Кое-что из собранных им сведений он сообщил в письме к Розену⁴⁰⁵. Сводной работы Бригген не написал, но и самые записи таких рассказов и преданий представляют научный труд, ценный для историка и особенно для фольклориста.

На Кавказе занимался историко-археологическими разысканиями Алексей Веденяпин. 8 июня 1829 г. он писал брату Аполлону, находявшемуся в Киренске: «...в свободное время учусь по-татарски и теперь

я могу понимать их — спрашивать — и с помощью этого правила вникаю в характер побежденных друзей наших, вникаю в образ их жизни и выкапываю из голов седых муллов древности о народах малочисленных, но разноплеменных, составляющих население покоренных папалыков. Копаюсь в бедных архивах армянского священства и из пыльных, полусъеденных мышами огромных рукописных фолиантов я нахожу исторические известия, смешанные с баснями воображения. Осматриваю древности, которыми страна сия изобилует, но которых существование скрыто

И. Д. ЯКУШКИН, П. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН И М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР
В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Акварель декабриста Н. П. Решина (?), 1830—1831 гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в бедне времени минувшего <...> Встречаешь часто развалины престранных городов — и только догадками и по истории признаков, не всегда удовлетворительных, полагаешь, какое название носило оно...»⁴⁰⁶.

Далее он излагает брату ряд своих догадок и дает описание различных археологических памятников: развалин у брода Асландузского, на берегу р. Араксы, в Карабахской провинции, укрепления Шамхор, развалин Ани, каменного моста через р. Храм, построенного якобы Помпеем, развалин старинного города вокруг Эчмиадзинского монастыря (очевидно, как думает Веденяпин, г. Вагаршапет, построенный в 194 г. царем Вагаршом), крепости Гасан-кала «с минералогическими водами, где купались Александр Македонский и Помпей» и др. «Итак, видишь, — заканчивал письмо Веденяпин, — занятия своего брата, который ценит время свое, но гром барабана отвлекает от всего...». Это письмо —

единственный сохранившийся след научных разысканий Веденяпина на Кавказе.

Одним из наиболее отличительных признаков русской молодой исторической школы, представителями которой являлись декабристы и которая выражала передовую историческую мысль дворянского этапа русского освободительного движения, было стремление сочетать историческое изучение с экономическими факторами и видеть в последних основу и опору для исторических выводов и обобщений. «Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии», — писал М. Ф. Орлов реакционному историку Бутурлину⁴⁰⁷, выражая в этой четкой формуле общие воззрения декабристов на задачи исторических исследований. Декабристы усиленно и настойчиво занимались экономическими дисциплинами; многие из них слушали приватный курс лекций по политической экономии профессора Германа, позже удаленного за «либерализм» из университета. В числе слушателей были Пестель и С. И. Муравьев-Апостол. И. Г. Бурцов и С. П. Шипов составили конспект лекций Германа⁴⁰⁸. У Пестеля была огромная экономическая библиотека; принимая в Тайное общество новых членов, он советовал им читать, наряду с классиками ранней материалистической философии, сочинения выдающихся экономистов — Сэя, Смита и др.⁴⁰⁹ Знатком вопросов народного хозяйства был С. И. Муравьев-Апостол; недаром именно ему хотел поручить Пестель составление соответственных глав в «Русской правде».

Изучение вопросов экономики было очень популярно и в казематах. «Занятия политическими, юридическими и экономическими науками были общие» в казематах, — свидетельствует Завалишин⁴¹⁰. Слово «общие» в данном случае означает, что этими науками занимались независимо от темы и характера своих специальных интересов. Посылая Вяземскому стихи Одоевского для задуманного декабристами альманаха «Зарница», Муханов писал: «Нам не копить золота; наш металл—железо и желание заработать — Say, Constant, le comte Sismondi etc.».

«Оставленное декабристами литературное наследство, в котором развиваются их экономические взгляды, невелико, — пишет К. А. Пажитнов, — тем не менее, и это немногое, что известно, составляет очень важный этап в истории русской экономической мысли и оказало глубокое влияние на позднейшее развитие ее»⁴¹¹. Основное значение их политико-экономических исследований в их «насыщенности политическим содержанием» и органической «связи с революционной борьбой против крепостничества и царизма»⁴¹². Следует особо подчеркнуть, что из всех научных сочинений, написанных декабристами, самыми крупными были труды по экономическим или историко-экономическим вопросам: «Опыт по теории налогов» (1818) Н. И. Тургенева, «О свободе торговли» (1832) Н. А. Бестужева, «О государственном кредите» (1833) М. Ф. Орлова⁴¹³, «О сообщениях (О канализациях) в России» (1830-е годы) Н. М. Муравьева. Здесь же должен быть назван и основной программный памятник декабризма — «Русская правда»⁴¹⁴.

Учет известных о написанных, но не увидевших света и совершенно утраченных, экономических трудах декабристов дополняет общую картину интересов декабристов в этой области. Изучение общих вопросов политической экономии тесно сочеталось с изучением русского народного хозяйства и финансово-экономических вопросов. В преддекабрьские годы эти вопросы были «в самом центре общественного внимания и главной областью экономическо-политических мероприятий государственных органов»⁴¹⁵.

В 1810 г. Н. И. Тургенев предполагал писать «Курс политической экономии». В том же году им была написана диссертация «Рассуждение о банках и бумажных деньгах»; диссертация не дошла до нас, но, как

полагают биографы Тургенева, она составила основу его позднейшего труда («Опыт теории налогов»). Затерялись и его критические замечания к книге Сэя, над которыми он работал в 1817 г.⁴¹⁶ В 1822—1825 гг. Орлов, после его удаления из армии, напряженно работал над трудом о «Новой системе финансов», о чем сообщил в своих показаниях Муханов (ВД, III, 141); повидимому, это первый вариант книги, вышедшей в 1833 г. Выдающимся знатоком вопросов народного хозяйства был Штейнгель, о «записке» которого («О причинах упадка торговли в России») мы уже упоминали выше.

По свидетельству Завалишина, в Чите и Петровском заводе было написано много статей по экономическим вопросам, но до нас дошла только рукопись Н. А. Бестужева. Об остальных не сохранилось даже и упоминаний; известно лишь о труде Торсона «Система русских финансов», прочитанном им в виде курса лекций в «казематском университете». В своих лекциях Торсон выступал против запретительной системы Канкринна, «доказывая ее губительное влияние на Россию»⁴¹⁷. В архиве Торсона, который разбирал Розен, находились «Записки о земледелии»; судьба этой рукописи, как и вообще бумаг Торсона, неизвестна⁴¹⁸.

Проблемы организации и упорядочения финансового дела занимали декабристов и позже. В 1857 г. Батеньков с огорчением сообщал Е. И. Якушкину о написанных им и затерявшихся в редакциях журналов статьях; среди них была статья «О деньгах», направленная в редакцию «Московских ведомостей» и оставшаяся ненапечатанной⁴¹⁹.

Вопросами местного народного хозяйства занимались на поселении Н. М. Муравьев, Н. А. Бестужев, М. К. Кюхельбекер, В. И. Штейнгель. Н. А. Бестужев писал корреспонденции в Волжье экономическое общество, но напечатаны были лишь две его заметки; в архиве Бестужевых сохранилось упоминание еще о нескольких: «О происхождении казенных земель в Забайкалье», «О покосах в Забайкалье»; они относятся, вероятно, к началу пятидесятых годов. М. А. Бестужев называет еще одно сочинение — «Обозрение Забайкальского края», прибавляя, что оно, «кажется, было напечатано»⁴²⁰.

И. И. Пущин сообщал сведения об экономической жизни Западной Сибири Е. А. Энгельгардту, который редактировал в 1834—1853 гг. «Земледельческую газету»⁴²¹; среди записей М. И. Семецкого имеется неясное указание на сотрудничество в этом органе Н. А. Бестужева. Быть может, внимательный просмотр «Земледельческой газеты» даст возможность обнаружить ряд статей и корреспонденций И. И. Пущина, Н. А. Бестужева, Н. В. Басаргина и других декабристов.

Среди утраченных философских произведений декабристов первое место по важности должно занять сочинение А. П. Барятинского «О происхождении человеческого слова». В среде декабристов Барятинский был одним из наиболее убежденных и непримиримых последователей материалистических идей. Из философских сочинений Барятинского сохранилось только несколько рукописных отрывков, содержащих его «размышления» по вопросам преимущественно этического порядка, и атеистическая поэма «О боге» (на французском языке)⁴²².

Вопрос о происхождении человеческого слова был главным предметом спора в казематах между материалистами и их противниками. А. П. Беляев так рассказывает об этом: «Материалисты проводили ту идею, что ското-человек, происшедший тогда еще из глины, а теперь от обезьяны, силами материи, как и все другие животные, сам изобрел язык, начав со звуков междометия, составляя его из звуков односложных, двухсложных и т. д. Пушкин <П. С. Бобринцев-Пушкин> поддерживал, без сомнения, сотворение человека непосредственно божественным действием, необходимым следствием чего было то, что человек получил дар

слова вместе с разумною душою в тот момент, когда была она вдохнута в него божественным духом. Много доводов приводилось за и против этого сотворения по откровению и споры длились бесконечно». В это время Бобрищев-Пушкин и написал статью «О происхождении человеческого слова», которая вызвала ответ — «рассуждение» Барятинского. Беляев далее говорит о «превосходстве» статьи Бобрищева-Пушкина и о «слабости» опровержения Барятинского, но пристрастность этого суждения слишком очевидна, чтоб нужно было в какой бы то ни было мере считаться с оценкой Беляева⁴²³. О самой аргументации Барятинского он не сообщает, к сожалению, никаких подробностей.

Выдающимся представителем материалистической философии был среди декабристов Н. А. Крюков, принадлежавший к ближайшему окружению Пестеля. Автор статьи «Социально-политические и философские воззрения декабристов», И. Я. Щипанов, так характеризует сущность философских взглядов Крюкова: «Сохранившиеся записи Н. А. Крюкова свидетельствуют, что он далек был от механического усвоения материалистических и атеистических идей из прочитанных им книг, а критически их осмысливал и перерабатывал, делая самостоятельные, вполне оригинальные выводы <...> В записях Н. А. Крюкова мы находим много высказываний по вопросам теории познания, в которой он был сторонником материалистического сенсуализма»⁴²⁴.

До ареста Крюков работал над философско-педагогическим трактатом, задуманным им в виде писем к матери. Н. П. Павлов-Сильванский озаглавливает этот труд «Руководство к воспитанию»⁴²⁵, но вероятнее, что трактат имел бы заглавие вполне в духе своего времени: «Письма к матери». Было ли закончено это произведение или Крюковым были написаны только эти немногие, дошедшие до нас отрывки — неизвестно. Павлов-Сильванский предполагал, что часть своих бумаг Крюков уничтожил, — очевидно те, которые представлялись ему наиболее опасными. Впоследствии Крюков отошел от своих воинствующих философских позиций и примкнул к кружку П. С. Бобрищева-Пушкина. По свидетельству современников, он много писал, находясь на поселении, но его бумаги этого периода также погибли, и о характере и содержании последних трудов Крюкова нам ничего не известно.

Из философских сочинений Якушкина сохранился лишь небольшой отрывок, посвященный вопросу об основном отличии человека от животного и направленный против идеалистических представлений о сущности жизненных процессов. Впервые о нем стало известно из статьи Н. М. Дружинина, затем этот отрывок дважды был опубликован: в «Вопросах философии» под заглавием «Что такое человек»⁴²⁶ и в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» под заглавием «Что такое жизнь»⁴²⁷; в статье Дружинина он именуется «Эмбриология и вопросы жизни»; относится данный отрывок ко второй половине тридцатых годов. Не ясно, что представляет собою этот отрывок — отдельный этюд или только часть более обширного сочинения, не дошедшего до нас в целом виде. Не сохранилось никаких сведений и о ранних произведениях Якушкина, написанных им еще до ареста, которые Чаадаев позже характеризовал как «оледенелый деизм».

Носителями религиозно-идеалистических тенденций в философии были главным образом П. С. Бобрищев-Пушкин и Е. П. Оболенский. В «казематском университете» Оболенский был прочитан курс лекций по истории философии. На поселении он работал над каким-то сочинением по истории церкви и христианства. Из всех писаний Оболенского на философские темы ничего не сохранилось; о сущности его воззрений можно судить лишь по его письмам и некоторым указаниям в мемуарах и переписке других декабристов.

КОЛОКОЛЬ

VIVOS VOVO!

АНСТЪ 143.

1 СЕНТЯБРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 24).

F. Trenchard & Co. 25 AVENUE STREET,
60, PATERNOSTER ROW, & 1, TRINITY STREET,
1, MANCHESTER STREET, (GERRARD STREET),
SOUTH, LONDON. Price One shilling, with
Supplement: VET CHE No. 3.

Выходить еженедельно въ Лондонѣ.
Печатается въ Восточной Русской Типо-
графии, — 130 & 132, Саутъ-Моунтъ Роудъ, N.
Цена 1 пайсъ, съ третьими листками—
ОБЩЕЕ ВЪРЖЕ.

ОТЪ АВДЕНІЕ—Записки Декабристовъ—Исаевъ Рамковъ—Васильевъ въ Варшавѣ—Мученики и мучители въ Польшѣ—Петрова—Каврица
во Франкфуртѣ—Наполеонъ въ Берлинѣ (Бродовичъ)—Почтова. Служба: Грива Петрова и Сестрина—Сиротинъ III Общества—Лавъ Шлепелавичъ!

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Первая присылка записокъ получена нами. Мы не имеемъ словъ, чтобы выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то мыйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство знавшее ихъ по Балузову и по Коржу—узнаеть ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благоговѣніемъ среднѣклассныхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и жата свѣтлыя, приклеивая къ печатанію "Записки Декабристовъ;" мы чувствуемъ себя гордыми, что на долю нашего стиска досталась честь обнародовать ихъ.

Всѣ извѣстныя деньги, за расходы на печать и бумагу мы раздѣлили по полкамъ. Одну половину переищемъ для вспомоществованія лицамъ сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическаго тѣнненія, *дружбу*—оставимъ въ Лондонѣ для вспомоществованія русскимъ, которые вынуждены будутъ покинуть отечество, по причинѣ тѣхъ же тѣнненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги проследимъ въ Сибирскій фондъ.

Мы предположили назвать Записки отдельными выдѣлками и назвать ихъ запиской "И. Д. Визинкина" и выдать "Грузинскаго". За тѣмъ послѣдуютъ записки князя "Оболонскаго, Басаргина, Штенгеля, Люблинскаго, Н. Бискупера", альбомъ о 14 Декабря "Пушкина", "Бѣлая перекля", "Воспоминанія князя Оболенскаго о Рылеевѣ и Лихачевѣ", "Балузовъ изъ разсказами Декабристовъ", "Служба общественной комиссіи" статьи "Лунина" и разныя письма.

О подробностяхъ изданія извѣстимъ въ послѣдствіи.

1 сентября 1862 г.

И—ръ.

Письмо изъ Константинополя.

Милостивый Государь!

Студентъ и полякъ, я былъ арестованъ по политическимъ причинамъ и приговоренъ въ отдачу въ солдаты въ японскія полки, стоящія въ Сибиря.

Мнѣ удалось бѣжать съ Сибирской границы и я добрался безъ большихъ препятствій до Константинополя.

Годъ VI.

Въ моемъ побѣдѣ помогали мнѣ самыми дѣтскими образомъ многие изъ нашихъ соотечественниковъ, а свѣто община—извѣстия изъ о моей судьбѣ.

Находясь теперь въ свободѣ, я не имѣю другаго средства исполнить мое обѣщаніе, такъ обращаюсь къ вашему журналу. Передайте мнѣ мою глубокую признательность за благородное сочувствіе, которое вы оказали не только несчастному, но поляку, пострадавшему за свѣто дѣю своей родинѣ.

Желаю бы я очень лично разсказать вамъ исторію моего путешествія по Россіи, продолжавшагося вѣсколю мѣсяцевъ, но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ исполнить это въ скоромъ времени и пр.

Преданный вамъ

Исаиинъ Рамковъ.

Константинополь,
12 Августа, 1862 года.

ВИСЬНИЦА ВЪ ВАРШАВѢ.

И такъ вышло александровской конституціи, Константинъ Нильсевичъ приѣхалъ въ Варшаву николаевскую вѣсьницю. Ярошевскій былъ повѣщенъ 21 Августа, 26 Августа, были повѣшены: Рылъ и Ржоняна.

Въ нашихъ глазахъ вѣсьница оканчена со времени Пестеля и его друзей, крѣсть быль тоже вѣсьницей. Вообще мы о рѣдкѣ убійствъ и о толькихъ палачества спорить не будемъ, но въ глазахъ *вѣсьницъ* это не такъ, она считаютъ смерть на вѣсьницѣ *покойной*... Словомъ явлено являть монгольской злобы и вабое отсутствіе такта, чтобы казнить съ поруганіемъ изъ личной мести.

РУССКІЕ МУЧЕНИКИ И МУЧИТЕЛИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Вывисывавши изъ чрезвычайно амфателнаго письма, полученнаго нами изъ Польши съзвующаго строю: "До васъ вѣроятно дошло извѣстіе о первыхъ жертвахъ со стороны русскаго воюста, объ *Арнольдо, Стенцковѣ* и *Роскиевскомѣ*. Передъ арестомъ челоуѣкъ шестьмѣсять омазтъ съ оружіемъ голово было зашипать ихъ и только припаданіе Сивинскаго удержало ихъ. Въ дѣржали собѣ, особенно Арнольды, передъ судомъ съ героическою твердостью. Они съ первыхъ словъ объявили, что говорять съ солдатами и распространяла между

СООБЩЕНІЕ А. И. ГЕРЦЕНА О ПРЕДПРИНЯТОМЪ ИМЪ ПЕЧАТАНІИ ЗАПИСОКЪ ДЕКАБРИСТОВЪ

Помещено за подписью И—р «Искандеръ» в листѣ 143 «Колокола» от 1 сентября 1862 г.

Философские интересы декабристов находили отражение в их довольно интенсивной переводческой деятельности. Еще до ареста многие декабристы усиленно переводили сочинения французских материалистов. П. И. Борисов переводил Гельвеция и Вольтера, Н. А. Крюков — Кондильяка и знаменитую «Библию материализма» — «Систему природы» Гольбаха, Спиридов — Вейсса. Переводы эти делались отчасти ради самообразования, отчасти — в целях пропаганды. Так, например, Борисов и Люблинский знакомили своих товарищей с сочинениями Вольтера и философов-материалистов (ВД, V, 192, 277). На почве философских споров и исканий был создан на каторге коллективный перевод знаменитого монументального сочинения Гиббона по истории Римской империи; перевод этот был выполнен, в основном, членами «конгрегации» (так назывался казематский кружок, объединявший декабристов, интересовавшихся вопросами религии). Может показаться странным, что они избрали для перевода труд, считающийся классическим памятником «просветительской историографии», но их, по словам Беляева, прельстило обилие сообщенных Гиббоном фактов, свидетельствующих «о чистоте и добродетельности первых христиан». Они рассчитывали этими фактами убедить противников в нравственной силе христианского учения, однако, — признается с сокрушением Беляев, — Гиббон содействовал только укреплению позиций материалистов, которые, прочитав Гиббона, еще более «утвердились в неверии и стали в нем фанатиками». Это обстоятельство остановило переводчиков от намерения опубликовать выполненный ими труд; в свою очередь, некоторые наиболее страстные и последовательные атеисты пытались похитить этот перевод у «конгрегации», «чтоб сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его». Инициаторами этого замысла были И. Киреев и П. Борисов⁴²⁸. Позже, на поселении, хотел приняться за перевод Гиббона Бригген, но Жуковский отсоветовал ему «в виду антирелигиозного направления» автора⁴²⁹. Выполненный декабристами перевод Гиббона не сохранился. П. С. Бобрищев-Пушкин переводил «Мысли» Паскаля; позже, уже на поселении, он вновь вернулся к этому труду, надеясь найти в его опубликовании источник существования, но в это время книга Паскаля вышла уже в свет в переводе Бушовского (1843) и, несмотря на очень дружные и энергичные усилия декабристов, многолетний труд Бобрищева-Пушкина так и не увидел света; рукопись его не сохранилась⁴³⁰.

В Чите Пуциным и Штейнгелем были переведены «Записки Франклина», к которым Пуцин написал предисловие с посвящением труда Е. А. Энгельгардту. Перевод был послан для печати кому-то из родственников П. А. Муханова и где-то затерялся. Черновая рукопись была истреблена, «по случаю бывшего тогда тюремного осмотра». «Нельзя было сохранить эту контрабанду, — пишет Пуцин, — чернила были запрещены»⁴³¹.

ХV. ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ ДЕКАБРИСТОВ

Самую обширную часть литературного наследия декабристов составляют автобиографические писания: дневники, «памятные книжки», собственно мемуары, замечания по поводу воспоминаний товарищей или других лиц. Они являются и важнейшими историческими источниками, без которых немислимо было бы создать полную историю декабристского движения, и одновременно входят в круг памятников декабристской художественной литературы. «Воспоминание о Рылееве» Николая Бестужева, «Записки» Горбачевского, «Мои тюрьмы» М. А. Бестужева — относятся в равной мере и к истории и к истории литературы...

М. А. ФОНВИЗИН

Пастель А. Г. Венецианова, 1814 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Для историка особенно важными и ценными представляются дневники. Мемуары по большей части созданы в позднейшее время, очень часто они ретроспективны, в них не мало ошибок памяти и позднейших привнесений; дневники всегда современны изображенным в них событиям, записи в них, как правило (конечно, не без исключений), точны; в них нет следов заботы о читателе, что делает их ценнейшим источником для изучения формирования личности того или иного деятеля и истории его мировоззрения.

К сожалению, дневники декабристов сохранились в крайне незначительном количестве, так же, как и дневники их ближайших современников. Вполне понятно, что такого рода «бумаги» уничтожались в первую очередь. Сохранился и дошел до нас лишь один, — правда первоклассный, — памятник такого рода: дневник Н. И. Тургенева (1806—1824). Можно еще причислить сюда «Памятную книжку» Александра Бестужева (1823—1824)⁴³², но она даже в отдаленной степени не может быть поставлена по своему значению рядом с дневником Тургенева. Это именно записная книжка, то есть краткие записи событий, встреч, бесед, посещений театра, прочитанных книг и т. п., — очень интересные и важные для биографии Бестужева, но мало что дающие для воссоздания его идейной жизни, ибо все эти записи отрывочны, почти всегда лишены каких бы то ни было оценок или замечаний, которые могли бы раскрыть отношение автора к тому или иному факту, и уже совершенно лишены элементов самоанализа, обязательно присутствующих в дневниках и подобных им автобиографических памятниках.

Дневником Тургенева и «Памятной книжкой» Бестужева исчерпывается состав дошедших до нас ранних дневников декабристов, немногочисленны и наши сведения об их утраченных дневниках додекабрьского периода. Известно, что в Лицее вели дневники Пущин и Кюхельбекер. Пущин впоследствии очень сожалел о гибели своего лицейского дневника, который он — по собственному признанию — истребил «поспешно и опрометчиво»⁴³³. Утрачен отроческий дневник А. А. Бестужева, который он вел в кадетском корпусе и память о котором сохранил его брат Михаил. В «Воспоминаниях об Александре Бестужеве» он рассказывает: «Жаль и очень жаль, что этот любопытный дневник десятилетнего кадета затерян или истреблен им, что, впрочем, не могло случиться ранее 1825 года, потому что я читал его незадолго до этого времени. В этом тайнике его чувств и помыслов, писанном собственно для себя, без всякой претензии на авторство, без обдуманного плана, с детскою наивностью, можно было уже заметить зародыши будущих талантов и недостатков его на литературном поприще; в нем как бы в зеркале увидели миниатюрного Марлинского, с его складом ума и сердца, с его оригинальною, саркастическою речью, наблюдательным взором и пылким воображением». По рассказу М. А. Бестужева, в этом дневнике были подробные записи событий повседневной жизни корпуса, «длинная галерея» портретов, в изображении которых чередовались веселые и серьезные тона, сменяясь иногда «сентиментальной элегией». Особенно хороша была та часть дневника, где А. А. Бестужев «в карикатуре чертил портреты своих товарищей, учителей, офицеров и даже служителей»⁴³⁴. Зарисовки, по словам М. А. Бестужева, были настолько похожи, что он, при посещении корпуса, сразу узнавал оригиналы этих карикатурных изображений.

Погиб дневник Н. И. Комарова, сыгравшего, как известно, весьма неблагоприятную роль в процессе декабристов. В своем пространном показании он писал: «...я вел всегда краткий журнал у себя дома и долго еще сохранял его и после, не один раз перечитывал. Оттого многое и помню почти буквально, а не по смыслу только, и жалею душевно, что уничтожил его впоследствии, в 1823 году уже»⁴³⁵. По всей вероятности, дата —

1823 год — названа Комаровым для того, чтобы подчеркнуть лойяльный характер своих записей, то есть он хотел дать понять, что уничтожение дневника произошло не вследствие каких-либо опасений, вызванных возможностью ареста в 1825 г., а по причинам чисто личным, не имеющим политического характера. Историку придется весьма сожалеть об утрате этого дневника, так как он, несомненно, содержал исключительно интересные сведения о работе Союза Благоденствия на юге и особенно о Московском совещании 1821 г.

Погибла записная книжка П. Х. Граббе, близкого друга и сподвижника Якушкина и Фонвизина. По сообщению П. И. Бартенева, Граббе десятки лет сряду вел подробные записи «всему, что с ним было»: «В исходе 1825 г., когда он подвергся кратковременному заточению по поводу знакомств своих с декабристами, его домашние истребили эти дневники». Позднее он многое восстановил и написал «Записки», но они заканчиваются войной 1812—1813 гг.⁴³⁶

Не сохранился кишиневский дневник И. П. Липранди — впоследствии крупного полицейского агента, но в молодости весьма близко стоявшего к кишиневской ячейке декабристов. В 1866 г., в связи со статьями Бартенева о пребывании Пушкина на юге, Липранди опубликовал воспоминания о кишиневском периоде жизни Пушкина. Свою публикацию он сопроводил примечанием, в котором сообщил, что эти воспоминания («Заметки», как он называл их) «взяты из дневника и в некоторых местах дополнены из памяти»⁴³⁷. Дневник в целом до нас не дошел, и его последующая судьба — неизвестна. Несомненно, в нем могли содержаться ценнейшие материалы для истории кишиневской ячейки Южного общества и его разрома.

К додекабрьскому периоду относятся «Записки» М. А. Дмитриева-Мамонова. В специальной заметке под заглавием: «Существуют ли Записки графа М. А. Мамонова», Н. Киселев писал: «Случайно попались нам в руки небольшие выписки из журнала, веденного графом Мамоновым в Дубровицах. Выписки эти, сделанные одним из многих опекунов покойного графа, свидетельствуют как о здоровом уме писавшего журнал, так и о том, что самый журнал, действительно, не лишен интереса. Судя по имеющимся у нас отрывкам, многие места Записок, по крайней резкости суждений, не могут явиться в печати; но для нас важны не столько личные взгляды заточенного отшельника (*solitaire banni*), как он сам себя называет, сколько его рассказы о прошлом. Надежда, что эти рассказы не погибли, а сохранились в просвещенных руках, побуждает нас спросить печатно: где же находятся Записки графа М. А. Мамонова? И кто может познакомить нас с ними, хотя в отрывках...»⁴³⁸.

Мамонов заболел психическим расстройством в 1817 г.; в Дубровицах он жил в 1820—1824 гг., — стало быть, этим временем и следует датировать записи, которые были в руках Киселева; тем более, что впоследствии в болезненном состоянии Мамонова уже не было таких светлых перерывов, которые позволили бы ему заняться каким-либо литературным трудом. Записи, бывшие у Киселева, касаются главным образом времени Екатерины II и, вероятно, воспроизводят рассказы отца Мамонова — одного из фаворитов Екатерины: в них упоминаются Потемкин, Румянцев, путешествие Екатерины по Крыму и др. К сожалению, редакция «Русского архива» пренебрегла или не сумела воспользоваться по цензурным причинам теми страницами «Записок», в которых отразились «резкие суждения» их автора.

К числу крупнейших утрат декабристоведения следует отнести «Записки» Пушкина, сожженные им в 1825 г. О их прямой и непосредственной связи с декабристским движением свидетельствует сам поэт в сохранившемся начале автобиографии: «Несколько раз принимался я

за ежедневные записки, и всегда отступался из лени; в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Есть основания думать, что «Записки» были уничтожены их автором не в 1825 г., а позднее: они еще хранились у него, когда он писал свою «Записку о народном воспитании» (1826). Из пометок в черновом тексте видно, что поэт предполагал первоначально использовать для ее составления некоторые материалы из своих «Записок»⁴³⁹.

Большая часть декабристских мемуаров написана после амнистии, но некоторые попытки делались уже и во время пребывания в сибирских тюрьмах и на поселении. Декабристы придавали этому делу огромное значение. Помимо сознания важности исторических свидетельств о восстании 1825 г., ими руководила еще необходимость выступить с разоблачениями лживых и клеветнических сведений о них, какими изобиловало официальное «Донесение». Позже, уже после амнистии, новым поводом явилось пресловутое сочинение М. А. Корфа о восшествии на престол Николая I. Когда, в первые годы пребывания в Сибири, возникла мысль о массовом побеге, то одним из стимулов — по крайней мере, для некоторых — было стремление, вырвавшись из тюрьмы, «огласить правду» о событии 14 декабря и о настоящем положении России⁴⁴⁰.

Существуют неясные и очень путаные рассказы Завалишина и, с его же слов, С. В. Максимова о возникшем еще в Чите замысле коллективной *истории 14 декабря*, для чего была избрана даже специальная комиссия, приступившая к собиранию материалов и к их предварительной обработке. Рассказ Максимова изобилует такими фантастическими подробностями и содержит столько неверных сведений, что пользоваться им совершенно не приходится, но, несомненно, какое-то зерно истины в его сообщении имеется⁴⁴¹. Во всяком случае, очень знаменательно, что два обстоятельных рассказа о самом дне 14 декабря написаны лицами, не только не присутствовавшими на площади, но находившимися в тот день вне Петербурга: Якушкиным и Завалишиным. Естественно, что изображенная ими картина восстания была создана по рассказам их товарищей. В значительной мере по рассказам участников южного восстания составлены и «Записки» Горбачевского.

Из мемуаров, написанных во время пребывания на каторге, известно только «Воспоминание о Рылееве» Н. А. Бестужева, но были и другие попытки. По свидетельству Е. И. Якушкина (конечно, на основании рассказов его отца или Пущина), писал мемуары Никита Муравьев, «а чтобы они не попались в руки правительства, он писал их в форме отдельных заметок на полях книг». Полностью эти записи не сохранились, но извлечения из них вошли впоследствии в состав воспоминаний А. М. Муравьева, озаглавленных «Mon journal»⁴⁴².

Неясно, в какой мере точно сообщение Завалишина о «Записках» Лунина, которые он, будто бы, вел на каторге. Завалишин уверяет, что Лунин сам рассказал ему о своих «Записках», прибавив: «...вести правдивые записки — обязанность каждого общественного деятеля»⁴⁴³. Быть может, в данном случае речь идет не о мемуарах Лунина, а о его статьях, посвященных разбору «Донесения Следственной комиссии», в которых содержится не мало и фактов автобиографического характера.

Из одного неопубликованного письма Горбачевского с несомненной очевидностью явствует, что существовали и «Записки о 14 декабря» И. И. Пущина, написанные им на каторге. В 1860 или в начале 1861 г. Горбачевский посетил М. А. Бестужева. Вспоминая дни, проведенные у последнего, он писал (23 августа 1862 г.) Завалишину: «Он <М. А. Бесту-

И. Д. ЯКУШКИН

Рисунок декабриста М. А. Назимова,
1837 г.

Исторический музей, Москва

жев) кое-что писал, не знаю для кого <...> Он не пишет истину, но какие-то романы и повести, подобно тому, как некогда писал подобное брат его Николай и Иван Иванович Пущин, если Вы что-либо читали из их сочинений»⁴⁴⁴. Горбачевский имеет в виду, конечно, не какие-либо беллетристические произведения, а мемуары, ибо в 1860—1861 гг. М. А. Бестужев писал, по вызову М. И. Семевского, исключительно свои записки, которые озаглавил «Мои тюрьмы». Но Горбачевский отрицательно относился к такому типу мемуарного повествования, в котором исторические события тесно соединялись с личностью автора и самый рассказ велся от первого лица. Такую форму изложения он и именовал иронически «романами» и «повестями». Нас интересует в данном случае не самая оценка Горбачевского (вообще крайне интересная и важная для понимания его собственных «Записок»), но вытекающее непосредственно из его слов свидетельство о существовавших записках Пущина, выполненных в том же плане, что и воспоминания М. А. и Н. А. Бестужевых. Очевидно, они были уничтожены в то же время, когда и Пущин вынужден был сжечь ряд своих сочинений, написанных в каземате (см. стр. 744).

Выше мы говорили о воспоминаниях Корниловича (1834); они были задуманы как «Обозрение литературной жизни и политических обществ двадцатых годов». Рукопись эта была передана самим Корниловичем (незадолго до его смерти) полковнику Ключену; что случилось с ней потом — неизвестно. Некоторые подробности об этом «Обозрении» сообщил в письме к М. О. Корниловичу декабрист Голицын. Оно было задумано Корниловичем не столько как «описание» «своей политической жизни», но как «теоретическое описание», как исследование о зарождении и развитии в обществе либеральных идей⁴⁴⁵. Можно сделать заключение,

что это «Обозрение» было построено по тому же плану, что и аналогичное сочинение М. А. Фонвизина, носящее, к тому же, и сходное заглавие: «Обозрение проявлений политической жизни в России» и в котором автобиографический рассказ органически включен в общий исторический очерк; отчасти по такому же плану построены и записки С. П. Трубецкого. Это был особый тип мемуаров в декабристской автобиографической литературе.

Из дневников времени тюремного заключения и поселения сохранился обширный дневник В. К. Кюхельбекера. Он был опубликован с многочисленными сокращениями на страницах «Русской старины» и затем, уже в советское время, отдельным изданием, но также не в полном виде. Дневник хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, но некоторые части его утрачены: полностью отсутствуют страницы, писанные в Ревеле (1834). По семейным рассказам, ревельский дневник погиб уже в Сибири. Утрата этой части рукописи особенно ощутима, так как именно в Ревеле Кюхельбекер начал вести свой дневник (25 апреля 1831 г.). Позже, перечитывая свои ранние записки, он писал: «В „Ревельском дневнике“ все мягче, живее, свежее, чем в нынешних: самое уныние в нем представляет что-то поэтическое. Тогда еще душа у меня не успела очерстветь от продолжительного заточения».

В Баргузине Кюхельбекер приступил к составлению мемуаров, о чем свидетельствует прямая, четкая запись в его дневнике 21 ноября 1837 г.: «Сегодня начал я свою автобиографию»⁴⁴⁶. Но этой строчкой и исчерпываются все упоминания о ней; продолжал ли дальше Кюхельбекер начатую работу и до какого времени довел свой рассказ, остается неизвестным; в бумагах его нет никаких следов «автобиографии».

Мы уже упоминали о гибели мемуаров Якубовича и Батенькова. Однако сибирский историк Н. Н. Бакай относился с недоверием к рассказам Адрианова и Потанина, усматривая в них лишь отголоски местных легенд⁴⁴⁷. Основанием для него служили слова самого Батенькова, сказанные им Е. И. Якушкину. В ответ на вопрос последнего, начал ли Батеньков свои мемуары, он сказал: «И не начал и не начну. Писать может только тот, кто уверен, что его бумаги сохраняются; а у нас, кто может быть в этом уверен?.. Фамильных архивов у нас нет, а у себя держать бумагу нельзя. Я уже думал как это устроить; самое лучшее средство — положить бумаги в монастырь, и<тому> что за попов можно поручиться, что они бумаг читать не станут и не узнают, что у них за бумаги, но нельзя поручиться, что бумаги не уничтожатся. Как же при таких обстоятельствах писать?»⁴⁴⁸

В словах Батенькова содержится противоречие: с одной стороны, он говорит о нежелании и о невозможности писать, с другой — о намерении скрыть написанное в монастыре. С. Н. Чернов полагал, что Батеньков мог сознательно сказать неправду Е. И. Якушкину, не желая передавать ему свои воспоминания. Это едва ли вероятно: к Якушкину Батеньков относился с большим уважением и с нежностью. По нашему мнению, слова Батенькова отражали только его настроение в момент разговора. Бакай особенно подчеркивал слова Адрианова о нелюбви Батенькова «писать и рассказывать о своем прошлом». Но сохранилось довольно значительное количество автобиографических рассказов Батенькова, воплощенных им в различных формах: «Данные. Повесть собственной жизни», записка о масонстве, составленная Батеньковым для историка С. В. Ешевского, «Воспоминания об Аракчееве и Сперанском», частично использованные Черновым в примечаниях к «Повести о моей жизни». (В рукописном отделе Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится рукопись Н. А. Елагина, в которой записан ряд слышанных им автобиографических рассказов Батенькова.) В «Русских Прописях» (т. II)

напечатаны два автобиографических отрывка Батенькова (1860 и 1862 гг.). Чернов рассматривал их как письма, адресованные неизвестному лицу, и под таким заглавием («Письма к неизвестному») перепечатал в 1933 г.⁴⁴⁹ Подобное толкование данных отрывков явно ошибочно, ибо в них отсутствуют какие-либо внешние и внутренние признаки, позволяющие видеть в них письма; это не письма, а автобиографические наброски.

Все это заставляет отвести как неверные все свидетельства о принципиальном отказе Батенькова писать мемуары. Для опровержения рассказов Адрианова и Потанина нет оснований. «Данные», «Воспоминания

БУРЯТЫ

Рисунок декабриста А. И. Якубовича, 1830 г.

Исторический музей, Москва

об Аракчееве и Сперанском» и автобиографические отрывки 1860—1862 гг. являются, повидимому, возвращением к прежнему замыслу, первым воплощением которого была исчезнувшая томская рукопись.

Существует, наконец, прямое свидетельство, исходящее от самого Батенькова, что в 1857 г., то есть вскоре после возвращения в Россию, им был написан ряд мемуарных очерков. В письме к Е. И. Якушкину, в котором он жаловался на утрату статьи о деньгах, он сообщал и о других своих рукописях, не встретивших интереса у журналистов: «Пропали статьи: у Корнилова — Томск, у Корнилова — Гоголь, у Бартенева — Сперанский, у Хомякова — записки...» и далее: «Ежели я пишу эти статьи, немного и даже много развись от обычного и принятого в словесности тона, то и на это есть мои причины. Надобно бы знать, почему мною пренебрегают или решено уже, что я старик, отсталый и глупый?

Тогда баста!..»⁴⁵⁰. Из названных Батеньковым статей известными являются лишь «Сперанский» и «Записки» (очевидно, «Данные»). Как можно судить по заглавиям, мемуарный характер имели и прочие названные им очерки. С Гоголем он не был лично знаком, но находился в переписке. Статья о Томске была посвящена, очевидно, воспоминаниям о его пребывании и службе в Томске в десятых годах⁴⁵¹.

В декабристской историографии давно уже поставлен вопрос о мемуарах Ю. К. Люблинского. О них сообщалось в известной заметке Герцена по поводу готовящейся им публикации записок декабристов⁴⁵². Из этого делаем вывод, что Герцен видел и читал эти мемуары. Существование «Записок» Люблинского подтвердила и его дочь. По ее рассказу, они были похищены у Люблинского во время его поездки в европейскую Россию после амнистии⁴⁵³. На первый взгляд эти два сообщения противоречивы: если «Записки» украдены, то как они могли оказаться в руках Герцена? К тому же, если б «Записки» находились, действительно, у Герцена, почему он их не напечатал? Но из текста публикации вовсе не следует, что Герцен уже имел «в руках» эти «Записки». Герцену было сообщено о существовании «Записок» и дано обещание прислать их ему для опубликования, почему он и включил их в перечень предполагаемых публикаций. «Записки» же, как и все другие бумаги Люблинского, бесследно погибли, — и, таким образом, оказался навсегда утраченным драгоценнейший источник для истории возникновения и начального периода Общества Соединенных Славян.

Относительно мемуаров других членов Общества Соединенных Славян сведений нет. Нечкина сообщает на основании рассказов родственников И. И. Иванова о его дневнике. Этот дневник будто бы еще в начале шестидесятых годов хранился у его внучки, вышедшей замуж за купца Яковлева⁴⁵⁴. В какой мере точно это сообщение, сказать трудно. Иванов умер в 1838 г.; в связи с арестом Лунина у вдовы Иванова был произведен обыск и отобраны все письма. Если бы существовал дневник, он бы, несомненно, был захвачен, и это нашло бы отражение в делах Иванова и Лунина.

В некрологе М. А. Назимова было сообщено о существовании его «Записок»⁴⁵⁵, это беглое и недостаточно подробное указание позже расшифровано псковским краеведом К. А. Иеропольским. По рассказам старожилов, он установил, что Назимов написал свои «Записки» специально для Некрасова после прочтения им (Назимовым) первой части «Русских женщин»⁴⁵⁶.

Существовали еще заметки Назимова (1881) о последних днях Одоевского. Они были написаны по просьбе и настоянию Розена, составлявшего в то время биографический очерк Одоевского, приложенный им позднее к собранию стихотворений поэта. По его же просьбе написали свои воспоминания о смерти Одоевского Н. А. Загорецкий и К. Г. Игельстром. Их заметки, как и заметки Назимова, Розен включил в свой очерк об Одоевском («мне не трудно было составить одно стянутое целое», — пишет он)⁴⁵⁷, — подлинные же их рукописи не сохранились. Как видно из письма Розена (от 11 сентября 1881 г.), о некоторых подробностях они рассказывали по-разному. Розен усиленно побуждал (в 1878 г.) Назимова написать воспоминания «о кавказских днях». Неясно, выполнил ли его желание Назимов, но какие-то заметки он посылал Розену, которые тот использовал в последнем издании своих «Записок».

Фонд кавказских мемуаров менее богат по сравнению с мемуарами, написанными в Сибири и отражающими сибирскую жизнь декабристов, причем наиболее слабо изображено пребывание декабристов на Кавказе в двадцатых—тридцатых годах. Этот период освещен лишь в мемуарах Гангелова, М. И. Пуцина и П. А. Бестужева. Но «Записки» последнего дошли

до нас лишь частично: сохранившаяся рукопись его «Памятных записок» имеет пометку: «Тетрадь вторая»⁴⁵⁸; первая — не найдена. Существовали «Записки» Е. Е. Лачинова, озаглавленные им «Моя исповедь»⁴⁵⁹. Отрывки этих «Записок», относящиеся ко времени взятия Карса и Эрзерума, были напечатаны в первых двух томах «Кавказского сборника». Один из них начинается следующими словами: «Давно я уже не принимался за мои „Записки“, хотя писал слишком много, до усталости». Никаких сведений о содержании страниц, посвященных раннему периоду, нет; между тем они должны были бы представить исключительный интерес, так как Лачинов был прикосновенен к сокрытию «Русской правды». Именно он должен был впоследствии отыскать спрятанные документы, чтобы пустить их затем «по рукам для чтения» и доказать, «что это дело <подготовка революции> не мальчишек» (ВД, IV, 131).

В состав декабристских мемуаров должны быть включены и записки «прикосновенных» лиц, по преимуществу ранних деятелей Союза Благоденствия, не вошедших в новую тайную организацию и затем совершенно отошедших от участия в революционном движении. К таким деятелям принадлежал, например, лицейский товарищ Пушкина и Пушина, И. В. Малиновский, чей подробный и пространный дневник считался в течение долгого времени утерянным⁴⁶⁰. Ныне он находится в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Сохранились отрывки дневника Улыбышева, имя которого уже нами называлось в настоящем обзоре. А. С. Гацисский сообщал, что записи в дневнике были «любимейшим занятием» Улыбышева, вплоть «до самых последних минут его жизни». Дневник этот видел друг и биограф автора Г. А. Ларош, который писал, что «по литературному и бытовому интересу дневник превосходит все, написанное Улыбышевым, как по-французски, так и по-русски»⁴⁶¹. Ларош ничего не упоминает об историческом значении дневника Улыбышева и, видимо, едва ли знал о связях последнего с декабристами. Быть может, записи, относящиеся к годам «Зеленой лампы», были уничтожены их автором во время всеобщей паники, и ни Гацисский, ни Ларош их уже не видели.

В 1852 г. жандармский офицер по Пензенской губернии, Родивановский, доложил шефу жандармов, А. Ф. Орлову, об обнаруженных им «бумагах», оставшихся после смерти Г. А. Римского-Корсакова, бывшего члена Союза Благоденствия. В числе их были «собственноручные записки» Римского-Корсакова, из которых, — доносил жандарм, — «ясно видно его вредное направление». Кроме того, в тех же бумагах было обнаружено какое-то «воззвание к народу»⁴⁶². Повидимому, это был какой-то, бережно хранившийся документ эпохи декабристов. Так как и «Записки» и «воззвание» были направлены в III Отделение, не потеряна надежда, что они когда-нибудь будут обнаружены.

В конце пятидесятых (или начале шестидесятых) годов написал мемуары Ф. П. Толстой — первый председатель коренного совета Союза Благоденствия, но часть, относящаяся к раннему (декабристскому) периоду его жизни, была уничтожена его женой. По рассказу его дочери, Е. Ф. Юнге, успевшей прочесть эти «Записки», в них автор подробно рассказывал о своем участии в Союзе Благоденствия (Юнге называет его «Обществом Зеленой книги»); они содержали также «подробное описание дня 14 декабря и характеристики ряда декабристов»⁴⁶³.

Из этого сообщения вполне уясняется интерес и важность уничтоженного документа, который стал бы незаменимым источником для истории начальных лет декабризма. В частности, в этих же «Записках» находился и подробный рассказ Ф. П. Толстого о сожжении бумаг Союза Благоденствия. Из отрывков, которые сохранила память Юнге, явствует, что Толстой был и инициатором и исполнителем постановления о сожжении.

Но и дошедшие до нас мемуары не всегда сохранились в полном виде: в ряде случаев перед нами лишь поздние варианты, писавшиеся тогда, когда память их авторов уже утратила многие интереснейшие детали или когда значительно изменились общие воззрения авторов на сущность и значение излагаемых ими событий. Помимо окончательного текста «Записок» Завалишина, мы располагаем еще вариантами более ранней редакции, частично опубликованными, частично находящимися в рукописи, — уже в них легко можно проследить некоторую эволюцию в воззрениях их автора и внести коррективы в окончательный текст. Несомненно, большое значение имела бы самая первая редакция, составленная, по его утверждению, еще в Чите и тогда же уничтоженная⁴⁶⁴, вероятно, по тем же причинам, по которым Пущин уничтожил черновую рукопись своего перевода.

Записки Горбачевского, дошедшие до нас, также являются второй редакцией. Первая была им уничтожена. «Лет, не знаю, сколько, но только много тому назад времени, я написал было порядочную тетрадь, — писал он в 1861 г. М. А. Бестужеву, — не ту, что ты видел, а другую; любопытная вещь была; многие, которым я давал читать, восхищались, дорого ее ценили»⁴⁶⁵. О причинах сожжения рукописи Горбачевский говорит очень путавно и невразумительно. Очевидно, он ее уничтожил, поддавшись общей панике, охватившей находившихся в восточной части Сибири декабристов после ареста Лунина, и не хотел сознаться в этом даже в письме к старому товарищу. О том, что эта рукопись была сожжена им именно в начале сороковых годов, свидетельствует и его сообщение об отзывах лиц, которые ее читали. Само собой разумеется, что в числе этих авторитетных читателей были поселенные вблизи декабристы: Оболенский или ближайший участник описываемых Горбачевским событий, Андреевич. Первый уже в 1841 г. был переведен в Западную Сибирь, а второй в 1840 г. умер.

Дошедшие до нас главы «Моих тюрем» М. А. Бестужева написаны им уже в 1869—1870 гг., во время пребывания в Москве; первоначальный их текст был написан в начале шестидесятых годов и уничтожен в момент обострившихся отношений с местным исправником, грозившим ему обыском в связи с появлением части его «Записок» в «Полярной звезде» Герцена⁴⁶⁶. «Записки» В. Ф. Раевского, так долго разыскивавшиеся исследователями, обнаружены в буквальном смысле лишь «на днях»; но сопоставление их текста с теми отрывками, которые цитировал в статьях о Раевском П. Е. Щеголев, позволяет думать, что существовал (или где-то существует и в настоящее время) еще один вариант, — быть может, более полный, — этих «Записок» (см. том 60 настоящего издания, печатается).

«Записки» А. В. Поджио сохранились лишь в копии, сделанной его дочерью, В. А. Высоцкой. Подлинная рукопись находилась у его ученика и друга, известного общественного деятеля, доктора Н. А. Белоголового. В копии же допущен ряд купюр, сделанных из цензурных соображений. Последний редактор «Записок» Поджио писал: «Досадные многоточия, врывающиеся в текст, едва только он касается вопросов, особенно актуальных, так и останутся нерасшифрованными, ежели только не обнаружатся когда-либо подлинные тетрадки, в которые Александр Поджио заносил свои воспоминания»⁴⁶⁷. Наконец, из одного письма, цитируемого С. В. Максимовым, и из свидетельства Е. И. Якушкина можно сделать заключение, что существовали еще какие-то «Записки», имена авторов которых остаются неизвестными. Якушкин сообщал, что «двое или трое» человек уничтожили свои мемуары, узнав про арест Лунина⁴⁶⁸. Одним из них, вероятно, был Горбачевский, но имена других остаются невыясненными. Максимов приводит следующий отрывок из переписки

двух декабристов: «В 25 лет тюремной нашей жизни свет очень далеко подвинулся вперед, а мы остановились на одном месте. Ни по языку, ни по интересу изложения, ни по скудости фактов записки [одного из товарищей] не могут увлечь публику; а в теперешнюю эпоху одно увлечение и может играть роль. Тяжело, а должно было дать ему понять и приготовить его к неудаче. Кажется, он согласился, если не изменил своих мыслей»⁴⁶⁹.

М. А. НАЗИМОВ

Портрет маслом неизвестного художника, 1840—1850-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

О ком идет речь, кому принадлежит данное письмо (начала 1850-х гг.) и кому оно адресовано, остается неизвестным. По всей вероятности, оно было сообщено Максиму теми из декабристов, с которым он наиболее сблизился во время своей поездки в Сибирь, то есть или М. А. Бестужевым или Д. И. Завалишиным. Этот отрывок неизвестного письма чрезвычайно важен, как свидетельство о существовании еще каких-то, ныне утраченных или временно затерянных, мемуаров, написанных в Сибири.

Приведенными выше материалами, конечно, не исчерпывается состав затерянных и утраченных произведений декабристов. В настоящий обзор не включены труды в области естественно-исторических и физико-

математических дисциплин⁴⁷⁰. Эта тема требует особого рассмотрения. Не охвачены полностью многочисленные и разнообразные переводы декабристов (переводы беллетристических произведений, исторических трудов, философских сочинений и проч.). Поскольку настоящая работа является первой попыткой историко-библиографического обзора утраченных произведений декабристов, естественно, она не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Несомненно, ряд ценных дополнений будет обнаружен после соответственных разысканий отдельных исследователей в различных рукописных хранилищах и государственных архивах. Но уже и те материалы, которые мы привели здесь, образуют в своей совокупности впечатляющую картину великого труда ранних русских революционеров.

Перечень существовавших, но не дошедших до нас, произведений, созданных декабристами в области политики, науки и литературы, значительно расширяет наши представления о богатстве и разнообразии вклада, внесенного декабристским движением в национальную культуру страны. Вместе с тем воссозданный нами мартиролог декабристского наследия позволяет еще глубже раскрыть меру исторического преступления самодержавия, лишившего русский народ многих культурных ценностей выдающегося значения.

Ленинград. Январь 1952—июнь 1953 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ В. Я. Богучарский. Из прошлого русского общества. СПб., 1904, стр. 101.
- ² Семевский, стр. 175—176, 299, 396, 399—408, 443, 485, 556—559 и др.
- ³ Рылеев. Стих., стр. 556—568.
- ⁴ С. С. Волк. Исторические воззрения декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 30.
- ⁵ Нечкина. Грибоедов, стр. 61—63, 307—309, 530—536 и др.
- ⁶ И. А. Кубасов. Одоевский, стр. 339—341; В. Г. Базанов. Декабристы-поэты. Л., 1949, стр. 175—176.
- ⁷ С. С. Волк. Указ. соч.; Б. Б. Кафенгауз. Исторические взгляды декабристов. — «Известия Академии Наук СССР. Отд. истории и философии», 1951, № 1; А. Смирнов. К вопросу о мировоззрении декабристов. — «Известия Академии наук Белорусской ССР», 1951, № 3; М. К. Азадовский. Декабристская фольклористика. — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1; М. А. Штамбок. Декабристы и русская эстетика. — «Искусство», 1951, № 6.
- ⁸ На несоблюдение этого правила жаловался М. И. Муравьев-Апостол в письме к брату Сергею (ВД, IX, 210—212); о том же говорил на следствии и Волконский (ЦГИА, ф. № 48, л. 399, л. 44).
- ⁹ Дружинин, стр. 150.
- ¹⁰ А. Титов. Декабрист А. М. Булатов. — «Русская старина», 1887, № 1, стр. 20.
- ¹¹ Лорер, стр. 82; Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель перед верховным судом. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 22; так же полагал и Щеголев (П. Е. Щеголев. Русская правда. СПб., 1906, стр. IX).
- ¹² В. М. Базилевич. Декабрист О. П. Юшневский. Спроба біографіі. Київ, 1930, стр. 52.
- ¹³ ЦГИА, ф. № 48, л. 400, л. 54 об.
- ¹⁴ М. Н. Волконская. Записки. Биографический очерк и примечания П. Е. Щеголева. СПб., 1914, стр. 54.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. № 48, л. 400, л. 54 об.
- ¹⁶ А. А. Сиверс. Тайное общество военных друзей. — «Дела и дни», 1920, № 1, стр. 254.
- ¹⁷ Нечкина. Грибоедов, стр. 492.
- ¹⁸ Завалишин, стр. 235. — Завалишин говорит в данном случае о гр. Коновницкой, сумевшей за крупную взятку добиться изъятия компрометирующих бумаг. Сыновья Коновницкой не играли сколько-нибудь заметной роли в Тайном обществе, и, несомненно, Коновницкая была озабочена изъятием бумаг из дела мужа ее дочери, М. М. Нарышкина, видного деятеля Северного общества.

¹⁹ С. Н. Чернов. К истории архивного фонда декабристов. — «Архивное дело», 1926, № 2-3, стр. 111; пометка Дибича датирована: 25 ноября 1826 г.

²⁰ Дружинин, стр. 377—378.

²¹ В. Е. Якушкин. К литературной и общественной истории 1820—1830 гг. — «Русская старина», 1888, № 10, стр. 149—168; С. Н. Чернов. Указ. статья. — «Архивное дело», 1926, № 2-3, стр. 110.

²² «О минуишем». Историч. сборник. СПб., 1909, стр. 110; «Русская старина», 1901, № 9, стр. 639; «Деятнадцатый век», кн. 1. М., 1872, стр. 201.

²³ «Декабристы на поселении». М., 1929, стр. 130.

²⁴ Письма Е. И. Якушкина к его второй жене с воспоминаниями о матери и родных. — «Летописи», стр. 482.

²⁵ М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 27.

²⁶ См. сообщение Л. Н. Пушкарёва в т. 60 «Лит. наследства»; А. П. Косованов. Новые страницы из жизни минусинских декабристов. — «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова», т. III, вып. 2. Минусинск, 1925, стр. 76; Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1926, стр. 205 (в дальнейшем сокращенно — Кубалов). О гибели бумага Митькова сообщено нам в 1926 г. известной красноярской фольклористкой М. В. Красноженовой.

О существовании «Записок» Якубовича стало известно еще в 1901 г. из заметки в красноярской газете «Енисей», позже перепечатанной газетой «Россия» (1901 г., № 870). Автор заметки сообщал, что Якубович перед смертью передал «Записки» своему бывшему ученику, врачу и местному общественному деятелю (в Красноярске), Павлу Марковичу Прейну. Во время большого красноярского пожара погибло все имущество и вся библиотека Прейна, но рукопись Якубовича удалось спасти. «К несчастью, — пишет автор заметки, — Прейн, будучи в Петербурге, по настоянию золотопромышленника Асташева, записки Якубовича передал ему». Долго ли находились записки у Асташева и были ли они у его наследников — неизвестно. Асташевы жили в Томске, — между тем последние известия об этой рукописи ведут снова к Красноярску. По сведениям, имевшимся в распоряжении Иркутской комиссии по организации юбилей декабристов (1925), эти записки находились во владении вдовы директора Красноярской гимназии Логарь (дочери доктора Прейна) и уничтожены ею во время колчаковского террора.

²⁷ А. В. Адрианов. Старый Томск. М., 1912, стр. 34.

²⁸ Г. Н. Потанин. Г. С. Батеньков. — «Сибирские огни», 1924, № 2.

²⁹ Сообщено студенткой Иркутского университета, М. А. Первуниной.

³⁰ Факты такого рода общеизвестны и не раз приводились в различных источниках. Напомню в качестве иллюстрации эпизод, касающийся бумага М. И. Глинки, оставшийся неучтенным в литературе последних лет: А. А. Фомин сообщал, что в одном из имений Смоленской губ. ему пришлось видеть «в барском доме кухню, всю выклеенную нотами и письмами М. И. Глинки. Все было уже так закопчено, что ничего нельзя было спасти» («Русская мысль», 1906, № 4, стр. 14).

³¹ По сообщению М. К. Грибовского, в 1818 г. среди членов Союза Благоденствия усиленно обсуждался вопрос об организации собственной типографии, которую предполагалось устроить «в одной из отдаленных деревень» кого-либо из членов Общества; шрифт предполагалось выписать из-за границы. Особенно деятельное участие в обсуждении этих проектов принимали, по словам Грибовского, Ф. Н. Глинка и Н. И. Тургенев. Они предлагали организовать печатание в Париже, особенно же «литографировать карикатуры», чтобы затем «распускать в народе на толкучем рынке, рассылать в армии и по губерниям» («Декабристы», 1926, стр. 113).

В 1819 г. Луниным был приобретен литографский станок (ВД, I, 42—43: показание Трубецкого). Первоначально Лунин заявил, что станок был приобретен им для собственных нужд, так как он (Лунин) «имел в то время большую корреспонденцию касательно его имения (ВД, III, 121), но затем признался, что станок был куплен, «чтобы литогрировать разные уставы и сочинения Тайного общества и не иметь труда или опасности оные переписывать» (там же, 123). Хранился он у Трубецкого; далее Лунин уверял, что станок оказался непригодным для предназначенной цели, было сделано всего «две или три пробы». Трубецкой же совершенно отрицал какое-либо использование станка для нужд Тайного общества (ВД, I, 43).

Показания Лунина и Трубецкого явно неправильны и опровергаются имеющимися в нашем распоряжении сведениями о декабристских литографированных изданиях, но купленный станок, действительно, не мог обеспечить потребности революционной организации, и в продолжение пяти последних (перед восстанием) лет неоднократно возникали проекты организации нелегальной типографии. Этот вопрос был поставлен на Московском съезде 1821 г. Орловым; этот план организации нелегальной типографии упомянут и в доносе Грибовского. Барятинский в 1825 г. принял в члены Тайного общества гр. В. А. Бобринского, который обещал ввести 10 000 руб. на организацию такой типографии за границей; в обсуждении этого плана приняли участие В. С. Толстой, Ф. Ф. Вадковский, А. П. Барятинский, З. Г. Чернышев; совещание происходило в имении последнего. Вадковский настаивал на организации типографии не «в чужих краях», а, как показывал он на следствии, «в деревне,

у кого-либо из членов, поручив сей труд какому-либо другому члену, который бы для меньшего подозрения мог жить в сей деревне в виде управляющего или приказчика» (ЦГИА, ф. № 48, д. 405, л. 21). Свой план он подробно развил в письме к Пестелю, которое отправил через Шервуда, вследствие чего оно и попало в руки правительства (полностью опубликовано: «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 84—92).

Существовало предание, что в типографии Н. И. Греча набирались революционные прокламации декабристов и будто бы Греч, опасаясь разоблачений, организовал убийство производившего набор «фактора типографии». Этот слух нашел отражение и в очерке Герцена «О развитии революционных идей в России» (Герцен, т. VI, стр. 365).

По другой версии, усиленно распространявшейся в реакционных кругах, фактора будто бы убили сами декабристы. Этот слух распространял, между прочим, А. Е. Измайлов, ссылавшийся в письме к Н. И. Шредеру даже на заявление Оболенского, якобы сделанное им Следственной комиссии (см. Базанов, стр. 273). Отголосок этих слухов нашел отражение в заметках Ипполита Павлова (сына Каролины Павловой), напечатанных после его смерти под заглавием: «Где печатались прокламации декабристов?» («Русское обозрение», 1896, № 4, стр. 897).

Базановым опубликован интересный документ — «Записка о насильственной смерти в 1821 году фактора типографии Греча, Е. Фридриха» («Вероятно, он убит теми, кои могли ему давать печатать зловредные бумаги и потом убили, чтобы скрыть тайну». — Базанов, стр. 72). Находится эта записка в ЦГВИА, ВУА, л. 240. Базанов не вполне точно цитирует этот документ; он не упоминает, что Е. Фридрих назван в этом доведении «графом»; кроме того, чрезвычайно любопытно, что рапорт анонимного доносчика, в котором находится данное сообщение, озаглавлен «Записка об обществе гетеристов». Не приводит Базанов и даты этого документа, помещением же его среди различных фактов, относящихся к первой половине двадцатых годов, невольно внушает читателю представление, что к этому же времени относится и это сообщение осведомителя; в действительности, оно относится к 1826 г., то есть к тому же времени, что и упомянутое письмо Измайлова. Сопоставление названных двух документов дает возможность проследить и установить возникновение этой версии. Из письма Измайлова выясняется, что Е. Фридрих располагал большими деньгами (более 20 000 р.) и собирался возвращаться в Германию, но накануне отъезда был убит неизвестными лицами, — конечно, с целью грабежа. В декабрьские же дни 1825 г. появилась созданная в реакционных кругах версия о причастности к этому делу декабристов, распространявшаяся с целью дискредитировать вождей революционного движения. Бесмысленность ее совершенно очевидна; нет никаких известий о печатных изданиях декабристов 1820—1821 гг.; не поднимался этот вопрос и во время следствия, в частности нет никаких упоминаний об этом и в деле Оболенского. Все сообщения о прокламациях или каких-либо других произведениях декабристов, печатавшихся в типографии Греча, должно считать легендарными вымыслами.

³² Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Тайное общество, стр. 59. О существовании переписки по делам Тайного общества упоминал в своем показании А. Н. Муравьев (ВД, III, 26).

³³ «Декабристы», 1926, стр. 109—116.

³⁴ Н. П о л и в а н о в. Василий Сергеевич Норов. — «Русский архив», 1900, № 2, стр. 273—304; «Декабристы Дмитровского уезда». Дмитров, 1925, стр. 26—82.

³⁵ М. В. Н е ч к и н а. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурдова 1814—1817 гг. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 188; см. также рецензию на данный сборник И. В. Пороха. — «Советская книга», 1951, № 12, стр. 70.

³⁶ Н. Н. М у р а в ь е в - К а р с к и й. Записки. — «Русский архив», 1885, № 9, стр. 26 (курсив наш).

³⁷ Т. Г. Снытко установил на основании архивных материалов существование революционной организации в конце XVIII в. — кружок «смоленских якобинцев», которым руководил А. М. Каховский (дядя декабриста); Т. Г. С н ы т к о. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века. — «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 111—122).

Автор называет А. М. Каховского и его единомышленников предшественниками декабристов и видит в смоленской организации промежуточное звено между общественным движением XVIII в. и декабристами. Однако до более подробного выяснения идеологических позиций кружка (что будет возможно лишь в случае дополнительных архивных находок) трудно с достаточной уверенностью говорить о месте его в русском общественном движении. Как можно судить по опубликованным материалам, кружок ставил своей целью устранение любым путем (вплоть до убийства) Павла I и конституционное ограничение самодержавной власти. Вопросы широкой и всесторонней политической реорганизации государства, что характерно для декабристов, видимо, не входили в планы кружка; нет никаких материалов и для суждения об отношении членов смоленской организации к крепостному праву. Поэтому говорить о смоленских якобинцах как предшественниках декабристов едва ли возможно, скорее в них следует видеть завершителей дворянской оппозиции XVIII в. Члены

кружка составляли и распространяли карикатуры, стихи, песни и, видимо, памфлеты, названные в следственном деле «дерзновенными изречениями»; составляли они также и конституционные проекты, — все это утрачено.

³⁸ М. В. Нечкина. Священная артель. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 155—188. — К числу членов «артели» Нечкина относит и поэта А. И. Мещеряковского. Недавно обнаруженные архивные документы о Мещеряковском опровергают данную гипотезу (см. сообщение Н. А. Роскиной в «Лит. наследстве», т. 60; печатается).

³⁹ С. П. Шипов. Из воспоминаний. — «Русский архив», 1874, № 6, стр. 164.

⁴⁰ Н. Н. Муравьев-Карский. Записки. — «Русский архив», 1886, № 4, стр. 448—449.

⁴¹ М. В. Нечкина. Указ. статья, стр. 177—178.

⁴² Н. Тургенев, стр. 168; Семевский, стр. 407.

⁴³ Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 25.

⁴⁴ Семевский, стр. 409. Базанов установил, что этот донос принадлежал также М. К. Грибовскому, автору известного доноса 1821 г. о тайных обществах (см. цитируемую в следующем примечании статью Лотмана, стр. 136).

⁴⁵ Ю. М. Лотман. «Краткие наставления русским рыцарям» М. А. Дмитриева-Мамонова. — «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 7, стр. 133—148.

⁴⁶ Семевский, стр. 399, 401. Дмитриев-Мамонов так писал Орлову об этом посвящении: «Посвящение — только записка, которую я написал вам, но я чувствовал, что неприметно я гарцовал на Пегасе и чтобы не посылать вам вздутых фраз на дурном французском языке в форме любовного письма, я храбро решился напечатать французское. Всего 25 экземпляров и дурной французский язык избавляют меня от пскушения напечатать на хорошем русском (там же, стр. 401).

⁴⁷ Там же, стр. 400. — Дмитриев-Мамонов убедил цензоров, что данная рукопись — перевод, сделанный тридцать лет назад. Окончательную судьбу издания решило, как сообщает он в том же письме, «вмешательство Всеволожского». Это указание позволяет определить и место напечатания. По разъяснению Семевского, Н. С. Всеволожский был в это время вице-президентом московского отделения Медико-хирургической академии, при которой учредил превосходную типографию. Таким образом, устанавливается, что данная брошюра была напечатана в Москве, в типографии Медико-хирургической академии (Семевский, стр. 400).

⁴⁸ Семевский, стр. 399, 400, 402, 406.

⁴⁹ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 41—42; Письма Н. Тургенева, стр. 47. — В дневнике Тургенева записано: «Был у В. И. и прочел ему вчера написанное. Ему нравится; мне также, но не так, как вчера. Сегодня сообщил первую главу К. Б.» (там же, стр. 42). «В. И.» — по мнению А. Н. Шебунина — В. П. Ивашев (впоследствии декабрист); эта догадка представляется нам сомнительной; «К. Б.» — по вероятной догадке В. И. Семевского, — князь Баратаев.

⁵⁰ Щеголев. Декабристы, стр. 30; см. также нашу публикацию «Воспоминания» В. Ф. Раевского в т. 60 настоящего издания (печатается).

⁵¹ Ю. Г. Оксман, отвергая возможность оговорждения «Воззвания к сынам севера» с книжкой М. А. Дмитриева-Мамонова «Краткие наставления русскому рыцарю», полагает, что нелегальная брошюра, уничтоженная В. Ф. Раевским в 1822 г., являлась отлитографированной весной 1821 г. обращением Н. М. Муравьева к бывшим членам Союза Благоденствия, содержавшим в себе изложение основных задач, стоявших перед членами реорганизуемого Тайного общества. Именно об этом воззвании, как полагает исследователь, шла речь в объяснительных записках П. П. Лопухина (Дружинин, стр. 120) и Н. И. Тургенева («Красный архив», № 13, 1925, стр. 90). Воззвание Н. М. Муравьева до нас не дошло, но на содержание этого директивного документа, как доказывает Ю. Г. Оксман, проливают свет записки И. Д. Якушкина о периоде 1821—1822 гг. в истории тайных декабристских организаций (Тезисы доклада Ю. Г. Оксмана о «Воззвании к сынам севера», сделанного на кафедре русской литературы Саратовского гос. университета 14 декабря 1949 г.).

⁵² М. В. Нечкина. Союз Спасения. — «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137, 165—167.

⁵³ Трубецкой, стр. 12—13.

⁵⁴ Якушкин, стр. 14. — К этому же разделу относятся, несомненно, и пункт об обязанностях членов Общества содействовать «устранению иноземцев от влияния в государстве».

⁵⁵ Трубецкой, стр. 13.

⁵⁶ Якушкин, стр. 14. — Наиболее подробную сводку сведений о Военном обществе сделал Ю. Г. Оксман в статье «Катенин и Пушкин». — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 623—624, 631—632.

⁵⁷ М. В. Нечкина. Союз Спасения, стр. 136; ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 248, л. 2: «Дело по письмам флигель-адъютантов полковников Перовского, Кавелина и камергера Перовского о том, что они принадлежали к Обществу просвещения и благотворения».

⁵⁸ Н. Ф. Лавров. Диктатор 14 декабря.— «Бунт декабристов», стр. 155—156.— Недовольство старым уставом проявляли все группировки, но инициатором его пересмотра стала группа правых членов: преимущественно, М. Н. Муравьев, П. П. Лопухин, бр. Колошины; образцом для них явился устав Tugendbund'a, с которым познакомил членов Союза Благоденствия П. П. Лопухин (ВД, I, 306). Ярким пропагандистом устава Tugendbund'a был И. А. Долгорукий. По настоянию Лопухина и Долгорукого, Петр Колошин перевел в 1818 г. этот устав на русский язык, сотрудником его был Михаил Муравьев. Текст перевода Колошина и Муравьева не сохранился.

Об участии М. Н. Муравьева в Союзе Благоденствия сообщил декабрист А. Е. Розен в статье: «Михаил Николаевич Муравьев и его участие в Тайном обществе. 1816—1821».— «Русская старина», 1884, № 1, стр. 61—70; это же обстоятельство подтверждено биографом М. Н. Муравьева на основании семейных рассказов (Д. Н. Кропотов. Жизнь гр. М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначении его гродненским губернатором. СПб., 1874, стр. 216.— В дальнейшем сокращенно — Кропотов).

⁵⁹ Кропотов, стр. 215, 219.

⁶⁰ Н. Тургенев, стр. 74.

⁶¹ С. Н. Чернов. Из работ над «Зеленой книгой».— «Декабристы и их время», II, стр. 56.

⁶² ЦГИА, ф. № 48, д. 398, л. 51.

⁶³ С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 51.

⁶⁴ Следственная комиссия не сумела разобраться в вопросе о существовании второй части «Зеленой книги». «Донесение Следственной комиссии» содержит по этому вопросу прямые противоречия: на стр. 15 автор утверждал, что некоторые управы получали «список второй части Устава», а несколько ниже заявляет, что «вторая часть не была сочинена или, по крайней мере, не была одобрена Коренным советом» (стр. 15—16).

⁶⁵ С. Н. Чернову в момент его работы не было еще известно показание М. И. Муравьева-Апостола; но он не обратил внимания и на сообщение С. Н. Муравьева, брата А. Н. и М. Н. Муравьевых (приводимое в книге Кропотова, стр. 219), который вполне определенно называл в числе авторов второй части «Зеленой книги» Никиту и Александра Муравьевых.

⁶⁶ Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 38.

⁶⁷ Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 201.

⁶⁸ Семевский, стр. 443.— Копия этих «правил» находилась у С. И. Муравьева-Апостола, о чем сообщил в своем рапорте управляющему Министерством внутренних дел генерал-губернатор Малороссии, Н. Г. Репнин (ЦГИА, ф. № 48, д. 20: о возмущении Черниговского полка, л. 120); в рапорте они названы: «Копия правил о составлении управ и вольных обществ».

⁶⁹ Этот эпизод наиболее подробно освещен в статье С. Н. Чернова «К истории политических столкновений на московском съезде 1821 г.» — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. IV, 1925, стр. 340 и сл. Чернов считает позицию Орлова на съезде совершенно искренней и честной; его уход из Союза Благоденствия он объясняет несогласием с примирительной и половинчатой политикой Общества. Очень близка к выводам Чернова точка зрения Н. А. Рожкова, который полагает, что смысл речи Орлова сводился к указанию, что «Тайное общество без серьезных революционных целей и средств, вроде подпольной типографии, и пр. не имеет смысла» (Н. А. Рожков. Декабристы.— «Русское прошлое», 1923, кн. 1, стр. 23—24). Позиция Чернова вызвала возражения со стороны А. Е. Преснякова («Былое», 1926, № 1, стр. 149) и С. Б. Окуня («История СССР». Л., 1947, стр. 394—396). В исторической литературе высказывались суждения о недостоверности рассказа Якушкина, который, якобы, в данном случае воспроизвел без достаточных оснований сообщение Грибовского. Чернов весьма убедительно опроверг такого рода утверждения: к его аргументам следует присоединить еще упущенное им показание Майбороды, который также слышал о каких-то «решительных мерах», предложенных Орловым (ВД, IV, 24), хотя он явно путает время и место этих предложений, считая, что они были сделаны в Тульчине. Совершенно снимает вопрос о недостоверности рассказа Якушкина неопубликованное показание Давыдова, сделанное им со слов С. Г. Волконского — ближайшего друга и родственника (по жене) Орлова: «Орлов нарочно делал такие нелепые предложения, что никто их не принял; а что он сим воспользовавшись и отказался от участия в Обществе» (ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 34 об.). В комментариях к новому изданию «Записок» Якушкина данный эпизод не нашел освещения; странным образом не упомянуты в них и статьи Чернова, посвященные анализу «Записок» Якушкина, в частности — Московскому съезду 1821 г.

⁷⁰ Якушкин, стр. 43.

⁷¹ Н. Тургенев, стр. 88.

⁷² А. Н. Шибунин. Н. Тургенев в Тайном обществе декабристов.— «Декабристы и их время», I, стр. 138.

⁷³ Якушкин, стр. 45.— О четырех экземплярах говорит Якушкин и в своих показаниях (ВД, III, 57).

- ⁷⁴ «Декабристы и их время», I, стр. 136; II, стр. 56.
- ⁷⁵ Довнар-Запольский И. Мемуары, стр. 33.
- ⁷⁶ Якушкин, стр. 44—45.
- ⁷⁷ Н. Ф. Бельчиков. Записка Н. И. Тургенева. — «Красный архив», № 13, 1925, стр. 90.
- ⁷⁸ «Декабристы и их время», I, стр. 141.
- ⁷⁹ К. Д. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 106 (в дальнейшем сокращенно — Аксенов). — Показание Лолухина не опубликовано; впервые оно приведено в книге: Дружинин, стр. 120.
- ⁸⁰ Рылеев. Стих., стр. XXIII; Базанов, стр. 125.
- ⁸¹ С. Н. Чернов. Несколько справок о Союзе Благоденствия. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. II, вып. 3, 1924, стр. 46; Аксенов, стр. 81—96. См. возражения И. А. Федосова («Советская книга», 1951, № 12, стр. 66—67); непонятно только, почему рецензент утверждает, что история «Общества» Ф. Н. Глинка и Г. А. Переда впервые освещена Аксеновым; этому вопросу посвящен ряд работ (В. Н. Перетца, Я. Д. Баума, А. Н. Шебунина, С. Н. Чернова, В. Г. Базанова; в исследовании последнего о «Вольном обществе» «Обществу» Глинка-Переда посвящена специальная глава — стр. 27—60).
- ⁸² П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Л., 1931, стр. 34, 62; Базанов, стр. 34.
- ⁸³ Базанов, стр. 44; Аксенов, стр. 92—94. — Базанов имеет эту организацию: Общество «Хейрут», что совершенно неправильно. Древнееврейское слово «хейрут» (свобода) играло роль своеобразного пароля при сношениях членов Общества, но ни в коем случае не являлось и не могло явиться по ряду причин названием организации. Семенов показывал на следствии: «Древнееврейское слово „хейрут“, свободу означающее, было условным знаком для узнавания друг друга в случае нужды» (ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 64); аналогичное показание дал и Ф. Н. Глинка: «Слово „хейрут“ было принято знаком» (там же, л. 28).
- ⁸⁴ Эти «записки» выходили из различных общественных кругов; известно, например, о поданной в 1823 г. Александру I «записке» купца Щегорина («Граф Аракчеев и военные поселения 1809—1831». СПб., 1871, стр. 192).
- ⁸⁵ Записка Т. Е. Бока. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 189—203.
- ⁸⁶ Якушкин, стр. 38; Н. Тургенев, стр. 63; М. О. Гершензон. История молодой России. М. — Пг., 1923, стр. 12; Довнар-Запольский И. Мемуары, стр. 3—4; Семевский, стр. 395—397. — Показания М. Ф. Орлова несколько расходятся со свидетельствами других мемуаристов.
- ⁸⁷ Волконский, стр. 407—408.
- ⁸⁸ Семевский, стр. 393—395.
- ⁸⁹ Якушкин, стр. 35.
- ⁹⁰ «Общественные движения», стр. 290.
- ⁹¹ ЦГИА, ф. № 48, д. 105, л. 4; см. в настоящем томе, стр. 179.
- ⁹² «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 132.
- ⁹³ Довнар-Запольский И. Мемуары, стр. 148.
- ⁹⁴ ЦГИА, ф. № 48, д. 361, л. 32 об.
- ⁹⁵ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 300. См. также письмо Н. И. Тургенева к кн. Козловскому: «Пишу в Совете журналы, в которых иногда представляется случай вклеить несколько мыслей или правил, пойманных на геттингенских лекциях» (там же, стр. 163). Записки Н. И. Тургенева были вывезены А. И. Тургеневым за границу («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, стр. 3) и хранились в их семейном архиве.
- У Тургенева приведено известие о случае, имевшем место в 1821 г.: однажды во дворце была найдена бумага, в которой какой-то шутник забавлялся, перечисляя все причины недовольства русского народа правительством и угрожая императору народным гневом; она произвела на императора большое впечатление» (Н. Тургенев, стр. 85—86). Если слух, переданный Тургеневым, вполне верен, то все же остается неясным, было ли это действительно, только выходной какого-то «шутника» или этот эпизод имел более серьезное основание.
- ⁹⁶ Семевский, стр. 251—252. — Интересные подробности сообщает в своем показании Ф. Н. Глинка: «При самом открытии греческого дела, то есть при первом шаге Ипсилантия за р. Прут, если еще не прежде, что было в самом начале 1821 г., граф Витгенштейн послал полковника Павла Пестеля *переводным* в Молдавию и Буковину для собрания подробнейших сведений (от молдавских и волохских бояр и пр.) об известном греческом тайном обществе под названием Элевферии» (ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 60). Пестель, по словам Глинка, побывал в Германштадте и в Яссах и затем представил специальную «меморию»: «Мемориал о греческом тайном обществе». «Сие, — добавляет Глинка, — я узнал в то время от его отца при встрече с ним» (там же).
- ⁹⁷ А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906; Довнар-Запольский И. Мемуары; А. Д. Боровков и его автобиографические записки. Сообщил А. Н. Боровков. — «Русская старина», 1898, № 12, стр. 591—616.

⁹⁸ Б е с т у ж е в ы, стр. 259.— Записка Торсона о флоте хранится в Центральном государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде. Там же ныне обнаружен и его «Проект о новом вооружении кораблей» (Г. Е. П а в л о в а. Декабрист Н. А. Бестужев. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность. Диссертация на степень кандидата исторических наук. Л., 1952. Машинопись).

⁹⁹ «Из бумаг С. Д. Нечаева». — «Русский архив», 1893, № 5, стр. 147.

¹⁰⁰ Н. Т у р г е н е в, стр. 126—127.

¹⁰¹ «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. V. М., 1892, стр. 51—52.— Иначе интерпретировал речь Орлова опирающийся на показания современников Кропотов: «Он <Орлов> в скрытой и мягкой форме» выразил желание «обратить деятельность своих сочленов к занятиям, более достойным просвещенных людей» (К р о п о т о в, стр. 189).

¹⁰² «Арзамас и арзамасские протоколы». Вводная статья, ред. протоколов и прим. к ним М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933, стр. 206—210 (в дальнейшем сокращенно — Б о р о в к о в а - М а й к о в а).

¹⁰³ «История русской литературы», т. V. Л., изд. Ин-та русской литературы АН СССР, 1941, стр. 336.

¹⁰⁴ Б о р о в к о в а - М а й к о в а, стр. 223, 234.

¹⁰⁵ «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1893, прилож., стр. 82—83.

¹⁰⁶ Б о р о в к о в а - М а й к о в а, стр. 71—72.

¹⁰⁷ «Письма Н. Тургенева», стр. 233, 485.

¹⁰⁸ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 46—51.

¹⁰⁹ «Письма Н. Тургенева», стр. 239.

¹¹⁰ О напряженном интересе к проекту Тургенева со стороны прогрессивных кругов русского общества свидетельствует письмо Вяземского, который в марте 1819 г. запрашивал из Варшавы А. И. Тургенева: «Что делает журнал Николая Ивановича — голубь спасения, вестник берега свободы» («Ост. архив», т. I, стр. 207). Составленный А. И. Тургеневым «Проспектус» Общества напечатан в «Архиве Тургеневых» (вып. 5, стр. 369—372): «Мысли о составлении Общества под названием...» (о работе над проектом — там же, стр. 181, 183, 185).

¹¹¹ О «Журнальном обществе» Н. И. Тургенева существует довольно значительная литература. Главнейшее: А. А. Ф о м и н. К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века.— «Русский библиофил», 1914, № 5, стр. 8—52; № 7, стр. 5—28; Е. И. Т а р а с о в. Декабрист Н. И. Тургенев.— «Ученые известия Самарского университета», вып. 1, 1918, стр. 274—278; из мемуарной литературы: П у ш к и н, стр. 116—117.

¹¹² П у ш к и н, стр. 116.— А. И. Тургенев писал И. И. Дмитриеву, который очень интересовался журналом, что «уже много статей заготовлено, но сотрудники его <Ник. Тургенева> весьма зелены, исключая молодого Муравьева, который подает большие надежды». — «Русский архив», 1874, стб. 647. О статьях Никиты Муравьева упоминает и Н. И. Тургенев («Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 191).

¹¹³ «Письма Н. Тургенева», стр. 301.— Проект Орлова возбудил большой интерес в прогрессивных кругах русского общества. Вяземский усиленно просил прислать его в Москву («Архив Тургеневых», вып. 6, стр. 11).

¹¹⁴ «Общественные движения», стр. 187; Б. Л. М о д з а л е в с к и й. В. П. Зубков и его «Записки». — «Пушкин и его современники», вып. IV, 1906, стр. 92, 137, 138.— В исследовательской литературе первое упоминание об этом Обществе было сделано еще в 1869 г. М. И. Семевским (в статье о Н. А. Бестужеве), который ставил его в один ряд с «Зеленой лампой». Оба эти Общества «составились,— писал он,— хотя и отдельно от Союза Благочестивия, но прямо под влиянием духа и направления этого Общества и в среде своей имели весьма много членов этого Союза» (М. С е м е в с к и й.) Николай Александрович Бестужев. Биографический очерк.— «Заря», 1869, № 7, стр. 53). Необходимо отметить, что это ясное указание Семевского было совершенно забыто и не учитывалось позднейшими исследователями. В исторической и историко-литературной науке получила распространение версия П. В. Анненкова и П. И. Бартенева об оргиастическом характере «Зеленой лампы»; эту версию принимал и поддерживал в своих ранних работах и Б. Л. Модзалевский (см., например, его очерк: «Я. Н. Толстой». — «Русская старина», 1899, №№ 9—10), и только статьей П. Е. Щеголева «Зеленая лампа» («Пушкин и его современники», вып. VII, 1908, стр. 19—50) был положен конец дальнейшему распространению этой клеветнической легенды.

¹¹⁵ А. Г. Г р у м - Г р ж и м а й л о. «Общество громкого смеха» (рукопись).

¹¹⁶ О судьбе экземпляра, находившегося на юге, нет никаких сведений.

¹¹⁷ Очень вероятно, что список этот был сожжен А. В. Никитенко.

А. В. Никитенко был очень тесно связан с декабристами. Он был освобожден от крепостной неволи, главным образом, вследствие энергичного воздействия на его владельца (гр. Шереметева) со стороны Рыльева, Оболенского и А. М. Муравьева. В 1825 г. он жил в доме Е. П. Оболенского в качестве воспитателя младшего брата последнего. В какой-то мере он был осведомлен о готовящемся восстании. Дочь его впоследствии, — несомненно, на основании рассказов самого Никитенки, — так писала

об этом периоде его жизни: «...покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а, может быть, и не доверяли его зрелости и потому не посвящали его в тайну замышляемого ими государственного переворота. Тем не менее, когда разразился удар, он не мог не отразиться косвенно и на Никитенке: будет или нет доказано, что он ни словом, ни делом не причастен к заговору, а пока против него был факт сожительства с одним из соучастников в нем и частого общения с другими» (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе, т. I. СПб., 1904, стр. 131). Уже из этих осторожных и явно многое не договаривающих слов ясно, что связи Никитенки с декабристами были гораздо значительнее, чем стремится уверить его дочь. Сам Никитенко очень опасался тяжелых для себя последствий. 1 января 1826 г. он записал в дневнике: «Будущее представлялось мне в мрачном, безнадежном виде» (там же, стр. 132). 7 января 1826 г., по приглашению дворецкого Е. П. Оболенского, он пришел, чтоб помочь «разобрать оставшиеся у него на руках книги его господина» (там же, стр. 141). Он так описывает это посещение: «С горьким, шемпящим чувством вошел я в комнаты, где прошло столько замечательных месяцев моей жизни и где разразился удар, чуть не уничтоживший меня в прах...». И далее: «...в печальных комнатах царяла могильная тишина: в них пахло гнилью и унынием. Что стало с еще недавно кипевшею здесь жизнью? Где отважные умы, задумавшие идти наперекор судьбе и одним махом решать вековые задачи» (там же). Эта запись явно свидетельствует о значительной осведомленности Никитенки о замыслах Оболенского и его друзей, недаром свой дневник за 1825 г. Никитенко уничтожил.

¹¹⁸ Д р у ж и н и н, стр. 205, 228—229.

¹¹⁹ Формально «самым поздним» является «тюремный вариант», но в данном случае разумеются те редакции, которые были известны членам Тайного общества и ими обсуждались.

¹²⁰ ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 54 об.

¹²¹ «Красный архив», № 13, 1925, стр. 281.

¹²² Л. А. Медведская - Басова. С. И. Муравьев-Апостол и Васильковская управа Южного общества. Диссертация на степень кандидата исторических наук. М., 1949. Машинопись, стр. 82.

¹²³ См. прим. 19.

¹²⁴ Д р у ж и н и н, стр. 129.

¹²⁵ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, лл. 97—98.

¹²⁶ Там же, д. 404, л. 66 об. — О получении им рукописи Повало-Швейковский показал так: «Пестель ко мне заходил и вручил мне написанную им Русскую правду».

¹²⁷ В о л к о н с к и й, стр. 422.

¹²⁸ Показание П. С. Бобрищева-Пушкина напечатано в приложении к статье С. Н. Чернова «Поиски „Русской правды“ П. И. Пестеля». — «Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 7, стр. 699—703.

¹²⁹ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Тайное общество, стр. 220—221.

¹³⁰ А к с е н о в, стр. 170.

¹³¹ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Тайное общество, стр. 90.

¹³² В о л к о н с к и й, стр. 419, 427.

¹³³ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 69.

¹³⁴ Там же, д. 400, л. 78 об.

¹³⁵ Там же, д. 405, л. 23.

¹³⁶ Там же, д. 398, л. 44 об.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, д. 143, л. 16 об.

¹³⁹ «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 84—92; ЦГИА, ф. № 48, д. 405, л. 23.

¹⁴⁰ «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 87.

¹⁴¹ ЦГИА, ф. № 48, д. 398, л. 18 об.; показание Барятинского: там же, д. 401, л. 45 об.

¹⁴² Там же, д. 414, л. 17.

¹⁴³ Там же, д. 399, лл. 48 об.—52 об.

¹⁴⁴ Там же, д. 400, л. 38. Позже и сам Волконский, после многолетнего совместного пребывания в рудниках и казематах с Якубовичем, убедился, что «рассказ <Якубовича> был не основан на фактах, а просто был <...> эпопея, сродни его умственному направлению» (Волконский, стр. 416).

¹⁴⁵ Там же, д. 399, лл. 48 об.—49.—Якубович «составил карту объяснений на одном листе Кавказского и Закубанского края» и сделал «краткую ведомость о всех народах, в одном крае обитающих» (л. 49).

¹⁴⁶ Д р у ж и н и н, стр. 133—134. — О письме Никиты Муравьева к Пестелю 1823 г. — см. стр. 651.

¹⁴⁷ ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 75.

¹⁴⁸ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 200—201 (показание Поджио). — Это выражение деликом процитировано в «Довесении» (стр. 36—37).

¹⁴⁹ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 200.

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 112 об.

¹⁵¹ Письмо не опубликовано (ЦГИА, ф. № 48, д. 406, л. 30); настоящий отрывок приведен в указ. диссертации Л. А. Медведской - Басовой, стр. 204.

¹⁵² ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 99 об. — По утверждению Пестеля, Оболенский писал ему через Волконского, что «они действуют на нижних чинов, особенно же на унтер-офицеров» (д. 399, л. 108). Но Оболенский категорически отверг это показание, ссылаясь на Трубецкого, с которым было согласовано данное письмо (ВД, I, 257). Нет оснований полагать, что показание Волконского было ложным, но он мог перепутать содержание известных ему писем Оболенского к Пестелю и Поджио; сообщение Оболенского о воздвизении на «нижних чинов», очевидно, находилось в письме не к Пестелю, а к Поджио.

¹⁵³ Лорер и Нарышкин были очень близки между собой; Нарышкин и принял Лорера в Тайное общество. Вероятно, у Нарышкина были захвачены ответственные письма южан, которые и сумела изъять из следственного дела графиня Коновницына (см. прим. 18).

¹⁵⁴ Б. Е. Сыроечковский. Два письма С. И. Муравьева-Апостола. — «Красный архив», № 30, 1928, стр. 220.

¹⁵⁵ Письмо не опубликовано; отрывок из него приведен в указ. диссертации Л. А. Медведской-Басовой, стр. 183.

¹⁵⁶ О приезде Бестужева-Рюмина в Москву и неудачном свидании его с И. А. Фонвизиним см.: Я к у л и н и, стр. 54. Не совсем точно изложен этот эпизод у Довнар-Запольского (Тайное общество, стр. 103).

¹⁵⁷ Приведено в указ. диссертации Л. А. Медведской-Басовой (стр. 278).

¹⁵⁸ Об этом эпизоде дали подробные показания Лорер (Лорер, стр. 290) и Барятинский (ЦГИА, ф. № 48, л. 401, л. 49—49 об.).

¹⁵⁹ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, лл. 62, 65—66; «шифр» же, — как показывал Волконский, — «был приснаровлен к названиям до садоводства относящихся» (там же, л. 83 об.).

¹⁶⁰ Там же, д. 269.

¹⁶¹ Там же, д. 399, л. 47.

¹⁶² Там же, д. 400, л. 74—74 об. — Во время следствия вопрос о связях декабристов с западноевропейскими тайными обществами не привлек особого внимания Следственной комиссии, но он вновь возник уже после суда и приговора. Как думает С. Н. Чернов, возбудил его И. И. Дибич. Иркутскому губернатору Пейдлеру было поручено произвести дополнительное дознание и допросить для этой цели находившегося в Благодатском руднике В. Л. Давыдова. Однако допрос не дал никаких результатов. Этот эпизод изложен подробно в статье: С. Н. Чернов. Поиски спонсеров декабристов с Западом. — «Из эпохи борьбы с царизмом». Сборник пятый. Киев, 1926, стр. 113—123.

¹⁶³ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Тайное общество, стр. 145.

¹⁶⁴ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1925, стр. 27.

¹⁶⁵ М. В. Нечкина считает более правильной дату — 1818 г.

¹⁶⁶ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Тайное общество, стр. 137.

¹⁶⁷ Г о р б а ч е в с к и й, стр. 43, 44.

¹⁶⁸ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 52. — Показание Веденияина не опубликовано.

¹⁶⁹ Г о р б а ч е в с к и й, стр. 56, 57—59, 96.

¹⁷⁰ Там же, стр. 96.

¹⁷¹ В показании Горбачевский утверждал, что «письмо» сочинено П. Борисовым, а он только «переписал и послал» его (ВД, V, 220); Андреевич также подтверждал авторство Борисова, добавив, что это письмо было написано «с общего мнения» (там же, 224), но в «Записках» Горбачевский называет автором себя (Г о р б а ч е в с к и й, стр. 96). По всей вероятности, инициатором и вдохновителем этого рапорта был, действительно, П. Борисов, но написан он был Горбачевским, развивавшим основные мысли и положения Борисова. Существовали и другие письма Горбачевского, что ясно из его слов о Борисове, который «за меня, — показывал Горбачевский, — и за всех трудился и всегда сочинял мне письма» (ВД, V, 218). Горбачевский же, очевидно, ценился товарищами как прекрасный стилист, почему ему и поручалось окончательное письменное оформление различного рода политических документов и писем.

¹⁷² М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 53. — «Рапорт» Горбачевского и «Записка об артиллерийских снарядах» П. И. Борисова были пересланы Пестелю, который перед арестом поручил П. С. Боррищеву-Пушкину и Н. Ф. Заикину спрятать их вместе с его сочинениями, но последние уничтожили их, о чем сообщил в своем показании Заикин (ЦГИА, ф. № 48, д. 424, лл. 15—19; приведено в статье: С. Н. Чернов. Поиски «Русской правды» П. И. Пестеля. — «Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 7, стр. 678—680).

¹⁷³ Любопытные подробности об этом совещании сообщил в своем показании А. В. Поджио: «Рылеев [...] говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека [...] и о мерах действовать на ум народа, как-то: сочинениями песен, пародиями существующих ныне, на подобие „Боже спаси царя“ Пушкиным, пародировали и песнь „Скучно мне на чужой стороне“» (Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 203).

¹⁷⁴ Над сочинением «О суде присяжных» Н. И. Тургенев начал работать еще в 1819 г.; В. И. Семеновский полагал, что оно не дошло до нас (Семеновский, стр. 557); но, можно думать, что это сочинение в переработанном виде составило содержание его записки, переданной Мордвинову («Мысли о некоторых исправлениях российского судопроизводства, возможных даже и в теперешнем состоянии оного»). Обширное извлечение из него, сделанное Мордвиновым, опубликовано в «Архиве Мордвиновых», т. VI. СПб., 1902, стр. 299—312). В письме к Бритгену (1858) Тургенев вспоминал, что его записка была передана Мордвиновым Александру I (ИРЛИ, 21228, СХЛVI, б. 53). Предлагаемая Тайному обществу сочинение «О суде присяжных», Тургенев, очевидно, хотел приспособить для целей Общества какую-то часть этой «записки». С. Г. Волконский писал о работах Н. И. Тургенева: «Труды Тургенева не попались в руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано им о финансах и судопроизводстве для России, во время его безмятежного пребывания в чужих краях, есть свод того, что им приготовлено было для применения при перевороте, им и нами замышляемом для России» (Волконский, стр. 423).

¹⁷⁵ Б. Е. Сыроечковский. Из отголосков восстания декабристов.— «Красный архив», 1929, № 5 (36), стр. 208.

¹⁷⁶ Яркая характеристика М. П. Бестужева-Рюмина находится в «Автобиографических записках» А. Д. Боровкова («Русская старина», 1898, № 11, стр. 338, 352), но она опубликована со значительными цензурными купюрами. Приводим подлинный текст (в прямые скобки заключено зачеркнутое): «Подпоручик Бестужев-Рюмин. Восторженный, отчаянный [революционер], деятельный, пронырливый, вкрадчивый, способный увлечь и словом и энергиею. Так при совещаниях о истреблении императорского дома вызываясь на совершение этого злодеяния, он воскликнул: „надобно рассеять прах, чтобы и следов не было!“ Он проповедовал свободомыслие, читал наизусть вольнодумные сочинения, раздавал с них копии, составлял прокламации, говорил речи, возбуждал к преобразованию Правления. Он отыскал общества Соединенных Славян и польское и открыл с ними сношение, направляя к своей цели. [Когда, по открытии правительством во 2-й Армии существования зловерного Общества] Бестужев-Рюмин, крепкий духом, отклонил от самоуправления Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, хотевших застрелиться, чтобы предупредить взятие их под стражу. „Нет!— кричал он,— надобно защищаться, надобно пустить в дело подготовленных нами [защитников] поборников свободы. Дорого продадим мы честь и жизнь!“ Бестужев достиг цели: восстание [бунт] вспыхнуло, он взят под арест на поле сражения и торжественно повешен» (ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 749, л. 14 об.).

¹⁷⁷ Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 97.

¹⁷⁸ «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке членов царствующей семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М., 1926, стр. 189.

¹⁷⁹ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 62.

¹⁸⁰ Там же, д. 398, лл. 19, 43 об. и др.— А. В. Поджио приводит полное заглавие «Отчета» М. П. Бестужева-Рюмина: «Rapport au directeur secreté sur les conférences secrètes avec la societé polonaise» (ЦГИА, ф. № 48, д. 402, л. 39).

¹⁸¹ Там же, д. 421, л. 20.

¹⁸² Там же, д. 399, л. 62; список этого письма должен был сообщить членам Северного общества Корнилович (там же, д. 421, л. 20).

¹⁸³ Горбачевский, стр. 49—50; М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 63—65, 68—69, 75.

¹⁸⁴ Горбачевский, стр. 73.

¹⁸⁵ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 63.

¹⁸⁶ Горбачевский, стр. 80.

¹⁸⁷ И. В. Порох полагает, что существовал еще весьма важный документ: диспозиция, составленная С. И. Муравьевым-Апостолом перед выступлением Черниговского полка в поход из Василькова (И. В. Порох. Восстание Черниговского пехотного полка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 1953, стр. 22).

¹⁸⁸ Нечкина. 14 декабря, стр. 19, 29—30. Трубецкой, действительно, говорил на следствии, что «согласиться по обстоятельствам на редакцию его в Сенате я предоставлял только себе» (ВД, I, 102), но Трубецкой очень запутывал вопросы, связанные с текстом манифеста и его обнаружением.

¹⁸⁹ Аксенов, стр. 294—295.

¹⁹⁰ Н. Ф. Лавров. Диктатор 14-го декабря. — «Бунт декабристов», стр. 175; Нечкина. 14 декабря, стр. 19.

¹⁹¹ Аксенов, стр. 293.

¹⁹² «Декабристы на поселении». М., 1929, стр. 55.

¹⁹³ П. С. Попов. М. Ф. Орлов и 14 декабря.— «Красный архив», 1925, № 6 (13), стр. 166.— М. Ф. Орлов так выразился: «Вот, следовательно, как сочинились все документы, которые должны быть захвачены».

¹⁹⁴ ЦГИА, ф. № 48, д. 361, лл. 7 об., 23.

¹⁹⁵ «Общественные движения», стр. 297.

¹⁹⁶ «Донесения», стр. 71.— Автор «Донесения» ошибочно считал этот текст тем

проектом, «который хотели нести в Сенат Рылеев и Пушкин»; см. также: Семеновский, стр. 296.

¹⁹⁷ Нечкина. 14 декабря, стр. 41.

¹⁹⁸ «Донесение», стр. 72; «Красный архив», № 13, 1925, стр. 165—166.

¹⁹⁹ Горбачевский, стр. 112.

²⁰⁰ ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 95; д. 400, л. 46; Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 216.

²⁰¹ Там же, д. 245, лл. 27, 55.—Грохольский же показал, что какое-то «важное письмо» привез Муравьеву из Киева Андреевич (л. 27).

²⁰² Горбачевский, стр. 156—162.—Горбачевский пишет, что Муравьев вручил Мозалевскому «письмо на имя одного генерала (которого фамилия неизвестна)» (стр. 156). Но не мог же Мозалевский разыскивать какого-то генерала, к которому он имел ответственное революционное поручение, не зная его фамилии. В показаниях Мозалевский ничего не говорит о других поручениях; из показаний сопровождавших его нижних чинов видно, что они, по прибытии в Киев, не медля отправились разыскивать Крупенникова, а затем вскоре они все были задержаны и арестованы. Сохранившиеся в мемуарной литературе упоминания о Мозалевском подтверждают наше предположение об его выдумке в данном случае. Завалишин утверждал, что на каторге декабристы относились отрицательно к Мозалевскому (Завалишин, стр. 314—316). Если даже допустить (как это часто приходится делать при учете свидетельств Завалишина) преувеличение в словах мемуариста, то все же следует признать, что в характере Мозалевского были какие-то черты, дававшие повод для такой исключительно резкой характеристики его, «какая находится в «Записках» Завалишина.

²⁰³ Горбачевский, стр. 107—108, 112.

²⁰⁴ ЦГИА, ф. № 48, д. 447, л. 29; Горбачевский, стр. 111—112.

²⁰⁵ «Красный архив», № 13, 1925, стр. 59 и 61.—Существовали и другие агитационно-инструктивные письма П. И. Борисова, которые он рассылал членам Общества. Из показания юнкера П. К. Головинского устанавливается, что Борисов прислал ему письмо, в котором уведомлял, что 8-я артиллерийская бригада «намерена бунтовать», что «уже многие солдаты об этом знают» и что «намерены приступить к всеобщему бунту 6 января» (ЦГИА, ф. № 48, д. 146, л. 27). П. И. Борисов переписывался с Головинским и ранее (см.: М. В. Нечкина. Три письма декабриста П. И. Борисова.—«Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 63; Ю. Г. Оксман—ВД, VI, 358—360). Из показаний Щеколды выяснилось, что письма Борисова к Головинскому широко обсуждались и служили поводом и материалом для агитационных выступлений (ЦГИА, ф. № 48, д. 146, л. 33).

²⁰⁶ «Собрание стихотворений декабристов». Лейпциг, 1862 («Библиотека русских авторов», т. II); «Собрание стихотворений декабристов», т. I—II. М., изд. И. И. Фомина, 1906—1907; «Поэты-декабристы. Собрание стихов». Под ред. и с вступ. статьей М. П. Алексеева. Одесса, 1924; «Поэты-декабристы. Сборник». Под ред. Ю. Н. Верховского. М., 1926; «Поэзия декабристов». Вступ. статья, подготовка текстов и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1950 («Библиотека поэта»); «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». Составил В. Н. Орлов. М.—Л., 1951.

²⁰⁷ М. А. Брисман. Агитационные песни декабристов.—«Декабристы и их время», 1951, стр. 7—22; К. В. Пигарев. Новые тексты агитационных песен декабристов.—«Лит. газета», 1950, № 125 от 26 декабря.

²⁰⁸ Б. С. Мейлах. Декабристы в борьбе за передовую русскую литературу. Л., 1951, стр. 6.

²⁰⁹ «Русская старина», 1890, № 11, стр. 505; Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы». — «Декабристы и их время», I, стр. 12—13; см. также: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 47.

²¹⁰ Н. Тургенев, стр. 60.

²¹¹ М. В. Нечкина. Новое о Пушкине и декабристах.—«Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 159.

²¹² Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 547.

²¹³ Бестужевы, стр. 414.

²¹⁴ A. Mięskiewicz. Les Slaves, t. III. Paris, 1849, p. 289.

²¹⁵ Д. И. Завалишин. Воспоминание о Грибоедове.—«Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 320.

²¹⁶ В. И. Семеновский. Волнения в Семеновском полку в 1820 г.—«Былое», 1906, № 1, стр. 30; «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. IV. М., 1892, стр. 16—17.

²¹⁷ А. И. Фелькнер. Предчувствие Рылеева о своей судьбе.—«Русская старина», 1872, № 10, стр. 440—441.

²¹⁸ Волконский, стр. 426.—Наиболее подробные сведения о содержании этих стихов Вадковского находятся в недавно обнаруженных «Воспоминаниях» декабриста В. С. Толстого. Толстой характеризует их как песни в духе Беранже: «песни-буфф» и «песни политические». («Воспоминания» В. С. Толстого подготовлены к печати С. В. Житомирской и будут напечатаны в сборнике Рукописного отдела Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

²¹⁹ О д о е в с к и й, стр. 273.—По свидетельству А. Е. Розена, это стихотворение относится к 1827 г. (там же, стр. 350).

²²⁰ В. Г. Б а з а н о в. Поэты-декабристы. М.—Л., 1950, стр. 176.

²²¹ Отрывки из дневника К. С. Сербиновича опубликованы В. С. Нечаевым в «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 246.

²²² С. Г о л у б о в. А. Н. Муравьев об А. С. Грибоедове.— «Лит. газета», 1939, № 46. — Воспоминания Андрея Муравьева остаются до сих пор не опубликованными.

²²³ В. Н. Орлов. Художественная проблематика Грибоедова.— «Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 57.

²²⁴ Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 417—418.

²²⁵ «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 35.

²²⁶ Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова. Под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова, т. III. Пг., 1917, стр. 93.

²²⁷ Избранные стихотворения В. К. Кюхельбекера. Шо-де-фон, 1880, стр. 85 (см. также: В. В. К а л л а ш. Историко-литературные мелочи.— «Русский архив», 1901, № 2, стр. 345). В тетради авторизованных копий (ИРЛИ) это примечание имеет другую редакцию: К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 461.

²²⁸ Сводку всех сведений, относящихся к поэме «Грузинская ночь», см.: А. С. Г р и б о е д о в. Сочинения в стихах. Вступ. статья, подгот. текста и прим. В. Орлова. Л., 1951, стр. 291—294.

²²⁹ Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 76.

²³⁰ «Ост. архив», т. III, стр. 1—2, 35.

²³¹ Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 524.—Не ясен вопрос относительно эпиграммы «Ему не свято ничего», — приписываемой в течение долгого времени Пушкину; о принадлежности ее Грибоедову сообщил С. А. Соболевский, указав, что она представляет собою «отрывок из более длинной пьесы» («Пушкин. Летописи Гос. лит. музея», кн. I. М., 1936, стр. 513). В альбоме Е. П. Ростопчиной эта эпиграмма соединена с другой эпиграммой Грибоедова («По духу времени и вкусу он ненавидел слово „раб“ и т. д.); там же приписка Ростопчиной: «Вот как Грибоедов определял мнение о себе московских дам». В. Н. Орлов полагает, что эта запись подтверждает сообщение Соболевского (Г р и б о е д о в. Сочинения в стихах. Л., 1951, стр. 299), но едва ли выражение «более длинная пьеса» могло относиться к восьмистишию; можно предположить, что Соболевский говорил о каком-то другом произведении, в которое входила данная эпиграмма, или о цикле эпиграмм.

²³² «Дневник Кюхельбекера», стр. 39.

²³³ Б а з а н о в, стр. 326—340.

²³⁴ Так, например, стихотворение «Песнь на Рейне», прочитанное Кюхельбекером в Обществе Соревнователей (в 1821 г.) и отсутствующее под таким заглавием среди его напечатанных произведений, очень близко по заглавию к стихотворению «К друзьям на Рейне», сохранившемуся в одной из тетрадей, находящихся ныне в Пушкинском доме; но едва ли последнее может быть подведено под жанр песен. Более вероятно сближение «Песни на Рейне» с отрывком, включенным в «Путешествие» («Полковник де Лер. Глава I»), который представляет собой подражание романсу Шуберта. По ритму и содержанию данное стихотворение вполне может быть названо «песней» и именно — «Песнь на Рейне». В стихотворении, которое в протоколах Вольного общества озаглавлено «Мечта», можно видеть «Прощание»: поэт перед отъездом из России прощается с друзьями и уже уносится мечтой в те страны, которые ему предстоит посетить («Уже волшебница мечта рисует мне» и т. д.).

²³⁵ Письмо П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому от 27 августа 1823 г.— К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XXXV.

²³⁶ «Летописи», стр. 182.— Об этой трагедии упоминает в своих воспоминаниях о Кюхельбекере Рыпинский (см. настоящий том, стр. 516).

²³⁷ В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке. (Новые материалы). Публикация В. Н. Орлова. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 76.

²³⁸ Б а з а н о в, стр. 374.

²³⁹ Б е с т у ж е в ы, стр. 213—214.

²⁴⁰ Р ы л е е в. Стих., стр. 334.

²⁴¹ М. В. Н е ч к и н а. Грибоедов и декабристы.— «Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 118.

²⁴² Epître à Ivacheff. Quelques heures de loisir à Toulchin par le prince Variatinskoy. М., 1824, р. 10.— На русском языке, в переводе Вс. Рождественского, опубликовано в сб. «Поэзия декабристов» (стр. 644—646) и ранее — в переводе Ф. Сологуба («Былое», 1926, № 1, стр. 11—13).

²⁴³ Б е с т у ж е в ы, стр. 284.

²⁴⁴ Н. Н. Муравьев-Карский писал о Петре Колошине: «Он хорошо учился, нрав его тихий, скромный и романтический. Он в особенности любит литературные занятия и, будучи душою поэт, легко пишет стихи» («Русский архив», 1885, № 9, стр. 30); стихи его печатались в «Отечественных записках», «Соревнователе» и др. изданиях (он подписывался: «П. Колошин» и «П. К.»). Колошину же принадлежал не до-

шедший до нас перевод трагедии Шиллера «Разбойники» (Базазов, стр. 303). Стихотворения Оржицкого также не собраны вместе; не установлены его псевдонимы и буквенные подписи; за полной подписью помещено стихотворение «Прощание гусара» в «Сыне отечества», 1819, № 51, стр. 223—224.

²⁴⁵ Я. Д. Баум. Еврей-декабрист. Григорий Абрамович Перец.— «Каторга и ссылка», 1926, № 4, стр. 122.

²⁴⁶ «Архив Тургеневых», т. II, вып. 3, стр. 5, 63—64, 139, 238; вып. 5, стр. 83 (на стр. 129 — немецкие стихи Н. И. Тургенева).

²⁴⁷ Семейский, стр. 406, 668.

²⁴⁸ «Из воспоминаний И. П. Липранди». — «Русский архив», 1866, стб. 1256—1257. Сводку всех данных об этом стихотворении см. в комментариях Ю. Г. Оксман к неизвестным стихотворениям и письмам В. Ф. Раевского в «Лит. наследстве», т. 60 (печатается).

²⁴⁹ Мичман Морозов показывал, что Дивов читал ему «свободные стихи, в числе коих одни были на вельмож, в коих воспевалась свобода» (ВД, VIII, 128). Возможно, что Дивов читал ему стихи Завалишина.

²⁵⁰ ЦГИА, ф. № 48, д. 447, лл. 19 и 98; см. также: М. В. Нечкина. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях.— «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 12.

²⁵¹ Там же, л. 19.

²⁵² Там же, л. 43.

²⁵³ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1925, стр. 59, 61.

²⁵⁴ С. И. Муравьев-Апостол, в свою очередь, также восторженно отнесся к Андреевичу, в котором видел типичного представителя «Славян». После свидания с Андреевичем он писал брату Матвею (16 ноября 1825 г.): «Ты бы собственными глазами увидел, какие благородные люди есть на свете и с каким самоотвержением отдаются они добруму делу. Это поистине хорошо, и, как удачно сказал Бестужев, есть нечто в высшей степени увлекательное в этих людях, движимых одним лишь горячим чувством, когда чувствуешь себя совершенно измученным от бесстрастной учености наших книжников» (Б. Е. Сыроечковский. Два письма С. И. Муравьева-Апостола.— «Красный архив», № 30, 1928, стр. 221).

²⁵⁵ «Декабристы на Україні», вып. 2. Київ, 1930, стр. 150.

²⁵⁶ М. В. Нечкина. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. — «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 14.

²⁵⁷ Рылеев. Стих., стр. 304—305, 364, 368.— Не установлена точно принадлежность Рылееву стихотворения «Тюрьма мне в честь, не в укоризну», написанного в крепости гвоздем на оловянной тарелке (Н. Цербрков. Воспоминания о Кронверкской куртине. — Воспоминания и рассказы деятелей Т. О., т. I, стр. 255). Е. И. Якушкин и П. А. Ефремов выразили сомнение в принадлежности этих стихов Рылееву, как якобы «не соответствующих» настроению Рылеева и всем его письмам и стихам, написанным в крепости. Это явно несостоятельное утверждение оказало значительное воздействие на исследователей творчества Рылеева и редакторов его сочинений. В. И. Маслов целиком принял эту точку зрения (Маслов, стр. 346); А. Г. Цейтлин совершенно изыал эти стихи из сочинений Рылеева, не включив их даже в отдел «Dubia» (Рылеев. Соч.). В изд. «Библиотека поэта» они включены также в отдел «приписываемых», хотя аргументация редактора явно противоречит такому пониманию и позволяет считать данный отрывок подлинным стихотворением Рылеева. Как «приписываемое Рылееву» оно включено и в антологию В. С. Мейлаха и В. Н. Орлова. Мы полагаем, нет достаточных оснований говорить о «внутреннем несоответствии» данного стихотворения Рылеева его переживаниям в крепости. Генерал Толь донес Бенкендорфу, что после допроса Рылеева последний «весьма холодно» заявил ему: «...я вам скажу, что я для счастья России полагаю конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем мнении» (ВД, I, 153).

²⁵⁸ Лорер, стр. 118—121. — В названном издании приведен и поэтический перевод, выполненный М. В. Нечкиной.

²⁵⁹ ГИМ, фонд Музея революции, № 274, лл. 119—128.

²⁶⁰ Стихи Вадковского опубликованы в издании: «Декабристы». Материалы. Под ред. П. М. Головачева. М., 1907, стр. 4—7 (в дальнейшем сокращенно—Головачев). О стихах Чернышева в крепости упоминает Н. М. Дружинин в статье «Семейство Чернышевых и декабристское движение». — Сб. «Ярополец». М., 1930, стр. 37. Источник автором не указан, — очевидно, письма к родным. Французский перевод стихотворения Чижова см.: Головачев, стр. 3; о стихах Ф. Н. Глинки: Ф. Н. Глинка. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и прим. В. Г. Базазова. Л., 1951, стр. 312; о Батенькове: Б. Л. Модзалевский. Декабрист Батеньков. — «Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 117 и сл.; о Кривцове: М. О. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 149—154 (в дальнейшем сокращенно—Гершензон).

²⁶¹ Басаргин, стр. 69.

²⁶² Бестужевы, стр. 301, 124.

²⁶³ Завалишин, стр. 240.

²⁶⁴ Гершензон, стр. 149.

- ²⁶⁵ Завалишин, стр. 240.
- ²⁶⁶ Гершензон, стр. 152—153.
- ²⁶⁷ Письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г. из Тифлиса: «...может быть, скоро свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха, и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторяются» (А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, стр. 196).
- ²⁶⁸ Впервые опубликовано А. Е. Розеном в изданном им собрании сочинений Одоевского (1883, стр. 189) как письмо самого поэта. Принадлежность данного письма П. А. Муханову установлена И. А. Кубасовым (Одоевский, стр. 72).
- ²⁶⁹ ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 722.
- ²⁷⁰ Розен, стр. 175.
- ²⁷¹ Беляев, стр. 205.
- ²⁷² ИРЛИ. Р. I, оп. 24, № 49.
- ²⁷³ Полн. собр. стих. А. И. Одоевского (декабриста). Собрал А. Е. Розен. СПб. 1883, стр. 209.
- ²⁷⁴ П. Н. Сакулин. А. И. Одоевский в неизданных письмах.— «Декабристы на каторге», стр. 154—156; подлинник на французском языке.
- ²⁷⁵ «Русская старина». 1882, № 2, стр. 313—336 (напечатано под наблюдением П. А. Ефремова); № 3, стр. 647—656; № 5, стр. 564.
- ²⁷⁶ Басаргин, стр. 118.
- ²⁷⁷ Лорер, стр. 145.
- ²⁷⁸ Д. И. Завалишин. Декабристы.— «Русский вестник», 1884, № 2, стр. 856—857.— Он упоминает об этом стихотворении также и в статье: «Воспоминание о Грибоедове».— «Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 312.
- ²⁷⁹ «Былое», 1906, № 5, стр. 1—2. Первые четыре стиха впервые напечатаны: «Русский вестник», 1860, № 8, стр. 387.— См. историю вопроса в примечаниях Д. И. Абрамовича к Полн. собр. соч. Лермонтова, изд. Академии Наук (т. II. Пг., 1916, стр. 542—543).
- ²⁸⁰ «Подложный Лермонтов».— «Весь», 1906, № 7, стр. 78.
- ²⁸¹ Н. О. Лернер. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии. IV. Стихи о наводнении.— «Каторга и ссылка», 1925, № 8, стр. 243—247.
- ²⁸² В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. Л., 1950, стр. 185—186.
- ²⁸³ Д. И. Завалишин. Воспоминание о Грибоедове.— «Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 312.
- ²⁸⁴ П. Е. Щеголев. Неизданные стихотворения А. И. Одоевского.— «Лит. вестник», т. VIII, 1904, стр. 203.
- ²⁸⁵ С. В. Максимов. Сибирь и каторга.— Собр. соч., т. III, изд. «Просвещение», б. г., стр. 241 (в дальнейшем сокращенно — Максимов).
- ²⁸⁶ Н. П. Огарев. Кавказские воды.— Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 405—406.
- ²⁸⁷ М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 317.
- ²⁸⁸ Полн. собр. стих. А. И. Одоевского. СПб., 1883, стр. 18.
- ²⁸⁹ Розен, стр. 175; Завалишин, стр. 273; Головачев, стр. 7; Лорер, стр. 410; Декабристы. Сост. В. Н. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 183—185.
- ²⁹⁰ Розен, стр. 175.
- ²⁹¹ О. Буланова. Роман декабриста. М., 1926.
- ²⁹² Завалишин, стр. 273.
- ²⁹³ И. С. Абрамов. Детство среди декабристов. Воспоминания художника М. С. Знаменского.— «Сибирские огни», 1946, № 2, стр. 104.
- ²⁹⁴ «Красный архив», № 10, 1925, стр. 317 (сообщение Е. Е. Якушкина).
- ²⁹⁵ «Из воспоминаний Л. Ф. Львова».— «Русский архив», 1885, № 4, стр. 541.
- ²⁹⁶ Бестужевы, стр. 294—295.— М. А. Бестужев сообщил, что впервые она была исполнена в Петровском заводе в 1830 г., на традиционном обеде в честь 14 декабря, одновременно с первым исполнением написанной им тогда же песни «Что ни ветер шумит». Эта дата принята и в моем комментарии; однако, как установил М. А. Брисман (см. «Лит. наследство», т. 60, печатается), датой песни «и музыки Вадковского к „Славянским девам“ следует считать 1835 г.». Можно полагать, что оба эти произведения были исполнены 29 декабря 1835 г., в день десятилетия восстания Черниговского полка.
- ²⁹⁷ Н. П. Огарев. Кавказские воды.— Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 408.
- ²⁹⁸ Георгий Анненков. Найденный отрывок из музыкальных произведений декабриста Пестеля.— «Красная газета» (вечерний выпуск), 1926, № 61, от 11 марта.
- ²⁹⁹ ЦГИА, ф. № 1463, д. 363, л. 1.
- ³⁰⁰ Д. З. Ильинский—казематный врач в Петровском заводе, очень преданный декабристам и оказывавший им большие услуги; подробную характеристику его см.— Бестужевы, стр. 264—266.

- ³⁰¹ Б е с т у ж е в ы, стр. 287.
- ³⁰² Там же, стр. 146, 393—394, 786. — О «Стрекозе» А. И. Орлова см.: М. К. А за до в с к и й. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947, стр. 22—23. — О творчестве Давыдова см. также в т. 60 «Лит. наследства» (печатается).
- ³⁰³ З а в а л и ш и н, стр. 273. — В. А. Бечаснов славился своей феноменальной рассеянностью; об этом рассказывает доктор Н. А. Белоголовый («Воспоминания»). М., 1901, стр. 77—80).
- ³⁰⁴ К. И. Ч у к о в с к и й. Некрасов и декабристы. — «Огонек», 1926, № 2.
- ³⁰⁵ Г о л о в а ч е в, стр. 2.
- ³⁰⁶ К у б а л о в, стр. 205.
- ³⁰⁷ М. И. С е м е в с к и й. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным. — «Русский вестник», 1870, № 5, стр. 326.
- ³⁰⁸ Б е с т у ж е в ы, стр. 427.
- ³⁰⁹ Г. В. П р о х о р о в. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. — «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926, стр. 215; А. Б е с т у ж е в - М а р л и н с к и й. Собрание стихотворений. Подготовка текста Г. В. Прохорова. Вступ. статья и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1948, стр. 28.
- ³¹⁰ ИРЛИ. Архив Бестужевых, ф. № 604, № 5581, л. 168.
- ³¹¹ Там же, № 5583, л. 155 об. — Это письмо дает возможность считать совершенно бесспорным, что адресатом письма Батенькова, опубликованного М. О. Гершензоном («Русские Пропилеи», т. II, стр. 41—44; перепечатано в книге: «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 120—123), является В. И. Штейнгель. Предположение С. Н. Чернова, что данное письмо адресовано Торсону, ошибочно. Письмо Штейнгеля к М. А. Бестужеву вместе с тем вполне подтверждает и датировку письма, которую предположительно устанавливал Гершензон: 1846 год.
- ³¹² Б. Я. Б у х ш т а б. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов. — «Омский альманах», кн. V, 1945, стр. 116—130; е г о ж е. Неизданные стихи Н. А. Чижова. — «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 165—170. Впервые сведения о стихах Чижова: К у б а л о в, стр. 64—65; Н. Н. Б а к а й. Литературные занятия декабристов в Сибири. — «Сибирские огни», 1922, № 3, стр. 60—65.
- Кроме того, следует отметить, что в литературе существует указание на песни А. И. Тютчева; по рассказам курагинских старожилов (Минусинский округ), он распевал песни собственного сочинения о декабристах и о Екатерине II. Насколько это известие точно, сказать трудно. Тютчев был знаком и выдающимся исполнителем народных песен, но о его собственных стихах и песнях никто из мемуаристов не упоминает, — по всей вероятности, песни, запомнившиеся минусинским старожилам, были народные песни (о Екатерине) и стихи его товарищей по каторге (см. А. П. К о с о в а н о в. Декабристы в Минусинском округе. — «Ежегодник Минусинского музея», т. III вып. 1, 1926, стр. 78).
- ³¹³ С большими цензурными купюрами и под измененным заглавием («Отчего я не женат») напечатано в изд.: Н. Б е с т у ж е в. Рассказы и повести старого моряка. СПб., 1860. Впервые по подлинной рукописи опубликовано — Б е с т у ж е в ы, стр. 539—572.
- ³¹⁴ В «Библиографии» Н. М. Ченцова указаны только две повести Корниловича. А. Г. Грум-Гржимайло высказал предположение о принадлежности Корниловичу еще двух повестей, напечатанных в альманахе А. А. Ивановского «Альбом северных муз» 1828 г. (А. Г. Г р у м - Г р ж и м а й л о. Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе. — «Декабристы на каторге», стр. 311).
- ³¹⁵ Роман Кюхельбекера «Последний Колонна» обнаружен в 1934 г. и опубликован отдельным изданием с предисловием и примечаниями В. Н. Орлова.
- ³¹⁶ Т. Г. С н ы т к о. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 126.
- ³¹⁷ Б е с т у ж е в ы, стр. 15—16.
- ³¹⁸ «Из записок Ипполита Оже». — «Русский архив», 1877, кн. II, стр. 55—56.
- ³¹⁹ ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 17; д. 386, лл. 34—35.
- ³²⁰ М. А. Ц я л о в с к и й. Дневник Е. А. Шаховской. — «Голос минувшего», 1920—1921, стр. 100.
- ³²¹ Б е л я е в, стр. 241.
- ³²² ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 722, лл. 6, 35.
- ³²³ Б е с т у ж е в ы, стр. 284—285.
- ³²⁴ Л о р е р, стр. 145.
- ³²⁵ Б е с т у ж е в ы, стр. 391.
- ³²⁶ «Русская старина», 1883, № 12, стр. 592—593.
- ³²⁷ «Замечания на „Путешествие в Грузию“». — «Сын отечества», 1838, т. I, отд. «Критика», стр. 1—15.
- ³²⁸ Письма Павла Бестужева к матери (ИРЛИ, «Архив Бестужевых», ф. № 604, № 13, л. 248); см. также публикацию Л. А. Лебедевой «Письмо Павла Бестужева к А. Бестужеву (Марлинскому) о смерти Пушкина». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 99.

³²⁹ Письма В. Кюхельбекера к Дельвигу. — «Русский архив», 1881, № 1, стр. 140; Н. Ф. Д у б р о в и н. В. А. Жуковский и его отношения к декабристам. — «Русская старина», 1902, № 4, стр. 109—110.

³³⁰ М. В. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Идеи декабристов. Киев, 1906, стр. 227.

³³¹ «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 170.

³³² Н. М. Я д р и н ц е в. Автобиография. — «Сибирский сборник». Иркутск, 1895, вып. 3, стр. 65.

³³³ М. К. А з а д о в с к и й. Декабристская фольклористика. — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1, стр. 76. — Драма «Раскольники» напечатана в «Русском архиве», 1886, № 1. — «Вдыхатель без денег». — ГПБ, собрание отдельных поступлений 1941 г., № 24/1.

В последние годы жизни, науганный ростом крестьянского движения и развитием материалистических идей, Улыбышев, подобно многим своим сверстникам, очень «поправел». В его труде о Бетховене (1857) уже совершенно нет следов бывшего декабризма.

³³⁴ «Письма В. Н. Лихарева». — «Родовой листок», 1917, № 3 (15), стр. 1—3, 5; Л о р е р, стр. 255.

³³⁵ С е м е в с к и й, стр. 175; показание Давыдова об этой «Записке» — ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 48 об.

³³⁶ Иван П н и н. Сочинения. Подготовка к печати и комментарии В. Н. Орлова. М., 1934, стр. 103—119, 284—285.

³³⁷ Ю. Н. Т ы н я н о в. Пушкин и Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 332.

³³⁸ Во время его пребывания на поселении была установлена и его настоящая фамилия (ВД, VIII, 300), но никаких последствий для него раскрытие этого обстоятельства не имело, и он до конца жизни именовался во всех официальных документах Выгодским.

³³⁹ При аресте Выгодского у него был обнаружен ряд бумаг на русском и польском языках: некоторые из них, вероятно, его собственного сочинения. Одно из них, представленное в переводе с польского оригинала, называется «Проект как действовать при допросах». В сопроводительной бумаге об этом сочинении было сказано: «Сие странное и непонятное к какой цели сочинение вероподобно откроет некоторые замыслы» (ЦГИА, ф. № 48, л. 13). Следственная комиссия не заинтересовалась этим произведением и не задавала по поводу него никаких вопросов Выгодскому; остался невыясненным и вопрос о его авторстве.

³⁴⁰ Г. Л у р ь е. Из рукописей декабриста Выгодского. — «Каторга и ссылка», 1934, № 3, стр. 86. — Г. Лурье цитирует в данном случае доклад генерал-губернатора Западной Сибири, Гасфорда; последний усматривал в этих бумагах следы болезненного состояния и расстройства ума Выгодского; совершенно неожиданно и вопреки всему содержанию своей работы, к этой мысли склоняется и автор названной статьи. Все цитаты из статей Выгодского приводятся далее по публикации Г. Лурье и особо не оговариваются.

³⁴¹ ЦГИА, архив III Отделения, 1 экзп., д. 61, ч. 102, л. 20. — Составлено 18 апреля 1855 г.

³⁴² «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 170.

³⁴³ Б а з а н о в, стр. 336; «Отечественные записки», 1820, ч. 2, стр. 393.

³⁴⁴ В а н д р е е в. Воспоминания кавказского старожилы. — «Кавказский сборник», т. I. Тифлис, 1887, стр. 84—88.

³⁴⁵ Б е с т у ж е в ы, стр. 380.

³⁴⁶ «Кавказский сборник», т. I, 1887, стр. 87.

³⁴⁷ В. А. Г а н ц о в а - Б е р н и к о в а. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — «Красный архив», № 16, 1926, стр. 193—196.

³⁴⁸ Г. В. П р о х о р о в. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. — «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926, стр. 220, 223.

³⁴⁹ Вторично перепечатано как неизданное в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. М., 1951, стр. 481—484. Редактор издания С. Я. Штрайх датирует это произведение 1826 годом, что неправильно, так как весь 1826 год Бестужев провел в заключении: сначала в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а затем в форте Слава.

³⁵⁰ С. Н. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гёте в Веймаре. — «Лит. наследство», т. 4-6, 1932, стр. 374—401; Ю. Н. Т ы н я н о в. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 331—362.

³⁵¹ «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 57—58.

³⁵² «Дневник В. К. Кюхельбекера». — «Русская старина», 1875, № 8, стр. 342—343; ВД, II, 193. — Эту лекцию Кюхельбекер посылал Е. А. Энгельгардту (Д. Ф. К о б е к о. Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1914, стр. 243—244); она ходила по рукам его друзей. «Взял ли ты мою парижскую лекцию у Елагина, — спрашивал Кюхельбекер в письме В. Ф. Одоевского, — если взял, отдай Александру <Одоевскому?» («Русская старина», 1904, № 2, стр. 383).

³⁵³ Неизвестно, на каком основании А. В. Попов называет лекцию о языке последней (А. В. Попов. Вакиханов и Кюхельбекер. — «Ученые записки Ставропольского гос. пед. института», кн. VII, 1951, стр. 185). Утверждения, что Кюхельбекер в этих лекциях знакомил французскую аудиторию с современной русской поэзией (Пушкин, Баратынский, Дельвиг), произвольны и не подтверждаются известными нам фактическими материалами; из записки, опубликованной Ю. Н. Тыняновым, видно лишь, что Кюхельбекер имел такое намерение («кафедра в Афинее, с которой он в воображении уже знакомит французов с вашими стихами». — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 343), но выполнить оп его не смог из-за быстро последовавшего запрещения продолжать чтения. Попов воссоздает содержание парижских лекций по запискам Гаккеля (опубликованы в «Летописи занятий постоянной историко-археологической комиссии», вып. 34. Л., 1926, стр. 238—266), но нет никаких оснований доверять лживому и тенденциозному рассказу реакционного мемуариста, к тому же всецело основанному на разных вздорных слухах.

³⁵⁴ ИРЛИ, 14163, XXXVIII, б. 7. — В одном из показаний Кюхельбекер говорил: «Наперерыв цензора, профессоры Московского университета и даже литераторы старались у меня отнять хлеб насущный» (ВД, II, 158).

³⁵⁵ «Из переписки князя В. Ф. Одоевского». Сообщил И. А. Бычков. — «Русская старина», 1904, № 2, стр. 379, 383.

³⁵⁶ В ЦГИА хранится «дело типографика Селивановского» (ф. № 48, д. 265); в нем перечислены все сотрудники «Энциклопедического словаря», в том числе и В. Кюхельбекер (л. 3 об.).

³⁵⁷ Этот эпизод подробно освещен в статье Н. П. Чулкова «Москва и декабристы». — «Декабристы и их время», II, стр. 314—315.

³⁵⁸ «Дневник Кюхельбекера», стр. 77.

³⁵⁹ К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. LXXVII.

³⁶⁰ Б е л я е в, стр. 241; Р о з е н, стр. 156; А. И. Одоевский. Полн. собр. стих. СПб., 1883, стр. 11—12. — М. А. Назимов, которому Розен посылал свою статью в рукописи, был очень недоволен этими подробностями и просил их выбросить из статьи. Розен писал ему в ответ: «Охотно выпущу из черного моего очерка и Рюрика и Державина; вычеркну совершенно лишние повторения, но оставлю белую тетрадь не как фарс или шик молодости, а как указательства, как он всегда избегал писания, — может быть, и то, что он держал тетрадь для присутствия духа (contenance), потому что между слушателями были знатоки литературного предмета не слабее его» (ИРЛИ, Р. I, оп. 24, № 49; письмо от 24 августа 1881 г.).

В собрание сочинений Одоевского включается критическая статья «О трагедии „Венцеслав“ сочинения Ротру, переделанной г. Жандром». Однако приписывание этой статьи Одоевскому, сделанное на основании позднейшего упоминания в крепостном дневнике Кюхельбекера, представляется недостаточно обоснованным. Эта статья была помещена в «Сыне отечества» (1825, ч. 99, № 1) за подписью: А. О. В одной из следующих книжек (1825, ч. 102, № 15) помещена за той же подписью статья «Перепись из писем к издателям из Москвы от Г. А. О.». Н. М. Ченцов включил и эту статью в список произведений Одоевского («Библиография» Н. М. Ченцова. М.—Л., 1929, стр. 446, № 2568). Однако последняя статья не может принадлежать Одоевскому, хотя бы уже по одному тому, что прислана из Москвы; не включена она и в наиболее полное собрание сочинений Одоевского под редакцией И. А. Кубасова. Но тем самым отрицательно решается вопрос и о принадлежности Одоевскому статьи о трагедии «Венцеслав», ибо невозможно предположить, что в одном и том же журнале, в одном и том же году разные лица подписывали свои статьи одинаковыми инициалами. Кюхельбекер же приписал статью Одоевскому, видимо, исключительно по догадке, основываясь на сходстве инициалов с именем и фамилией Одоевского.

³⁶¹ Н. Б е с т у ж е в. Статьи и письма. Л., 1933, стр. 175—176, 235—236; Письма М. А. и Н. А. Бестужевых с Петровского завода. Л., 1925, стр. 361—371.

³⁶² Б е с т у ж е в ы, стр. 777.

³⁶³ «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 160—161.

³⁶⁴ «Вечер в Киченево» (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). Публикация Ю. Г. Оксман. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 657—666.

³⁶⁵ Б а з а н о в. Раевский, стр. 103—104; П. С. Б е й с о в. О курсе поэзии Раевского. — «Вопросы философии», 1950, № 3, стр. 352—357; е го же. Курс поэзии В. Раевского. — «Ученые записки Ульяновского гос. пед. института», вып. IV, 1950, стр. 225—226.

³⁶⁶ ЦГИА, ф. № 635, оп. 1, дд. 52 и 53.

³⁶⁷ Б е л я е в, стр. 241; Р о з е н, стр. 156.

³⁶⁸ «Дневник Кюхельбекера», стр. 314.

³⁶⁹ «Декабристы на каторге», стр. 207.

³⁷⁰ См. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 1, стр. 91.

³⁷¹ М. К. А з а д о в е к и й. Областные слова Селегинского округа в записях декабриста Н. Бестужева. — «Бурятведческий сборник», вып. 2. Иркутск, 1926, стр. 46—49.

³⁷² А. К. Бороздин. Мое знакомство с декабристом бароном А. Черкасовым. — «Нива», 1887, № 11-12. — Записки Черкасова, сделанные им в с. Кригове, Малоархангельского уезда, Орловской губ., помещены в изд.: «Калики переходные» П. А. Бессонова, вып. 1 — 6. М., 1861 — 1874 (вып. 2, № 100; вып. 4, № 372; вып. 5, №№ 452, 485; вып. 6, №№ 613 — 614), но имя собирателя нигде не отмечено. Реакционный и беззащитный редактор (Бессонов) не счит нужным упомянуть имя декабриста, поставив вместо него имя лица (К. А. Бороздина), через которого эти записки были ему переданы. Автор воспоминаний о Черкасове, сообщивший сведения о его фольклористических занятиях, впоследствии известный историк русской литературы — сын К. А. Бороздина, и потому его свидетельство в данном случае является вполне авторитетным.

³⁷³ М. К. Азадовский. Николай Бестужев — этнограф. Иркутск, 1924; его же. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. — «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 101—103; Л. К. Чуковская. Декабристы — исследователи Сибири. М., 1951, стр. 49—54 («Гусиное озеро» перепечатано в сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927).

³⁷⁴ «Письма декабристов Бестужевых из Сибири». Иркутск, 1929.

³⁷⁵ Бестужевы, стр. 778.

³⁷⁶ Сведения Лушникова сообщены мне М. Ю. Барановской.

³⁷⁷ «Русская старина», 1871, № 4, стр. 461. — О своих записях бурятских сказок М. А. Бестужев упоминает в «Дневнике путешествия нашего из Читы в Петровский завод» (Бестужевы, стр. 328); ГПБ, архив Литературного фонда, т. 20, лл. 604—605.

³⁷⁸ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в шести томах, т. III. Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1936, стр. 412—423.

³⁷⁹ М. С. Лунин. Сочинения и письма. Ред. С. Я. Штрайха. Пг., 1922, стр. 82.

³⁸⁰ Дружинин, стр. 98; ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 236, л. 5 (письмо М. И. Бибикова от 14 марта 1867 г.). См. также публикацию И. Н. Медведевой в настоящем томе.

³⁸¹ Б. Л. Модзалевский. Декабристы. Мелкие заметки. — «Минувшие годы», 1903, № 1, стр. 278.

³⁸² Дружинин, стр. 266—267.

³⁸³ Бестужевы, стр. 509. — Полный текст «Опыта истории российского флота» недавно обнаружен в Центральном гос. архиве военно-морского флота в Ленинграде (см. Г. Е. Павлова. Декабрист Н. А. Бестужев. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1952, стр. 7, 9—10).

³⁸⁴ Сообщение Лушникова — см. прим. 376.

³⁸⁵ А. Г. Грум-Гржимайло. Письма А. О. Корниловича из Петропавловской крепости. — «Бунт декабристов», стр. 393—396; его же. Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе. — «Декабристы на каторге», стр. 307—336; его же. Декабрист А. О. Корнилович. — «Декабристы и их время», II, стр. 324—356.

³⁸⁶ П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 306, 334; А. Г. Грум-Гржимайло. Декабрист А. О. Корнилович. — «Декабристы и их время», II, стр. 350. — Как позже сообщил сам А. О. Корнилович брату (М. О. Корниловичу), «Атлас» состоял из пяти карт, но не был доведен до конца (письмо от 3 ноября 1831 г.; хранится в семейном архиве А. Г. Грум-Гржимайло).

³⁸⁷ Базанов, стр. 368, 372, 378, 388; «Декабристы и их время», II, стр. 350. — Из данного сообщения явствует, что в последней редакции книга имела заглавие — «Биография царевича Алексея Петровича».

³⁸⁸ Базанов, стр. 373, 375.

³⁸⁹ «Декабристы на каторге», стр. 312, 320.

³⁹⁰ А. А. Сиверс. П. А. Муханов. Материалы для биографии. — «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 158.

³⁹¹ «Русская старина», 1888, № 12, стр. 589.

³⁹² ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 8 об. (в Костромской губ. у Бошняка было имение).

³⁹³ «Русская старина», 1888, № 12, стр. 590; Базанов, стр. 389.

³⁹⁴ «Русская старина», 1888, № 12, стр. 591.

³⁹⁵ П. С. Попов. П. А. Муханов в Сибири. — «Декабристы на каторге», стр. 207. — О курсе, прочитанном в каземате, сообщает Розен (стр. 156—157).

³⁹⁶ Военно-исторические сочинения И. Г. Бурцова впервые учтены в книге Е. А. Прокофьева «Военные взгляды декабристов». М., 1953. В ней же сделан и первый опыт библиографического учета работ Бурцова, однако некоторые работы остались вне поля зрения автора, в частности — не выяснен вопрос об участии Бурцова в «Тифлисских ведомостях».

³⁹⁷ А. Ш. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. I, стр. 95—96.

³⁹⁸ А. И. Одоевский. Полн. собр. стих. СПб., 1883, стр. 11—12.

³⁹⁹ О переводах А. Ф. Бриггена см.: С. Н. Б р а и л о в с к и й. Из жизни одного декабриста. — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 564—565; Н. Ф. Д у б р о в и н. В. А. Жуковский и его отношения к декабристам. — «Русская старина», 1904, № 2, стр. 114—115. — Перевод «Записок» Юлия Цезаря был разрешен к печати, но реализовать это разрешение не удалось.

⁴⁰⁰ «Письма М. С. Лунина из Акатуя». Прим. Б. Л. Модзалевского. — Сб. «Ате-ней», вып. III. Л., 1926, стр. 19; оригинал по-французски.

⁴⁰¹ «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пуцина и Э. Г. Толя». М., 1936, стр. 269.

⁴⁰² С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 30.

⁴⁰³ А. И. Л у ч ш е в. Декабрист Батенков. — «Русский архив», 1886, № 6, стр. 279.

⁴⁰⁴ Первоначально был опубликован под заглавием «Записка о Сибири» в «Историческом сборнике» Вольной русской типографии в Лондоне, кн. 1. Лондон, 1859, стр. 76—100 (более исправно под заглавием: «Сибирские сатрапы. 1765—1819». — «Исторический вестник», 1884, № 8, стр. 366—386).

⁴⁰⁵ Из письма А. Ф. фон-дер-Бриггена к А. Е. Розену. — «Русский архив», 1874, № 9, стр. 705—708. — Закончив изложение слышанных им рассказов о Минихе, он пишет: «Вот исторические предания о Пельме. Кажется, что теперь здесь я единственный хранитель оных». См. также: П. М. М а й к о в. Граф Миних в Сибири. — «Русская старина», 1900, № 1, стр. 225—228.

⁴⁰⁶ Неизданное письмо декабриста А. В. Веденяпина. — «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 351—354.

⁴⁰⁷ А. А. С и в е р с. Два письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину. — «Декабристы и их время», I, стр. 201.

⁴⁰⁸ С. В. Ш и н о в. Из воспоминаний. — «Русский архив», 1874, № 6, стр. 164.

⁴⁰⁹ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 28 (Записка Н. И. Комарова).

⁴¹⁰ З а в а л и ш и н, стр. 273.

⁴¹¹ К. А. П а ж и т н о в. Экономические идеи декабристов. М., 1945, стр. 101.

⁴¹² И. Г. Б л о ж и н. Экономические воззрения декабристов. — «Проблемы экономики», 1940, № 5-6, стр. 208.

⁴¹³ С. Я. Б о р о в о й. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите». — «Известия Академии Наук. Отделение истории и философии», 1951, № 1, стр. 46—60.

⁴¹⁴ До недавнего времени считался принадлежащим Пестелю труд «Практические начала политической экономии» (1819), сохранившийся в его «деле» и опубликованный в 1925 г. («Красный архив», № 13, стр. 174—249). Последними исследованиями вопрос о принадлежности этого труда Пестелю решается отрицательно. — См. С. М. Ф а й е р ш т е й н. Просветительная программа Южного общества декабристов. — «Советская педагогика», 1952, № 1, стр. 70.

⁴¹⁵ С. Я. Б о р о в о й. Указ. статья, стр. 47.

⁴¹⁶ «Архив Тургеневых», вып. 1, стр. 262; М. Л. В и ш н и ц е р. Геттингенские годы молодого Н. И. Тургенева. — «Минувшие годы», 1908, № 5, стр. 234—235; «Письма Н. Тургенева», стр. 246. — Одновременно с изучением Сая Тургенев задумал написать «Рассуждение о политической экономии» («Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 106); замысел этот Тургенев скоро оставил, но в «Дневнике» сохранились любопытные заметки его, относящиеся к задуманному сочинению и чрезвычайно характерные для выяснения декабристского понимания задач политической экономии: «Политическая экономия интересна потому уже, что родилась вместе с конституционным свободой народов Европы, или, что она неразлучна с сею свободой; что свобода новейших народов, не так, как древних, основывается на финансах, которые суть основание и орудие ее» (там же, стр. 117).

⁴¹⁷ Л о р е р, стр. 145. — Против системы Канкрин было направлено и сочинение М. Ф. Орлова «О государственном кредите».

⁴¹⁸ В. В. Д а н и л о в. Декабристские материалы Пушкинского дома. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 277; ИРЛИ, ф. № 606, № 21. Там же сообщение о рукописных замечаниях Торсона по поводу «новых торговых сношениях с Китаем» (л. 90).

⁴¹⁹ ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, д. 459, лл. 19 об. — 20.

⁴²⁰ ИРЛИ. Архив Бестужевых, №№ 5561, 5569; Б е с т у ж е в ы, стр. 308, 778.

⁴²¹ П у ш к и н, стр. 188, 196—198, 206—207.

⁴²² О Бярятинском см.: Н. П. П а в л о в - С и л ь в а н с к и й. Очерки по русской истории XVIII — XIX вв. СПб., 1910, стр. 259—260; Б. Л. Модзалевский и Я. Декабрист Бярятинский и его стихотворения. — «Былое», 1926, № 1, стр. 1—10; Е. К и с л и ц ы н а. Поэт-декабрист А. П. Бярятинский. — «Сборник в честь акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 423—432. — Текст французского стихотворения о божестве напечатан в статье Е. Кислицыной; подстрочный перевод его, выполненный М. В. Нечкиной, приведен в сб. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. М., 1952, стр. 437—440; стихотворный перевод (Вс. Рождественского) — «Поэзия декабристов». Л., 1951, стр. 648—649.

⁴²³ Б е л я е в, стр. 228.

⁴²⁴ И. Я. Ш и п а н о в. Социально-политические и философские воззрения декабристов. — В сб. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. М., 1951, стр. 56.

⁴²⁵ Н. П. П а в л о в - С и л ь в а н с к и й. Очерки по русской истории XVIII — XIX вв. СПб., 1910, стр. 278—281.

⁴²⁶ Н. М. Д р у ж и н и н. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа. — «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. II, 1941, стр. 39; «Вопросы философии», 1949, № 3, стр. 291—298.

⁴²⁷ Д. И. Шаховской предложил считать известное письмо Чаадаева за подпись «Безумный» (Сочинения и письма Чаадаева, т. I. М., 1913, стр. 208—213) адресованным не А. И. Тургеневу, как это предполагал редактор сочинений Чаадаева, а И. Д. Якушкину (Д. И. Ш а х о в с к о й. Якушкин и Чаадаев. По новым материалам. — «Декабристы и их время», II, стр. 195—196). Если эта догадка справедлива, то следует предположить, что Чаадаеву было известно о каком-то сочинении Якушкина, над которым он работал в Сибири, посвященном вопросам философии, истории и проблеме взаимоотношения науки и религии. Из замечаний и возражений Чаадаева видно, что в этом сочинении утверждалась полная несовместимость веры и знания («вера и разум не имеют ничего общего между собою»). Соображения Д. И. Шаховского представляются очень убедительными, — во всяком случае, совершенно бесспорно, что адресатом этого письма не мог быть религиозно настроенный А. И. Тургенев, которому и вообще не под силу было бы сочинение о философии истории. Не составляет ли опубликованный отрывок часть того сочинения, о котором упоминает в письме Чаадаев? Такое предположение вполне оправдывается анализом содержания письма и хронологическими данными.

⁴²⁸ Б е л я е в, стр. 229.

⁴²⁹ С. Н. Б р а и л о в с к и й. Из жизни одного декабриста. — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 564. — Сам Бригген полагал, что направление Гиббона — не антирелигиозное, но «антииерархическое» (там же).

⁴³⁰ Декабристы очень ценили этот труд П. С. Бобрищева-Пушкина и придавали ему большое значение; упоминания о нем часто встречаются в их переписке: П у щ и н, стр. 190—191, 201, 330; Я к у ш к и н, стр. 283, 651; см. также: «Памяти декабристов», т. III. Л., 1926, стр. 59—62.

В 1878 г. друзья П. С. Бобрищева-Пушкина вновь пытались поставить вопрос об издании этого перевода, для чего обратились за советом и помощью к Л. Н. Толстому. Однако Толстой, ознакомившись с переводом, отметил его неполноту и некоторые другие дефекты и категорически отсоветовал публиковать («Красный архив», 1924, № 6, стр. 239).

⁴³¹ П у щ и н, стр. 200—201.

⁴³² Н. В. И з м а й л о в. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. — «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 55—70.

⁴³³ П у щ и н, стр. 81.

⁴³⁴ Б е с т у ж е в ы, стр. 209.

⁴³⁵ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. 41.

⁴³⁶ «Записная книжка П. Х. Граббе». — «Русский архив», 1888, № 4, особ. пагинация, стр. II; «Из памятных записок П. Х. Граббе». — «Русский архив», 1873, стр. 416 и сл.

⁴³⁷ «Из воспоминаний И. П. Липранди». — «Русский архив», 1866, стб. 1213.

⁴³⁸ Н. К и с е л е в. Существуют ли записки графа М. А. Мамонова. — «Русский архив», 1868, стб. 88—89.

⁴³⁹ П у щ и н, т. XII, стр. 310; т. XI, стр. 311, 313. — Это наблюдение принадлежит Б. В. Т о м а ш е в с к о м у, разрешившему включить его в настоящий обзор.

⁴⁴⁰ М. К. А з а д о в с к и й. Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы. (Неопубликованная глава «Записок Завалишина». — «Декабристы и их время», I, стр. 226.

⁴⁴¹ М а к с и м о в, стр. 271.

⁴⁴² П. А. Садилов отрицал это обстоятельство, полагая, что А. М. Муравьев «едва ли был способен на подобную сложную синтетическую работу» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 114). Однако такое заявление не подтверждено достаточно веской аргументацией и вытекает из неоправданно пренебрежительного отношения автора к личности А. М. Муравьева.

⁴⁴³ Д. И. З а в а л и ш и н. Декабрист Лунин. — «Исторический вестник», 1880, № 1, стр. 139.

⁴⁴⁴ Ц Г И А, ф. № 48, оп. 4, д. 37, л. 1 об. Сообщено мне Л. А. С о к о л ь с к и м, которому приношу глубокую благодарность.

⁴⁴⁵ «Декабристы на каторге», стр. 334.

⁴⁴⁶ «Русская старина», 1875, № 7, стр. 350; «Дневник Кюхельбекера», стр. 241.

⁴⁴⁷ Н. Н. Б а к а й. Сибирь и декабрист Г. С. Батенков. — «Труды Томского краевого музея», вып. 1, 1927, стр. 47.

⁴⁴⁸ «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». М., 1926, стр. 47.

⁴⁴⁹ С. Н. Чернов. Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания. — «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 83, 123—129.

⁴⁵⁰ ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, д. 459, лл. 19 об. — 20. — В этом же письме Батеньков упоминает о статье «Поселенцы». Возможно, что и она имела мемуарный характер.

⁴⁵¹ В автобиографическом очерке «Данные. Повесть собственной жизни» Батеньков писал: «...прочитав „Исповедь“ Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его: написал сряду к нему два письма; одно, и лучшее, не дошло. На другое он отвечал, благодаря, и обещал не почитать свои „Мертвые души“ ни слишком великим делом, ни грехом смертным» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 97).

Уже после того, как настоящий очерк был закончен, Т. Г. Снытко обнаружил в Отделе рукописей ЛБ черновик упомянутой статьи о Гоголе (см. т. 60 «Лит. наследства», печатается).

⁴⁵² «Записки» декабристов. — Герцен, т. XV, стр. 463 (первоначально: «Колокол», № 143, 1 сентября 1862 г.): «Мы предполагаем издавать „Записки“ отдельными выпусками и начать с „Записок“ И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затем последуют „Записки“ князя Оболенского, Басаргина, Штейнгеля, Люблинского, Н. Бестужева» и др.

⁴⁵³ Кубалов, стр. 205.

⁴⁵⁴ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1927, стр. 220.

⁴⁵⁵ «Исторический вестник», 1888, № 10, стр. 260.

⁴⁵⁶ К. А. Иеропольский. М. А. Назимов. — «Познай свой край», вып. 1. Псков, 1921, стр. 41. — О записках Назимова говорил в 1917 г. автору настоящего очерка И. А. Шляпкин, имевший тесные связи с псковскими деятелями. О знакомстве Назимова с Некрасовым см.: А. Н. Пыпин. Из переписки с Н. А. Некрасовым. Сообщил и комментировал Н. А. Пыпин. — «Звенья», V, 1935, стр. 505—506; «Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 162 и 165; Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. V. Л., 1930, стр. 500, 506—507.

⁴⁵⁷ ИРЛИ, Р. 1, оп. 24, № 49.

⁴⁵⁸ Бестужевы, стр. 780; см. также воспроизведение первой страницы рукописи (там же, стр. 363).

⁴⁵⁹ «Кавказский сборник», т. I. Тифлис, 1876, стр. 123—124; то же, т. II, стр. 75—115.

⁴⁶⁰ К. Я. Грот. Пушкинский лицей. Бумаги первого курса. М., 1911, стр. 113.

⁴⁶¹ А. С. Гацинский. А. Д. Улыбышев. — «Русский архив», 1868, № 1, стр. 63; А. Д. Улыбышев. Новая биография Моцарта, т. I. С предисл. Г. Лароша. СПб., 1890, стр. 17. Одна из тетрадей (1843—1844) сохранилась, она опубликована в «Звезде» (1935, № 3, стр. 174—176 с предисл. и прим. М. И. Аронсона); однако, странным образом, комментатору осталась неизвестной публикация Б. Л. Модзалевского («Декабристы и их время», I), вскрывающая связи Улыбышева с декабристами, вследствие чего комментарий оказался неполным и односторонним.

⁴⁶² Герцен и Огарев. Новые материалы. Письма Огарева. Сообщил Я. З. Черняк. — «Звенья», VI, 1936, стр. 376—377.

⁴⁶³ Е. Ф. Юнге. Воспоминания. М., 1914, стр. 115—116.

⁴⁶⁴ Д. И. Завалишин. Декабристы. — «Русский вестник», 1884, № 2, стр. 84.

⁴⁶⁵ Горбачевский, стр. 357.

⁴⁶⁶ Подробно об этом см. в нашей статье: «Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник». — Бестужевы, стр. 649—654.

⁴⁶⁷ «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 21.

⁴⁶⁸ «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». М., 1926, стр. 59.

⁴⁶⁹ Максимов, стр. 324—325; см. также «Щукинский сборник», т. X. М., 1912, стр. 449.

⁴⁷⁰ Впрочем, не всегда возможно точно установить, к какому разделу научного знания относилось то или иное сочинение. Так, например, не дошедшее до нас «капитальное сочинение» Н. А. Бестужева «Система мира» (Бестужевы, стр. 287) являлось, вероятно, не только физико-математическим трудом, но и философским.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ, УПОМЯНУТЫХ В «ОБЗОРЕ»

Андреевич Я. М.	Бестужев Павел А.	Борисов А. И.
Арбузов А. П.	Бестужев Петр А.	Борисов П. И.
Барятинский А. П.	Бестужев-Рюмин М. П.	Булгари Н. Я.
Батеньков Г. С.	Бечаснов В. А.	Бурцов И. Г.
Бестужев А. А.	Бобрищев-Пушкин Н. С.	Вадковский Ф. Ф.
Бестужев М. А.	Бобрищев-Пушкин П. С.	Веденяпин А. В.
Бестужев Н. А.	Бобычев Андрей	Волконский С. Г.

Вольф Ф. Б.	Лашкевич	Поджио А. В.
Выгодский П. Ф.	Лихарев В. Н.	Пушкин А. С.
Глинка Ф. Н.	Лорер Н. И.	Пуцин И. И.
Горбачевский И. И.	Лунин М. С.	Раевский В. Ф.
Граббе П. Х.	Люблинский Ю. К.	Римский-Корсаков Г. А.
Грибоедов А. С.	Митьков М. Ф.	Розен А. Е.
Давыдов В. Л.	Муравьев А. М.	Рылеев К. Ф.
Дмитриев-Мамонов М. А.	Муравьев А. Н.	Спиридов М. М.
Долгорукий И. А.	Муравьев М. Н.	Токарев А. А.
Драгоманов Я. А.	Муравьев Никита М.	Толстой Ф. П.
Завалишин Д. И.	Муравьев(Карский)Н.Н.	Торсон К. П.
Загорецкий Н. А.	Муравьев-Апостол М. И.	Трубецкой С. П.
Заикин Н. Ф.	Муравьев-Апостол С. И.	Тургенев Н. И.
Зубов В. Я.	Муханов П. А.	Тютчев А. И.
Иванов И. И.	Назимов М. А.	Улыбышев А. Д.
Ивашев В. П.	Нарышкин М. М.	Фонвизин М. А.
Игельстром К. П.	Николаев Федор	Черкасов А. И.
Киреев И. В.	Новиков М. Н.	Чернов К. П.
Колошин Павел И.	Норов В. С.	Чернышев Э. Г.
Колошин Петр И.	Оболенский Е. П.	Чижов Н. А.
Комаров Н. И.	Одоевский А. И.	Шаховской Ф. П.
Корнилович А. О.	Оржицкий Н. Н.	Шимков И. Ф.
Кривцов С. И.	Орлов М. Ф.	Шипов С. П.
Крюков Н. А.	Паскевич(Пашкевич)М. Н.	Штейнгель В. И.
Кюхельбекер В. К.	Перетц Г. А.	Юшневский А. П.
Кюхельбекер М. К.	Пестель П. И.	Якубович А. И.
Лачинов Е. Е.	Пестов А. С.	Якушкин И. Д.